№64.

Русскія юридическія древности

лекціи
читанныя въ С. Петербургскомъ.
Археологическомъ Институтѣ.

проф. Сергѣевичемъ

Литография Грубовой Петер. ст. Малый пр. д. 28.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
52280-54

Русскія юридическія древности

Введеніе

Приступая къ изученію русскихъ юридическихъ древностей, къ изученію древняго юридическаго быта нашего отечества, мы прежде всего должны ознакомиться съ характеромъ русскаго древняго права и съ тѣми силами, которыя производили его, т. е. съ источниками этого права.

Первоначальнымъ и главнѣйшимъ источникомъ права въ древней Россіи былъ обычай, а поэтому и право это, какъ и всякое древнее право, было право обычное. Подъ нимъ разумѣется такое, нормы котораго прилагаются на практикѣ вслѣдствіе согласнаго убѣжденія отдѣльныхъ лицъ въ обязательности этихъ нормъ. Но поддерживаясь согласнымъ убѣжденіемъ, обычай, по происхожденію своему безличенъ; этимъ онъ отличается отъ закона, всегда обязаннаго своимъ возникновеніемъ извѣстному лицу-законодателю. Поэтому обычай, какъ безличный, не можетъ имѣть опредѣленнаго начала и становится замѣтнымъ только тогда, когда онъ уже вполнѣ сложился, когда нормы его сдѣлались обязательными для извѣстнаго круга лицъ, въ ихъ юридическихъ отношеніяхъ между собою.

Книжная ученость о томъ, какимъ путемъ обра-

зуется обычай, различны. Ученые старой школы полагали за основание его привычку отдельных лиц поступать извѣстнымъ образомъ. Новая же школа, въ лицѣ Пухты, считаетъ, такую привычку лишь признакомъ наличности нѣкоторой нормы обычнаго права, утвердившейся въ народномъ сознаніи. Кромѣ обычая, Пухта признаетъ еще два источника права — законодательную дѣятельность и дѣятельность юристовъ. Но ни законодатель, ни наука права не могутъ игнорировать народной воли: напротивъ, первый только формулируетъ и, выражаетъ въ опредѣленномъ законоположеніи, а вторая необходимо должна сообразоваться съ ней въ своихъ научныхъ выводахъ. Итакъ, по взгляду Пухты, всякое право народно, т. е. имѣетъ своимъ источникомъ народное убѣжденіе, всякое право возникаетъ изъ народнаго духа. Этотъ взглядъ изъ нѣмецкой литературы перешелъ въ нашу.

Но безошибочность подобнаго возрѣнія на возникновеніе обычая, какъ предполагающаго существованіе въ каждомъ народѣ своего единаго обычнаго права, за послѣднее время стала подвергаться сомнѣнію. Дѣйствительно, на первыхъ ступеняхъ развитія общественности нигдѣ не встрѣчается общенародныхъ обычаевъ, а дѣйствуютъ лишь мѣстные обычаи, что подтверждается и историческими памятниками давняго прошлаго. Такъ нашъ начальный лѣтописецъ говоритъ, что радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинъ обычай, отличный отъ обычаевъ древ-

лянъ и галлянъ, которые въ свою очередь были различны. Также и въ древней Германіи не было общаго обычнаго права, но въ каждомъ племени (франки салическіе, рипуарскіе и др.) дѣйствовало свое отдѣльное право.

Въ виду такого несогласія изложенной теоріи съ историческими данными, нѣкоторые ученые рѣшились признавать за основаніе обычая общее мнѣніе не цѣлаго народа, а опредѣленнаго круга людей. Но послѣдній понятіе вполнѣ неопредѣленно, и потому такой взглядъ также не вѣренъ. Нельзя принять за основаніе обычая также убѣжденіе племени потому что оно, какъ и убѣжденіе народа" есть только сумма убѣжденій отдѣльныхъ лицъ

Такимъ образомъ происхожденіе древнихъ обычаевъ можно выводить лишь изъ индивидуальнаго сознанія отдѣльныхъ лицъ. Но такъ какъ обычное право представляетъ собою сумму правовыхъ нормъ, обязательность которыхъ признается всѣми, то для образованія его необходимо, чтобы представленіе индивидуальнаго сознанія перешло въ общее сознаніе; иначе не будетъ обычнаго права, а только единообразныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ.

Для такого перехода требуется наличность нѣкоторыхъ условій. Прежде всего надобно, чтобы извѣстное сознаніе явилось у многихъ людей, вынужденныхъ поступать одинаково вслѣдствіе одинаковости ихъ жизненныхъ условій. Надо также, чтобы эти единообразныя дѣйствія повторялись въ теченіи болѣе или

менѣе продолжительнаго времени, такъ, чтобы образовалась общая привычка поступать такъ, а не иначе. („Такъ поступали отцы наши, такъ поступаемъ и мы." „Какъ люди, такъ и мы; „впередъ людей не убѣгай, а отъ людей не отставай.")

Съ теченіемъ времени эта привычка на столько усиливается, что отдѣльныя лица, начиная сознавать нецѣлисообразность или несправедливость даннаго обычая, все таки продолжаютъ подчиняться ему. Такимъ образомъ возникаетъ повальный обычай, общій обычай. („Повальный обычай, что царскій указъ;" „противъ обычая не спорь." „кстати и попъ пляшетъ.")

Но здѣсь уже лежитъ и зародышъ первой борьбы въ обществѣ съ обычаями. Чѣмъ чаще сознаніе о безполезности или вредности обычая станетъ проявляться въ умѣ отдѣльныхъ лицъ, тѣмъ скорѣе можетъ произойти подрывъ обычая вслѣдствіе частыхъ нарушеній его дѣйствіями энергическихъ личностей, — и мало по малу такой обычай, теряя свою обязательную силу, окончательно разрушается, и уступаетъ мѣсто другому. („На обыкъ, есть перевыкъ;" „быкъ да и тотъ отвыкъ.")

Въ началѣ исторіи мы видимъ крайнее разнообразіе обычаевъ. Такъ, по Нестору, у древлянъ были одни обычаи, а у полянъ другіе. („Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай.") Такое разнообразіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что обычное право беретъ начало не изъ народнаго или племеннаго сознанія, а изъ индивидуальнаго убѣжденія отдѣльныхъ

лицъ, живущихъ совмѣстно и взаимно вліяющихъ другъ на друга, вслѣдствіе чего, путемъ долгаго навыка, переходитъ въ общее сознаніе („У бабы обычай, а у дѣвки свой; „у Сидора обычай, а у Карпа свой.

Предлагать новые обычаи въ жизни могутъ только люди энергическіе, и потому обычное право всегда есть право сильнаго; отсюда и замѣчается въ древности подавленіе сильными слабыхъ, мущинами женщинъ, старшими дѣтей. Такъ было у насъ; такъ было и у другихъ народовъ.

Наши древніе историческіе и юридическіе памятники (лѣтописи и договоры) для обозначенія права употребляютъ два наименованія: „поконъ" и „законъ". Въ договорѣ Олега съ Греками 911 г. читаемъ: „мы же кляромся... по закону и по поконъ языка нашего."

Срезневскій думаетъ, что слово „законъ" употреблено здѣсь въ смыслѣ legis, въ смыслѣ закона нашего времени, а слово „поконъ" въ смыслѣ обычая, consuetudinis. Но такое толкованіе трудно допустить; трудно предположить, чтобы въ началѣ X в. существовала у насъ опредѣленная законодательная дѣятельность, государственная власть, творящая самостоятельное право.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что лѣтопись не различаетъ понятій „законъ" и „обычай", а напротивъ понимаетъ ихъ, какъ синонимы. Такъ повѣствуя о племенахъ, живущихъ въ древней Россіи, она говоритъ: „имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья," а затѣмъ: „По-

ляне бо своихъ отець обычай имуть." Такимъ образомъ слова законъ и поконъ въ древности одинаково обозначают обычай. Да и по происхождению своему отъ слова „конъ" (начало, граница, нѣкоторое опредѣленное мѣсто въ игрѣ) они, естественно, имѣютъ одно значеніе, такъ какъ предлоги „за" и „по", взятые въ соединеніи съ винительнымъ падежомъ какого-либо слова, показываютъ предѣлъ, границу (загнать, загруда, заборъ и т.д.; по гробъ, потуда и т.д.) Отсюда слово „законъ", употребляемое въ древнихъ памятникахъ, означаетъ также обычай, какъ слово „поконъ", а не законъ въ современномъ намъ смыслѣ.

Мнѣніе Срезневскаго можетъ опираться на сродство постановленій договоровъ и Русской Правды о наказаніи за ударъ какимъ либо орудіемъ, если въ ссылкѣ договоровъ на „русскій законъ" (догов. 911 г. ст. 5, также 945 г. ст. 14) видѣть ссылку на Русскую Правду (Акад. сп. ст. 3, Карамз. сп. ст. 21), какъ актъ законодательной власти. Но, при внимательномъ сличеніи соотвѣтственныхъ мѣстъ объ этомъ въ договорахъ и Русской Правдѣ, мы находимъ, что это сродство не полное. Кромѣ того ст. 9 договора 945 г. говоритъ: „да будетъ повиненъ закони Руску и Грѣчску", между тѣмъ какъ въ Р. Правдѣ ничего соотвѣтственнаго этой ссылкѣ нѣтъ. Поэтому ссылки на русскій законъ суть ссылки не на законъ писанный, а на обычай, иногда неизвѣстный Р. Правдѣ.

Слово „законъ" начало расходиться въ смыслѣ

съ словомъ „обычай" со времень введенія у насъ христіанства, такъ какъ переводчики греческихъ книгъ, встрѣчаясь въ нихъ съ словомъ νόμος въ смыслѣ императорскихъ постановленій и находя неудобнымъ выражать его словомъ „обычай", означали его словомъ „законъ" въ смыслѣ правила, опредѣленія. Но въ древности и слово „поконъ" употреблялось также въ смыслѣ опредѣленія. (Р. Пр., по Тр. сп. ст.); въ Акад. сп. ст. 42 сказано по ошибкѣ — „поклонъ." Но Мрочекъ Дроздовскій думаетъ, что былъ особый видъ штрафа — „вирный поклонъ.")

Кромѣ словъ: „законъ", „поконъ" и „обычай", для означенія древняго права, у насъ существовали еще слова „пошлина" и „старина". Такъ въ договорахъ князей съ Новгородомъ (договоръ 1-й) говорится: „договоры держати по пошлинѣ, по старинѣ." („а дворянамъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ, како пошло исперва.") Такимъ образомъ то, что пошло изъ стари, то, что есть старина, считается правомъ. И это не въ одномъ Новгородѣ, но и во всей древней Россіи. „Новгородцы бо изначала, говоритъ лѣтописецъ, и Смоляне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся." Конечно, что существовало изначала во всѣхъ княженіяхъ, что было стариной, пошлиной, и есть общимъ обычаемъ.

И такъ обычай опредѣляетъ всю жизнь, а слѣдовательно и право древнихъ княженій.

И въ Москвѣ продолжаетъ дѣйствовать обычай, являясь даже творческою силой, созидаю-

щей, новыя нормы права. Съ точки зрѣнія московскихъ государей право есть также старина, на которую они и ссылаются, какъ на авторитетъ, въ подкрѣпленіе своихъ дѣйствій, хотя и не всегда согласныхъ съ этой стариной. Такъ съ Дмитрія Ивановича Донскаго великокняжескій столъ начинаетъ передаваться старшему сыну; на этомъ основаніи Василій III назначаетъ своимъ преемникомъ внука Дмитрія, за смертію отца его, а своего стараго сына Ивана, говоря, что онъ дѣлаетъ это „по старинѣ". На основаніи все старины Василій Ивановичъ дѣлаетъ отказъ „въ пользу своей жены, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ было". Иванъ Грозный, возмужавши, вѣнчается на царство, говоритъ, что онъ хочетъ сѣсть на великое княженіе, какъ его прародители садились. Задумавъ издать новый судебникъ, онъ также говоритъ, что хочетъ исправить судебникъ по старинѣ. Всѣ дѣйствія свои онъ оправдываетъ стариной, обычаемъ, а не считаетъ ихъ дѣломъ личнаго своего усмотрѣнія. Въ переписки съ Курбскимъ, онъ говоритъ: „Самодержавства нашего починъ отъ великаго князя Владиміра"... „До сель русскіе владѣтели не давали отчета никому, но повольны были въ властныхъ своихъ головахъ и казнить."

Такимъ образомъ еще въ XVI в. московскіе государи стараются оправдать свои дѣйствія обычаемъ, и нѣтъ еще сознанія о томъ, что ихъ воля творитъ право. Тѣмъ не менѣе дѣятельность

князей, прикрываясь стариной созидала новыя правовыя нормы. Послѣднія выражаются въ уставахъ, которые представляютъ второй, также весьма важный источникъ древняго права.

И такъ первоначальная княжеская правообразовательная дѣятельность по преимуществу уставная.

Главнымъ предметомъ дѣятельности князей былъ судъ, который обыкновенно вѣдался самимъ княземъ, но, не будучи въ состояніи всегда и вездѣ судить самъ, князь предоставлялъ часто производство суда своимъ мужамъ, а самъ опредѣлялъ лишь порядокъ суда, размѣръ взысканій и т.д. Иногда князья освобождали отъ своего суда отдѣльныхъ лицъ и принадлежащія имъ земли и выдавали на такія привиллегіи жалованныя грамоты. Уставная дѣятельность князей выражалась еще въ опредѣленіи условій подчиненія завоеванныхъ областей и въ обложеніи ихъ данью.

Самыя древнѣйшія слова для обозначенія княжескихъ распоряженій - это „уставъ" и „урокъ" позднѣйшія - „указъ", „уложеніе". Лѣтописецъ говоритъ: „иде Вольга по Деревской землѣ, уставляюще уставы и уроки." По смерти Ярослава, сыновья его, собравшись вмѣстѣ, отложили убіеніе за голову и замѣнили его денежнымъ штрафомъ, „а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сыновье его уставиша." (2 ст. Пр. сп. Р. Пр.) Платежъ вирнику названъ „урокъ Ярославль" (42 ст. Акад. сп. Р. Пр.) Штрафъ въ поль

зу князя также называется „урокомъ" (41 ст. Тр. сп.) Уроки были разные: „желѣзный урокъ," „уроци судебніи," „ротній урокъ (пошлина съ присяги).

Такимъ образомъ уставная опредѣлительная дѣятельность князей начинается съ самыхъ давнихъ временъ но, по существу своему, она имѣетъ важное различіе отъ нынѣшняго законодательства. Въ древнее время князья проявляли свою уставную дѣятельность не столько опредѣленіемъ общихъ нормъ права, сколько разрѣшеніемъ отдѣльныхъ случаевъ. Въ Акад. сп. Р. Пр., ст. 21, читаемъ: „А въ княжи тивунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старыи у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци." Въ позднѣйшихъ спискахъ Р. Пр. (10 ст. Тр. сп.): „А за тивунъ за огнищныи, и за конюшніи, то 80 гривенъ." И такъ первоначальные княжескіе уставы суть отдѣльныя распоряженія по отдѣльнымъ случаямъ. Поэтому каждое распоряженіе прежняго князя, для своей обязательности, требовало подтвержденія послѣдующаго, что доказывается 2 ст. Тр. сп. Р. Пр.

Законъ въ современномъ намъ смыслѣ имѣетъ силу до отмѣны его законодательной властью, между тѣмъ какъ княжескія грамоты, уставныя и жалованныя, обязательны лишь для того князя, который ихъ выдалъ или подтвердилъ. Отсюда цѣлый рядъ подтвержденій на жалованныхъ грамотахъ, выражавшихъ—

ся или въ формѣ приписки на прежней грамотѣ или въ формѣ замѣны ея новой грамотой.

Такимъ образомъ княжеская уставная дѣятельность въ большинствѣ случаевъ носитъ характеръ частныхъ распоряженій, которыя въ древнѣйшее время даже не обнародываются во всеобщее свѣдѣніе. Жалованныя грамоты выдавались церквамъ, монастырямъ и даже физическимъ лицамъ (напр. Андрею такому то) Слѣдовательно, и княжеская уставная дѣятельность также, какъ и обычай, вначалѣ представляется крайне дробною.

Нѣкоторое объединеніе ея начинается только въ конецъ XV в. Въ этого времени появляются сводные уставы сперва въ вольныхъ городахъ, Псковская и Новгородская судныя грамоты, а затѣмъ и въ Москвѣ Судебники 1497 и 1550 годовъ. Но и Судебники предполагаютъ существованіе отдѣльныхъ грамотъ и примѣняются лишь къ тѣмъ случаямъ, на кои не было грамотъ. Ст. 38 перваго Судебника: надо брать.. гдѣ есть грамоты, по грамотамъ." Подобнаго же рода 62 ст. втораго Судебника (также 64 ст. - о судѣ боярскихъ дѣтей, подразумѣвающая жалованную грамоту на общій судъ) Отдѣльныя грамоты не только допускались Судебниками, но и появлялись послѣ нихъ. Это крайне затрудняетъ изученіе древняго русскаго права.

Кромѣ того ни грамоты, ни Судебники

не объемлютъ собою всего права. Для примѣра несоотвѣтствія тогдашней практики съ памятниками уставной дѣятельности князей, остановимся на преступленіяхъ политическихъ. Нашъ первый юридическій сборникъ, Русская Правда, ничего не говоритъ объ нихъ. Но это не значитъ, чтобы преступленія эти оставались безнаказанными; вѣроятно, они наказывались въ каждомъ данномъ случаѣ по усмотрѣнію князей. Въ Судебникахъ объ этихъ преступленіяхъ говорится очень немного, да и то они перечисляются вмѣстѣ съ прочими преступленіями. Въ первомъ Судебникѣ читаемъ: „А государскому убойцѣ и коромольнику, церковному татю, и головному и подметчику, и зажигальнику, вѣдомому лихому человѣку, живота не дати, казнити его смертною казнію." На первый взглядъ „государскій убойца" и „коромольникъ" могутъ показаться государственными преступниками. Но слово „государь" здѣсь слѣдуетъ понимать въ смыслѣ не представителя власти, а просто господина. Слово „коромольникъ", крамольникъ, человѣкъ, производящій „крамолу", мятежъ, ближе всего подходитъ подъ понятіе государственнаго преступника. Но онъ поставленъ на ряду съ прочими уголовными преступниками и имѣетъ не исключительно политическій смыслъ: „каромольникомъ" назывался также и повѣренный по дѣламъ, измѣнившій своему довѣрителю. Второй Судебникъ упоминаетъ еще о „городскомъ сдавцѣ", военночальникѣ, сдавшемъ городъ до истощенія

всѣхъ средствъ защиты. О преступленіяхъ противъ цѣлости государства, противъ здравія, здоровья и чести главы его и т. п. въ Судебникѣ совсѣмъ нѣтъ указаній. Между тѣмъ въ дѣйствительности эти преступленія совершались и жестоко наказывались. Еще примѣръ: Въ первомъ Судебникѣ запрещается брать взятки, „посулы", а о наказаніи за нихъ не говорится; во второмъ Судебникѣ наказаніе за это уже положено. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что виновные во взяточничествѣ до изданія втораго Судебника оставлялись безъ наказанія.

Въ дѣйствительности же, на практикѣ, наказаній существовало, какъ и преступленій, гораздо болѣе, чѣмъ предусматривается Судебниками и даже Уложеніемъ 1649 г. Часто великіе князья и цари налагали такія наказанія и за такія преступленія, о которыхъ не говорится ни въ какихъ уставахъ. Въ 1471 г. великій князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ казнить смертью Борецкаго съ тремя другими новгородцами за то, что они хотѣли „задаться" за короля литовскаго между тѣмъ какъ новгородцы были вольны въ выборѣ своихъ князей. Въ 1497 г. онъ подвергаетъ мучительнымъ казнямъ, о которыхъ не говорится въ его Судебникѣ, сторонниковъ сына своего Василія, а не внука Дмитрія, выѣзжаннаго имъ наслѣдника престола, а въ 1499 г. сторонники послѣдняго казнятся смертью и самъ Дмитрій умираетъ въ тюрьмѣ. (Здѣсь дума „злая мысль" противъ великаго князя, по

его употребленію, наказывается смертною казнью). Такъже поступалъ Иванъ Грозный; такъже поступалъ и Борисъ Годуновъ. Послѣдній опалялъ на Богдана Бѣльскаго, велѣлъ вырвать ему бороду. Такого наказанія не значится ни въ одномъ уставѣ. Такимъ образомъ въ судебники и въ Уложеніе попадаетъ то, что практиковалось гораздо раньше да и то не все.

Все сказанное относится къ существу уставной дѣятельности. Теперь перейдемъ къ формѣ выраженія.

Письменная форма устава не есть необходимая. Что князь приказывалъ словесно, то также было уставомъ. Да и письменные уставы и грамоты не подписывались князьями, а только дьяками и писцами; въ важныхъ случаяхъ къ нимъ прикладывалась печать. Загоскинъ упоминаетъ о грамотахъ, будто-бы, подписанныхъ самими князьями и царями, но это, вѣроятно не подписи ихъ, а попытки имена ихъ, сдѣланныхъ писцомъ, или обладателемъ грамоты.

Въ Московское время разнаго рода княжески указы снабжаются обыкновенно такими надписями: „царь указалъ, бояре приговорили" или „приговоръ царя со всѣми боярами." Какую роль играютъ здѣсь бояре.[2] Инициатива идетъ отъ царя; дьякъ докладываетъ царю, который приказываетъ приговорить боярамъ и вновь доложить ему, а потомъ уже утверждаетъ ихъ приговоръ. Слѣдовательно, бояре приговариваютъ по царскому указу. Значитъ, вся сила въ ца-

ръ. Князь, а потомъ царь, могъ издавать указы, и не обращаясь къ содѣйствію бояръ. Обращеніе къ боярамъ зависѣло отъ его усмотрѣнія.

Встрѣчаются указанія, что бояре приговорили что либо съ царемъ. Иногда въ указаніи на приговоръ бояръ даже не упоминается о царѣ. Но во всѣхъ такихъ случаяхъ бояре дѣйствуютъ лишь по приказу царя, а не въ сознаніи того, что они имѣютъ самостоятельное законодательное значеніе.

Иначе думаютъ Будановъ („Обзоръ исторіи русскаго права" и „Хрестоматія по исторіи русскаго права") и Ключевскій („О боярской думѣ.")

Будановъ говоритъ, что бояре обладали самостоятельною законодательною властью и что въ одномъ дѣлѣ они даже отмѣнили царскій указъ. Въ 1597 году былъ изданъ указъ о томъ, что-бы на всѣхъ добровольныхъ холоповъ давать кабалу по истеченіи 6 мѣсяцевъ, а Василій Ивановичъ Шуйскій въ 1607 г., 12 Сентября указалъ оставлять ихъ свободными. Въ 1609 г. 12 Сентября читаемъ, что бояре слушали докладъ о холопахъ и имѣли въ виду эти два постановленія, причемъ послѣднее отмѣнили, а первое подтвердили. Но здѣсь бояре дѣйствовали по порученію Шуйскаго же. Въ Маѣ того же года, по новому докладу объ этомъ вопросъ, Шуйскій приказалъ безкабальныхъ, которые прожили за кѣмъ либо лѣтъ 5 и болѣе, оставлять за тѣми, у кого они прожили, до его указа, пока онъ не переговоритъ объ этомъ съ боярами („а о томъ рек-

ся Государь говоритъ съ боярами"). Совѣщаніе это, конечно, имѣло мѣсто, а послѣдствіемъ его и былъ приговоръ бояръ 12 Сент. 1609 г.

Ключевскій думаетъ, что бояре (481 ст. 1 изд., также 483) имѣли право издавать законы безъ утвержденія царемъ. По его мнѣнію, бояре представляли свои приговоры князю, когда хотѣли, а не хотѣли – не представляли. По Ключевскому, слова „государевъ докладъ" есть только форма выраженія, а въ дѣйствительности докладъ производился боярамъ, а не царю. Но все это неправильно. Изъ выраженія: докладывали царю въ комнатѣ, „дьякъ (такой-то, въ такомъ то году,) докладывалъ государю," можно заключить, что докладъ производился дѣйствительно лично государю.

Итакъ мы разсмотрѣли два главные источника права въ древней Россіи - обычай и уставную дѣятельность князей. Оба они отличаются крайнею дробностью, и при томъ преобладающее значеніе принадлежитъ обычаю.

Былъ еще и третій источникъ возникновенія древняго права, также весьма обильный. Это - договоры

Въ наше время договоръ опредѣляетъ отношенія сторонъ на основаніи уже дѣйствующихъ законовъ. Въ древности же договоръ не только примѣнялъ существующее право, но и создавалъ новое, являлся творческою силой. Причина этого лежитъ, въ слабомъ развитіи законодательной власти и въ преобладаніи обычнаго

права, такъ какъ въ договорахъ, какъ и въ обычаяхъ, выражается тоже индивидуальное убѣжденіе, такое автономная сила самоопредѣленія.

Въ нашихъ древнихъ памятникахъ договоры называются: миромъ, рядомъ, докончаніемъ, цѣлованіемъ. Олегъ посылаетъ мужей своихъ „построити мира и положити рядъ между Русью и Греки."

Сохранилось три вида договоровъ: 1) договоры на мирѣ князей съ иностранными государями; это - международные договоры; 2) договоры междукняжеские, т. е. заключенные между русскими князьями разныхъ областей; 3) договоры между народомъ и княземъ.

Населеніе древней Россіи. Его виды и права.

Все населеніе Россіи съ самыхъ древнихъ временъ, какъ и вездѣ, въ древности раздѣлялось на свободныхъ и несвободныхъ. Разсмотримъ сначала послѣднихъ. Итакъ:

1) Люди несвободные

Несвободный мущина у насъ въ древности назывался „холопомъ", а женщина „робою".

Слово „роба" одного корня съ глаголомъ „робить, робити, работать, роботить" по Р. Пр. Пр. ст. стр. 105, значитъ порабощать въ неволю; по Сербски тоже значитъ „робити". Холопъ, плать, флопецъ - означаетъ слугу, мальчика, парня.

Въ Русской Правдѣ ничего не говорится объ отношеніяхъ холопа къ своему господину. Въ ней говорится только объ отношеніяхъ холопа къ третьему лицу, но за то довольно подробно

Въ 84 стр. Тверц. списка читаемъ: „А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будеть безъ вины убіенъ, то за холопъ урокъ платити (это плата хозяину), или за робу, а князю 12 гривенъ продажи" (казенный штрафъ).

Тоже въ 102 стр. Карамз. списка. Въ статьяхъ 11 по 14 (общихъ списковъ) опредѣляется размѣръ урока за убійство разныхъ холоповъ. Слѣдовательно, холопъ разсматривался въ древности, какъ вещь или животное; за убійство его, какъ за убійство животнаго или за

уничтоженіе вещи, платится хозяину „урокъ," вознагражденіе, и потому по отношенію къ холопу нельзя было совершить преступленія. Хозяинъ могъ безнаказанно убить своего раба точно такоже, какъ могъ уничтожить всякое свое имущество.

Равнымъ образомъ и холопъ, какъ не лицо, не могъ совершить преступленія, и потому если бы онъ сдѣлалъ кражу, то отвѣчалъ бы за нее не онъ, а его хозяинъ. Исцѣствительно, за кражу, совершенную холопомъ, господинъ долженъ или выкупить его, или выдать его пострадавшему. (Пр. сп. стт. 110, 115, Кар сп. стр. 127, 132.) Сдѣлка, заключенная рабомъ отъ своего имени, недѣйствительна; но они могли заключать сдѣлки отъ имени хозяина, по его порученію. (Пр. сп. стр. 111; Кар. сп. ст. 128.)

Холопство было обѣльное и необѣльное. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово обѣльный происходитъ отъ словъ: бѣлый, бѣлая земля, т. е. земля, свободная отъ всякихъ податей, и долженъ писаться „обѣльный," но лучше писать его черезъ букву е, а не ѣ, и производить отъ слова „обельно," значащее „кругомъ." Въ Сибири и теперь употребляется слово „обельный" въ смыслѣ „круглый". Какъ мы теперь говоримъ „круглый дуракъ," такъ въ старину говорилось „обельный холопъ", т. е. круглый, совершенный, полный холопъ. Слѣдовательно, былъ и неполный, несовершенный холопъ. Въ стт.

102 - 104 Пр. ст. Р. Правды (По Карамз. ст. 119-121 стат.) перечисляются способы поступления въ обельное холопство. Обельными холопами становится тотъ: 1) кто продастъ себя, причемъ достаточно „послуховъ" - свидѣтелей передачи денегъ, а участія государственной власти не видится; 2) кто женится на рабѣ „безъ ряду", т. е. безъ договора съ ея хозяиномъ; 3) кто поступитъ въ тіуны „безъ ряду", привязетъ ключъ къ себѣ безъ ряду".

Но здѣсь перечислены не всѣ способы возникновенія рабства. Рожденіе отъ раба и плѣнъ также, конечно, были такими способами.

Рабство есть явленіе обычнаго права, а не есть что либо, закономъ установленное. Это явленіе свойственно и западно-европейскимъ государствамъ; въ Германіи достаточно года со днемъ прожить на господской землѣ, что бы стать рабомъ.

Нѣкоторое вмѣшательство общественной власти, въ отношенія господъ къ рабамъ встрѣчается въ памятникахъ конца XII в. Такъ въ договорѣ Новгорода съ Нѣмцами за покушеніе къ изнасилованію рабыни полагается штрафъ въ 1 гривну, а въ случаѣ изнасилованія господиномъ своей рабы - послѣдняя получаетъ свободу. Но это, надо думать, произошло подъ вліяніемъ христіанства и касалось лишь нѣмокъ, живущихъ въ услуженіи у русскихъ, и рабынь-русскихъ, принадлежавшихъ нѣмцамъ. По Русской же Правдѣ со-

сожительство господина съ рабой, напротивъ, признается дѣломъ обыкновеннымъ и какъ бы вполнѣ законнымъ: дѣти господина отъ рабы, по смерти господина, только наслѣдства отъ него не получаютъ, но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью. (Тр. ст. 92 ст.; Кар. ст. 110 ст.)

Памятники позднѣйшаго времени, московскіе, говорятъ больше о рабахъ. Въ нихъ упоминаются холопы: докладной, полный, старинный, кабальный и, наконецъ, добровольный.

Добровольный холопъ есть тотъ, кто служитъ кому-либо, но крѣпости на себя не даетъ. Кромѣ добровольнаго холопа, всѣ остальные холопы были крѣпкіе, настоящіе холопы, но получили разныя названія отъ различныхъ способовъ поступленія въ рабство.

Докладной и полный холопъ – одно и тоже. Полный холопъ тотъ, кто продалъ себя „въ полницу" по „полной грамотѣ". Значитъ, онъ такой же совершенный холопъ, какъ и кабальный. Поэтому названіе „полный" надо думать, древнѣе названія „докладной". Докладной холопъ тотъ, кто продалъ себя съ доклада прав. власти. Это новая форма продажи. На докладѣ присутствуетъ покупщикъ и продавецъ. Первый говоритъ, что онъ покупаетъ такого-то; второй долженъ подтвердить, что онъ дѣйствительно продается. „Докладной" холопъ есть тотъ же „полный" холопъ; первое названіе указываетъ на форму совер-

нія продажи, а второе — на объемъ правъ
хозяина

Но Ключевскій держится другого мнѣнія
Онъ считаетъ докладнаго холопа сельскимъ
ключникомъ, купленнымъ специально на эту
должность. Это онъ выводитъ изъ выраже-
нія докладныя грамоты — „купить на ключъ." (Р.
Мысль 1886 г. Авг. и Окт.) Но выраженіе „на
ключъ" есть только символъ продажи. Можно
было купить и деревню „на ключъ." Деревня ста
новилась полною собственностью купившаго;
Слѣдовательно, и холопъ, купленный „на ключъ"
былъ такою же собственностью. Если бы гос-
подинъ и покупалъ холопа съ цѣлью сдѣлать
его ключникомъ, а холопъ, въ послѣдствіи, о-
казался бы неспособнымъ къ этой должно-
сти; то неужели хозяинъ былъ все таки о-
бязанъ держать его ключникомъ? конечно,
нѣтъ, онъ могъ сдѣлать его конюхомъ, свино-
пасомъ, и вообще поставить купленнаго
холопа на какую угодно работу.

У насъ очень мало памятниковъ каса-
тельно докладныхъ холоповъ. Н. В. Калачевъ
издалъ „Новгородскую кабальную книгу" (въ
Архивѣ.), но помѣщенныя въ ней доклад-
ныя грамоты суть только краткія вы-
писки изъ нихъ, а не самыя грамоты. Но изъ
сказаннаго можно съ увѣренностью заключить,
что „докладной холопъ" не есть непремѣнно
ключникъ, а такой же совершенный холопъ,
какъ и „полный" холопъ.

Что касается „старинаго холопа", то онъ, вѣроятно такой же полный холопъ, какъ и обельный, но доставшійся по наслѣдству или въ приданое. Его можно было продавать, дарить и т. п. (Глава XX ст. 101. Уложенія Алексѣя Михайловича). Итакъ, старинный, полный, и докладной холопъ — одно и тоже по размѣру правъ на нихъ хозяина.

Самое древнѣйшее указаніе на докладнаго холопа мы находимъ въ Судебникѣ 1497 г. Въ немъ (ст. 66) упоминаются: „по полной грамотѣ" холопъ, „по тіунству" и „по ключу по сельскому" холопъ — „съ докладомъ" и „безъ доклада", также: „по рабѣ" холопъ, приданый — „порядочный" холопъ; наконецъ, „духовный" холопъ, т. е холопъ, доставшійся по завѣщанію. Въ Царскомъ Судебникѣ (ст. 76.) видимъ также, что холопамъ можно было сдѣлаться „по ключу по сельскому," но это должно произойти „съ доклада;" безъ „полной" и безъ „докладной" тіунство не вело уже къ рабству.

Теперь разсмотримъ, что такое „кабальный холопъ". „Кабала" — слово арабское: купля — продажа; оно перешло къ намъ отъ крымскихъ татаръ, гдѣ значило заемъ. О кабальныхъ холопахъ впервые упоминается въ Царскомъ Судебникѣ, хотя возникли они, конечно, раньше, но когда именно — опредѣлить нельзя.

Кабальный холопъ тотъ, кто поступаетъ къ кому либо на службу, беретъ у него деньги и

за рость съ нихъ, за проценты обязуется слу-
жить, пока не возвратитъ взятыхъ денегъ. (Въ
этомъ писалось „служилая" кабала. Въ момен-
та выдачи такой кабалы, человѣкъ становил-
ся кабальнымъ холопомъ. Здѣсь служба равна
проценту, и потому, если должникъ не въ со-
стояніи будетъ никогда уплатить долга, то
служба будетъ продолжаться до его смерти.
Съ точки зрѣнія права, это весьма просто
и вполнѣ послѣдовательно, но фактически та
кое положеніе почти равняется рабству. Е-
диственнымъ средствомъ выдти изъ тако
го состоянія - это опять занять денегъ у кого-
либо, чтобы возвратить ихъ хозяину; но это
значило попасть въ новую кабалу къ другому.
Поэтому случаи выкупа едва ли были часты,
и обыкновенно кабальный на всю жизнь оста-
вался кабальнымъ.

Въ Москвѣ можно было занимать деньги,
не поступая въ услуженіе, а съ обязанностью
платить проценты. Въ этихъ случаяхъ да-
валась не служилая кабала, а заемная или
„ростовая," по которой занявшій не дѣлался хо-
помъ, а лишь обязывался уплатить рость и
капиталъ въ срокъ. Въ случаѣ неплатежа въ
срокъ, къ должнику предъявлялся искъ, и онъ пред-
варительно ставился „на правежъ" (били по ик-
рамъ), а потомъ отдавался во временную зависи-
мость заимодавцу „до искупа" (Уложеніе), т.е.
на извѣстное время въ работу. Положеніе та-
кого человѣка, конечно, такоже крайне тяжкое, но

онъ бы паки оставался свободнымъ и могъ отработаться, между тѣмъ какъ кабальный холопъ никогда, такъ какъ первый служилъ до долгъ, а второй лишь за проценты съ него

Въ Русской Правдѣ (ст. 50. Пр. сок.) имѣется указаніе на то, что свободный человѣкъ (купецъ), сдѣлавшись неоплатнымъ должникомъ, могъ быть проданъ въ рабство.

Выдававшій служилую кабалу обязывался служить во дворѣ, т. е. дѣлать все, что угодно хозяину: ходить за лошадью, работать около дома и т. д. Кабальныя нельзя было дарить, передавать, - и это понятно, такъ какъ кабальный обязывался служить извѣстному лицу, и потому нельзя было заставить его служить другому. Если кабальный холопъ былъ человѣкъ семейный и если его жена и дѣти прописались въ кабалѣ, то они также становились кабальными; если же они въ ней не были прописаны, то, кабальными не считались; дѣти, родившіяся отъ кабальныя, были кабальными. Въ 1597 г. было постановлено, чтобы кабальные оставались таковыми только до смерти ихъ господина, а въ случаѣ смерти его освобождались. Кто же кабальные по смерти господина приходили къ его дѣтямъ, если не могли выкупиться; съ изданіемъ же указа 1597 года по смерти господина они становятся свободными, и имъ не надо было давать волю: свобода имъ возвращалась съ возвращеніемъ служилой кабалы.

И такъ кабальный холопъ рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ холоповъ. Хотя онъ былъ также крѣпкій холопъ, но лишь по отношенію къ тому, кому давалъ служилую кабалу. Онъ не могъ быть даримъ и продаваемъ, а, слѣдовательно, его нельзя было передавать по завѣщанію и въ приданое, между тѣмъ какъ всѣ остальные холопы – обельные, полные, докладные, старинные – могли переходить отъ одного лица къ другому всѣми существовавшими тогда способами передачи. Но кабальный холопъ такъ же рѣзко отличается и отъ добровольнаго холопа, который хотя и служитъ другому, но крѣпости на себя ему не даваль, и потому оставаясь человѣкомъ свободнымъ, могъ отойти отъ своего хозяина; онъ въ сущности слуга, а не холопъ.

Въ Москвѣ не любили такихъ свободныхъ слугъ. Въ 1597 г. приказано было и безъ нихъ воли выдавать на нихъ служилыя, кабалы если они служили за кѣмъ либо полгода. По Уложенію срокъ этотъ сокращенъ до 3-хъ мѣсяцевъ

Изъ поученія Владиміра Мономаха можно видѣть, что „тіуны" суть слуги, завѣдующіе домашнимъ хозяйствомъ. Такой же характеръ сохраняютъ тіуны и въ Москвѣ.

Древнее время не знаетъ обособленія государственнаго управленія отъ управленія частными дѣлами князя. Княжескіе холопы, поэтому, являются не только слугами государя въ частномъ (домашнемъ) смыслѣ

этого слова, но и чиновниками.

Въ тѣхъ рукахъ находится управленіе княжескими селами и деревнями. Тіуны, ключники, посельскіе и старосты назначаются обыкновенно изъ холоповъ. Холопы же облекаются званіемъ княжескихъ дьяковъ и казначеевъ. Въ этихъ должностяхъ они выдаютъ не домашнюю только переписку князя и не одну частную его казну, а всякую переписку и доходы, получаемые имъ въ качествѣ государя. Наконецъ холопы составляютъ персоналъ древнѣйшихъ княжескихъ приказовъ, а потому и называются приказными людьми (Р.С. 1 № 24-26, 30, 34, 39, 86, 96, 121, 134, 147)

Что выдали эти древнѣйшіе приказы холоповъ, объ этомъ можно только догадываться. Духовныя грамоты князей, перечисляя чиновниковъ-холоповъ, объ нѣкоторыхъ говорятъ, что они выдаютъ княжескіе прибытки. Можно поэтому думать, что древнѣйшіе приказы, составлявшіе изъ холоповъ, были финансовые. Но годъ прибытка въ древнее время подходила всякая статья. Поэтому и судъ могъ состоять въ вѣдѣніи приказныхъ холоповъ. Совершали же всѣ разныя судныя дѣйствія намѣстники тіуны-холопы по порученію своихъ господъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и московскіе князья приказывали своимъ холопамъ совершеніе разныхъ судныхъ дѣйствій. Отдалъ же Кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ (1140-1146), весь судъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ своимъ

имъ тіуновъ, а тіуны всегда были ключниками и, по общему правилу, принадлежали къ несвободнымъ слугамъ, холопамъ. Холопы, которымъ что либо приказывалось — и суть приказные люди. Они то и составляютъ зерно, изъ котораго позднѣе развились московскіе приказы, преобразованные Петромъ I въ коллегіи, въ свою очередь, уступившія мѣсто александровскимъ министерствамъ. Такъ изъ года развитія представляетъ исторія и западно-европейскихъ учрежденій. Родоначальниками министровъ и тамъ были домашніе слуги государей, министеріалы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и люди несвободные, холопы.

Въ виду особенностей положенія вольныхъ слугъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, указанная широкая дѣятельность слугъ-холоповъ представляется совершенно естественной. Вольные слуги благодаря праву отъѣзда народились въ очень слабой зависимости отъ князей, а потому и менѣе были пригодны къ завѣдыванію такими интересными для князей дѣлами, каковы ихъ прибытки. Вольные слуги получали должности въ видѣ награды за службу и сами пользовались доходами съ этихъ должностей. Холопы же, безусловно подчиненные князю, обязаны были служить ему даромъ и всегда и вездѣ дѣйствовать въ его интересѣ, а не въ своемъ собственномъ.

Холопамъ, какъ и вольнымъ слугамъ, одинаково усвоялось наименованіе слугъ. Быть въ

холопствъ - значитъ „служить" кому либо. (А. И. I № 221; II; Уп. и Лаз. стр. 324 и сл.) Первоначальное понятіе службы, какъ неизмѣннаго долга, и обязанности, зародилось у насъ въ этой невольной холопской средѣ.

Такіе слуги - холопы встрѣчаются не у однихъ только владѣтельныхъ князей; они есть и у частныхъ людей. Это институтъ общаго права. Онъ созданъ обычаемъ, а не княжескими указами.

По древнѣйшему до Московскому праву, вольный слуга, если принимался на себя, безъ оговорки своей свободы, довѣренную должность ключника (тіуна), въ силу одного этого дѣлался холопомъ. Что довѣренныя должности поручаются слугамъ холопамъ, а не вольнымъ людямъ, это очень старое явленіе нашей исторической жизни.

Потеря свободы ключниками - тіунами вознаграждается въ значительной мѣрѣ выгодами близости къ богатому господину, а еще болѣе къ сильному князю. Слуги холопы награждаются деньгами и землями. Они владѣютъ селами, пожалованными имъ господами, имѣютъ свои собственныя купли и даже вотчины. Москва знаетъ холоповъ-вотчинниковъ.

Древнѣйшее встрѣтившееся намъ, указаніе на это относится къ 1462 г. У зятя вел. кн. московскаго Василія Васильевича были холопы, владѣвшіе куплями и вотчинами;

нѣкоторыхъ же изъ нихъ великій князь надѣлилъ своими собственными селами. Около того времени холопъ князя Юрія Дмитріевича, Харя Лагирь, купилъ себѣ пустышь Бортневскую съ лѣсомъ и пожнями, и подарилъ ее въ домъ Пречистой Богородицы, митрополиту Іонѣ. Въ томъ же вѣкѣ было три холопа-собственника и у служилаго князя Ивана Юрьевича Патрикѣева. Онъ отпустилъ ихъ на волю съ принадлежащими имъ землями. Особенно любопытна грамота Ивана Григорьевича Нагова его человѣку, Богдану Сидорову, на пожалованную ему Нагимъ старинную вотчину. Нагой, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, подвергся опалѣ и былъ заключенъ въ тюрьму. Въ это тяжелое для него время, Богданъ Сидоровъ явился единственнымъ за него ходатаемъ. Онъ билъ челомъ Ѳедору Ивановичу объ освобожденіи своего господина, и за усердіе свое самъ попалъ за пристава. Просидѣвъ полгода въ неволѣ, онъ былъ освобожденъ при царѣ Борисѣ, и снова принялся хлопотать. Труды его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: Нагой былъ освобожденъ. За эту-то „великую работу и терпѣніе," онъ и награжденъ старой вотчиной съ правомъ: продать ее, заложить и по душѣ отдать. Но воли ему Нагой не далъ. Наоборотъ, онъ разсматриваетъ Богдана, какъ долженствующаго служить за этотъ даръ и по смерти его — женѣ его и дѣтямъ. „А послѣ моей смерти, — читаемъ въ

грамотѣ, — ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и дѣтей не покинуть и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю. И дѣтей моихъ Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамотѣ научить и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ." (Р. С. 1 № 87 и 130; А. до Ю. Б. 1 № 103 1; Солов. VIII 23. Только Уложеніе, XVII, 41, запрещаетъ холопамъ покупать вотчины и принимать ихъ въ закладъ)

И для того, чтобы холопъ сталъ вотчинникомъ и имѣлъ право продавать, закладывать и завѣщать свою собственность, была нужна только добрая воля его господина; утвержденія князя и не требовалось. Но отъ воли господина зависѣло и лишить холопа его вотчины: какъ самъ холопъ въ волѣ господина, такъ его купли и вотчины.

Надо думать, что если число такихъ слугъ-холоповъ даже и было весьма значительно, все же хозяйство, какъ старинныхъ господъ вообще, такъ и московскихъ князей въ особенности, основывалось не на рабскомъ трудѣ, а на свободномъ. Дѣлаемъ это заключеніе на томъ основаніи, что въ дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотахъ весьма нерѣдко встрѣчаемъ распоряженія объ отпущеніи на волю всѣхъ холоповъ завѣщателя.* Если бы частное княжеское хозяйство было основано на трудѣ не-

---

* Всѣхъ холоповъ отпустили на волю: Семенъ и Иванъ Ивановичи, Дмитрій Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, его жена Софія, Борисъ и Андрей Васильевичи, Михаилъ Андреевичъ, Иванъ Юрье-

Литографія Грибовой. Петроб. ст. Малый пр. д. № 28.

свободномъ, такія поголовныя освобожденія рабовъ не могли бы происходить безъ разстройства всего хозяйства. Но этого, повидимому, не было. Нельзя думать, что князья, отпустившіе всѣхъ своихъ холоповъ на волю, оставляли своимъ наслѣдникамъ пустыя села и деревни.

Лучшіе слуги-холопы, при отпущеніи на волю, награждались недвижимою собственностью. Такъ сдѣлала княгиня Евдокія, жена Юрія Ивановича Пронскаго-Шемякина. Въ своей духовной (1565 г.) она отпустила на волю всѣхъ своихъ холоповъ, а тремъ изъ нихъ назначила деревни и починки „покамѣста къ тѣмъ деревнямъ соха и коса ходила и покамѣста къ нимъ въ лѣсу ростесъ. (Ѳедоровъ-Чеховской № 82). Вольно отпущенные милостью господъ своихъ прямо переходятъ въ разрядъ вольныхъ вотчинниковъ.

Холопы, однако, не всѣ состояли при особѣ господъ своихъ. Нѣкоторые изъ нихъ поселялись въ господскихъ деревняхъ въ качествѣ земледѣльцевъ. У вел. кн. рязанскаго Ивана Васильевича въ селѣ Пересливичахъ сидѣли холопы его, Шипиловы. Судя по этому прозвищу, здѣсь надо разумѣть только одно семейство Шипиловыхъ. Такіе пашнею устроенные, холопы носили наименованіе дѣловыхъ людей и страдныхъ. Княгиня

вичъ и Ѳедоръ Борисовичъ; только чиновныхъ людей (казначеевъ, дьяковъ, приказныхъ и под.) отпустили: Василій и Юрій Васильевичи, Иванъ Васильевичъ и Дмитрій Ивановичъ. Иванъ

Евдокія Пронская въ приведенной выше духовной противопоставляетъ своимъ людей „служилыхъ" „дѣловымъ." При устройствѣ дѣловыхъ людей нашего господа снабжали ихъ необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ; отпуская же на волю, дарили имъ иногда и ту скотину, которая кому была дана (Р.С. I № 24, 83, 121, 127. Ред. Чеч. № 82.)

Какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что число несвободныхъ лицъ съ теченіемъ времени возрастаетъ, но самая несвобода дѣлается мягче. Если остановимся на самомъ крайнемъ видѣ несвободы, — на рабствѣ, и сравнимъ положеніе рабовъ въ Москвѣ съ тѣмъ, каково оно было въ 1-мъ періодѣ, то увидимъ, что оно значительно смягчилось; въ имперіи это дѣло сводится къ тому, что рабство совсѣмъ исчезаетъ и рабы сливаются съ разрядомъ крѣпостныхъ. Это измѣненіе въ положеніи рабовъ происходитъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ христіанства. Учители церкви въ своихъ проповѣдяхъ проводили начало гуманнаго обращенія съ рабами, мы имѣемъ указанія на то, что наше законодательство измѣнялось подъ вліяніемъ этихъ ученій. Въ этомъ отношеніи можно указать на дѣятельность Іосифа Волоцкаго, основателя и игумена Волоколамскаго монастыря.

Даниловичъ Калита и Юрій Дмитріевичъ никого не отпустили на волю. Изъ частныхъ людей кн. Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ отпустилъ всѣхъ.

Въ своихъ письмахъ и проповѣдяхъ онъ проводилъ мысль о человѣколюбивомъ и заботливомъ отношеніи къ рабамъ. Онъ указываетъ на правила Св. Отцевъ, предписывающія заботиться о чистотѣ нравовъ рабовъ, и совѣтуетъ: „когда отроку минетъ пятнадцать лѣтъ, а отроковицѣ 12-ть, то ихъ слѣдуетъ пытати государю, не хотятъ ли постричься и отпустить, а если не захотятъ, отрока нужно женить, а отроковицу замужъ отдать." Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы господа не обращались съ рабами жестоко и кормили ихъ и въ голодное время, а не отпускали со двора. Дѣйствительно, случалось, что помѣщики въ голодные годы прогоняли всѣхъ своихъ лишнихъ рабовъ со двора, съ тѣмъ, чтобы они питались Христовымъ именемъ, а въ урожайные годы требовали ихъ къ себѣ обратно. Въ началѣ 17 вѣка встрѣчалися и съ предписаніемъ въ силу котораго помѣщики должны были женить рабовъ по достиженіи ими извѣстнаго возраста. „А которые люди, говорится въ указѣ Шуйскаго, держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а вдову болѣе двухъ лѣтъ по смерти мужа и замужъ не отдаютъ, а парня холостого держатъ за 20 лѣтъ, а не женятъ и воли имъ не даютъ, идти имъ къ казначею." Казначеи же удостовѣрившись въ справедливости жалобы, даетъ отпускную вдовѣ, отроковицѣ или отроку. Такъ было въ Москвѣ, а въ городахъ нужно было обращаться къ намѣстнику или судьѣ. (Ук. 1607 г.)

Первое запрещеніе закона покупать рабамъ

недвижимость встрѣчается въ Уложеніи. Пост. 262 гл. X - имущество раба идетъ на уплату долговъ господина. И такъ Уложеніе Алексѣя Михаиловича, неособенно благопріятно рабамъ, оно не повторяетъ изданныхъ въ ихъ пользу въ началѣ XVIIв. указовъ. По Уложенію у рабовъ допускается только движимое имущество. Но и оно не пользуется охраной закона. У вольноотпущеннаго нѣтъ иска противъ господина, если онъ, отпуская раба на волю, задержитъ его движимость.

Далѣе Уложеніе не допускаетъ жалобъ со стороны холоповъ на своихъ господъ, исключая рабыни, съ которой господинъ прижилъ дѣтей, могущей обращаться къ „святительскому суду"; разслѣдованіе дѣла въ этомъ случаѣ производится духовнымъ судомъ, „по допросу духовныхъ отцевъ", т. е. допрашиваются духовники господина и рабыни.

Въ договорахъ есть постановленіе: холопы, на которыхъ ключники цѣлуютъ, дани не платятъ. Это, кажется, значитъ, что холопы не несутъ общихъ повинностей.

Теперь перейдемъ къ закупамъ. Что такое „закупъ"? Слово „закупъ" происходитъ отъ слова „закупать"; отсюда: закупной товаръ, закупной припасъ и закупъ. Въ древности можно было закупить и человѣка, такъ какъ и онъ тогда могъ быть вещью. Слѣдовательно „закупъ" значитъ „закупной человѣкъ."

Въ Русской Правдѣ закупъ противополо-

гается полному холопу. Если закупъ убѣжитъ отъ господина, то онъ дѣлается обельнымъ холопомъ. (Тр. сп. 52 стр.; Карамз. сп. 70 ст.). Слѣдовательно, закупъ не есть обельный холопъ, а только закупленный на время. „Закупить" еще не значило пріобрѣсть въ собственность. Въ послѣднемъ случаѣ говорилось „закупить въ прокъ." Въ Лугѣ, напримѣръ и теперь говорятъ: „я закупилъ лужокъ по 10 руб. въ годъ." Это не значитъ, что лугъ купленъ, а значитъ, что онъ взятъ въ аренду. Корень слова „закупить" – купа, копа, что означаетъ груду, кучу, нѣкоторое количество денегъ, грошей. Такимъ образомъ закупъ есть человѣкъ, который пріобрѣтается на время за деньги. Въ одномъ мѣстѣ Русской Правды (ст. 55 Тр. сп.; ст. 73 Кар. сп.) закупъ названъ „наймитомъ." Слѣдовательно, закупъ есть простой работникъ, нанятый за деньги.

Особенность положенія закупа состоитъ въ томъ, что господинъ можетъ его бить за дѣло, а если бьетъ безъ вины, то платитъ также, какъ за обиду свободнаго человѣка (ст. 55 Тр. сп.; ст. 73 Кар. сп.) Затѣмъ, какъ сказано выше, если закупъ убѣжитъ, то дѣлается рабомъ хозяина. Далѣе, если закупъ что нибудь украдетъ, то отвѣчаетъ за него господинъ, и если закупа поймаютъ, то онъ дѣлается его обельнымъ холопомъ; но если господинъ платить за украденное не хочетъ, то закупъ продается; за удовлетвореніемъ потерпѣвшаго изъ продажной цѣны, остатокъ обращается „въ прокъ" господи

на (ст. 57 Тр. сп.; ст. 75 Кар. сп.) Закупъ не можетъ быть свидѣтелемъ на судѣ, за исключеніемъ малыхъ дѣлъ (Тр. сп. ст. 59) и при недостаткѣ другихъ доказательствъ. Такимъ образомъ закупъ съ одной стороны только наймитъ, а съ другой - онъ не совсѣмъ свободный человѣкъ, такъ какъ онъ состоитъ должникомъ своему хозяину, ибо получилъ плату впередъ (ст. 55), но если хозяинъ его продастъ въ обельное холопство, то онъ становится свободнымъ (ст. 55 Тр. сп.; ст. 73 Кар. сп.); слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, онъ освобождается и отъ своего долга господину. Закупъ работой погашаетъ свой долгъ; если ему дана впередъ плата, то онъ, какъ должникъ, еще не дѣлается холопомъ и даже можетъ отойти, не дослужа срока и остоваясь должнымъ (ст. 105 Тр. сп.; стр. 122 Кар. сп.). Закупъ можетъ вчинать искъ противъ своего господина (ст. 52 Тр. сп.; ст. 70 Кар. сп.).

Ст. 53. Р. Пр., по Тр. сп., говоритъ: „Аже у господина ролейныи закупъ, а погубить воыскии конь, то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть безъ него, то того ему не платити." Закупъ „ролейный" значитъ закупъ пашенный, нанятый для обработки поля. Значитъ были и другого рода закупы, исполнявшіе и иныя работы. Такому (ролейному) закупу" дава

лись хозяиномъ плугъ и борона, т. е. земледѣльческія орудія. Въ случаѣ утери или порчи ихъ, закупъ платитъ, слѣдовательно, онъ имѣлъ свою собственность. Но если такая утеря или порча произойдетъ въ отсутствіе закупа, отосланнаго хозяиномъ по его дѣлу (орудью), то закупъ не отвѣчаетъ.

Въ этой статьѣ непонятно выраженіе: войскій конь." Нѣкоторые думаютъ, что это воинскій конь по Ланге- верховой. Но такое толкованіе трудно принять. Едва ли были въ это время особыя кавалерійскія лошади. А если и были почему закупъ не платилъ за ихъ порчу? Въ соотвѣтственной статьѣ (71) Карамз. списка, вмѣсто „войскій конь", сказано: „своискы конь." На этомъ основаніи думаютъ, что въ Троицкомъ спискѣ „войскии" употреблено по опискѣ, и что надо читать: „своискій конь", т. е. свой конь. Тогда выйдетъ, что ролейный закупъ, погубившій своего коня, не платитъ за него своему хозяину. Но это само собой понятно и не требуетъ особаго упоминанія въ статьѣ. Слѣдовательно, и второе толкованіе сомнительно Такимъ образомъ вопросъ этотъ остается открытымъ.

Начало 55 ст. Тр. сп. Р. Пр. точно прочитать невозможно: „Аже господинъ переобидитъ закупа, а увидитъ купу его ели отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ" и т. д. Въ Синодальномъ спискѣ,

вмѣсто „купу", сказано: „вражду." У Дубенскаго: „а въ ведеть копу его или отарицю." По Кар. сп., какъ въ Синод., вмѣсто „купу" „вражду", а дальше разница. Именно ст. 73 читается такъ: „Оже господинъ приобидить закупа, увѣдеть вражду и увередить цѣну, а введеть вкупу его или старицу, то то ему все воротити" и т. д.

Ясно только, что здѣсь говорится объ обидахъ, дѣлаемыхъ господиномъ закупу и объ удовлетвореніи послѣдняго за нихъ.

„Отарица" и теперь употребляется въ Минской губерніи въ значеніи оброка, который платятъ крестьяне. Отара-стадо овечье. Отарица (у Даля) - мѣсячина. Въ одномъ переводномъ памятникѣ старица - въ значеніи собственнаго имущества (peculium) воина или члена семьи.

Будановъ это мѣсто толкуетъ такимъ образомъ: Если господинъ будетъ обижать закупа по враждѣ: понизитъ цѣну, или уменьшитъ его долю копенъ (полевыхъ произведеній) или скота, то господинъ долженъ все воротить и уплатить (уголовный штрафъ) 60 кунъ. Полевыя произведенія онъ видитъ въ словахъ: „купу", „вкупу" на томъ основаніи, что въ другихъ спискахъ, вмѣсто нихъ, поставлено: „копу" и даже „копку".

Копа и купа можетъ означать только наемную плату закупа.

Далѣе статья совершенно понятна.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

„паки ли пріиметь на немъ кунъ (отдаетъ его во временную зависимость), то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи." Значитъ, что господинъ не можетъ отдать закупа въ работу другому лицу, онъ платитъ за это 3 гривны уголовнаго штрафа.

Въ концѣ статьи говорится о томъ, что въ случаѣ продажи господиномъ закупа въ рабство, послѣдній освобождается отъ возврата денегъ, взятыхъ впередъ у господина, и съ господина взыскивается 12 грив. уголовнаго штрафа; затѣмъ, господинъ можетъ бить закупа только за дѣло; если же онъ будетъ бить закупа безъ вины, или пьяный, „не смысля пьянъ," то отвѣчаетъ, какъ за оскорбленіе свободнаго человѣка. Въ рядныхъ встрѣчаются условія, по которымъ господину предоставляется право „учить"

Итакъ закупъ-наймитъ можетъ быть приставленъ ко всякимъ работамъ домашнимъ и сельскимъ. Ролейный закупъ-закупъ, приставленный къ пашнѣ. Будановъ на основаніи 71 ст. Кар. сп. думаетъ, что ролейный закупъ есть тотъ, который нанялъ земельный участокъ и получилъ подмогу.

Ст. 105 Тр. сп. (122 Кар.) наводитъ на мысль, что наемники получали впередъ плату за цѣлый годъ: „А въдачь (въ другихъ спискахъ: „А въдачѣ") не холопъ, ни по хлѣбѣ работять, ни по придатъцѣ; но оже не доходять года, то

ворочати ему милость; отродить ли, что не виноватъ есть." Были лица, получавшія „милость", „дачу," „придатокъ"; они погашали свой долгъ, отслуживъ за него годъ. Въ спискѣ Дубенскаго читаемъ: „А вда цѣну" вмѣсто „вдачь". Этотъ варіантъ даетъ возможность въ словѣ „вдачь" видѣть годовую наемную цѣну закупа.

Въ позднѣйшихъ памятникахъ также упоминается о закупахъ, но въ другомъ смыслѣ. Такъ въ ст. 18 Псковской Суд. Грамоты читаемъ: „Если закупъ или скотникъ ищетъ покладси, то отвѣтчику предоставляется или присягнуть, или положить спорную вещь у креста." Тутъ закупъ-купецъ. Въ памятникахъ XVII в. (А. Э. IV, 14.) встрѣчаются закупни въ смыслѣ торговыхъ людей. Итакъ послѣ Русской Правды слово „закупъ" въ смыслѣ работника вышло изъ употребленія; въ послѣдующихъ спискахъ ея (напр. въ спискѣ Оболенскаго, напечатанномъ у Калачова) статьи о закупахъ выпущены.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, что такое закладень? Чичеринъ думаетъ, что закупа замѣнилъ закладень, который перешелъ въ кабальнаго холопа. Но закладень не могъ занимать такого средняго мѣста.

О закладняхъ часто упоминается въ договорахъ князей между собою и съ Новгородомъ; о немъ говоритъ и Уложеніе. Эти памятники относятся къ закладничеству, какъ состоянію недозволенному, они запрещаютъ держать закладней. Изъ Новгородскихъ договоровъ видно,

что закладнями бывали купцы и смерды.

Памятники подъ закладнями разумѣютъ не только людей, но и заложенныя недвижимыя имущества: села, земли. Это совершенно ясно изъ приговора дуровенства 1580 г. Дум. Собр. №200. Такоже напечатанные договоры князей (№№: 27, 35, 75, 94 и др.) упоминаютъ о „закладняхъ" — тоже въ смыслѣ заложенныхъ земель. Договоръ подъ №12, 1317 года, говоритъ о новгородскихъ заложенныхъ селахъ и людяхъ. Закладъ земель, при неуплатѣ долга въ срокъ, равнялся продажѣ ихъ, почему онѣ и не допускался, наравнѣ съ продажей.

Закладывались также и люди, что видно и въ Новгородскихъ и Московскихъ памятникахъ (ст. 13 и 18 гл. XIX Уложс. Алекс. Мих.) Такой закладъ также воспрещался, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, потому что люди заложившіяся поступали въ зависимость того, кому заложились, и не несли государственныхъ повинностей. „А иные посадские и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей и податей никакихъ съ своей братіей не платятъ, а зрятъ себѣ въ покой." (Рум. Собр. III №47, 1619.) По другому памятнику закладни состояли подъ судомъ тѣхъ, за кого заложились. (Рум. Собр. I №148, 1514 г.) Въ Новгородѣ такой закладень не всегда зрѣлъ у того, кому заложился: заложился Тверскому князю, а зрѣлъ въ Новгородской волости. Онѣ дѣлалъ это для того, чтобы освободиться отъ податей и

повинностей новогородскихъ. Новгородскія грамоты, поэтому и требуютъ, что-бы закладни были „отпущены" и тянули „смерды въ свой погостъ, а купцы въ свое сто."

Состояніе закладня отлично отъ состоянія лица, находящагося въ долгу у другаго - по служилой или заемной кабалѣ. Эти два послѣднія состоянія дозволяются московскими памятниками, а состояніе закладня запрещается.

О порядкѣ возникновенія состоянія закладничества имѣются только два документа, помѣщенные въ Юридическихъ Актахъ, изданныхъ Калачевымъ (№ 126, VIII и XIII) относящіеся къ 1663 и 1679 году. Въ нихъ рѣчь идетъ о закладѣ плѣнницы хозяиномъ и жены - мужемъ. Изъ втораго документа узнаемъ, что одинъ якутъ занялъ у служилаго человѣка коня, кобылу и жеребенка всего на 21 руб. и заложилъ свою жену въ работу на 12 лѣтъ, предоставивъ ему право держать жену у себя и отдавать ее на сторону. О послѣдствіяхъ неплатежа ничего не говорится. Этого пункта касается первая закладная „на полонную дѣвку." Она предоставляетъ заимодавцу право, въ случаѣ неуплаты долга, заложить и продать плѣнницу, т. е. закладень. обращается въ собственность заимодавца. Этимъ состояніе закладня существенно отличается какъ отъ положенія лица, сдѣлавшаго простой заемъ, такъ равно и отъ положенія лица, находящагося въ служилой кабалѣ.

Помимо перечисленных случаев зависимости, можно было поступать к кому либо в работу еще по „рядной записи". Здесь идет речь о людях свободных, но находящихся в некоторой, весьма легкой и временной зависимости от другого. О „рядных записях" говорится в Уложении. Пишется особая „рядная запись" о том, что одно лицо желает служить у другого; она могла быть срочная, а также писалась „на смерть" другого лица; в ней ставилась неустойка на случай недослужения урочных лет, условленного времени; неустойка называлась „зарядь." Кроме заряда требовались поручители, которые ручались бы, что идущий в услужение идет служить добром.

По рядной записи нанимались совершенно свободные люди. Обыкновенно таким порядком родители отдавали своих детей в услужение и в выучку. Уйти по такой записи всегда было можно; только теряя заряд. („О поручных" записях - в Юрид. Акт., стр. 349 и след.)

В XVII веке, с началом образования особых сословий, некоторым лицам было воспрещено иметь кабальных слуг, как напримерь, духовенству, боярским людям и т.д., они могли иметь слуг только по рядным записям. Образцы рядных записей Ак. Юр. IV. 112, III, Д. до Ю. Г. I.

2. Люди свободные.

Среди свободныхъ людей въ древней Россіи не было сословій въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, т. е. сословій, отличающихся особыми правами, закономъ установленными, и замкнутостью, недопускающею произвольнаго перехода изъ одного сословія въ другое. Но, конечно, фактическое положеніе свободныхъ не было равно; отсюда по различію имущественнаго положенія образуются разряды лучшихъ людей, среднихъ и худшихъ или „смердовъ".

Прежде всего о смердахъ. Слово „смердъ" – славянское, отъ корня смерд; у Сербовъ „смердень" означаетъ бѣднаго, сельскаго эрителя; у Поляковъ „смирд" – человѣкъ грубый негородской. Взгляды ученыхъ на нашихъ смердовъ весьма различны.

Наше мнѣніе такое: смерды суть лица свободныя, лица, составляющія самый низшій разрядъ свободныхъ людей по своему имущественному положенію; это суть сельскіе и бѣдные посадскіе люди; но они не лишены никакихъ правъ свободныхъ людей и могутъ имѣть свою собственность.

И дѣйствительно изъ ст. 41. Тр. сп. Русской Правды (по Карамз. сп. ст. 42), говорящей объ урокахъ (т. е. о возмѣщеніи убытковъ), слѣдуетъ, что смерды отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за причиняемые ими убытки и платятъ, кро-

лъ того, продажу князю. Между тъмъ въ слъдующей 42 статьъ (по Карамз. сп. 43 ст.) сказано, что холопы продажи не платятъ, и объяснено - почему: „ибо все князь продажею не казнитъ, зане суть несвободны." Значитъ, смердъ - человъкъ свободный, иначе онъ не платилъ бы продажи.

Далъе: въ сп. 25 Акад. списка читаемъ: „А за князь конь, ибо тои съ пятномъ, 3 гривны; а за смердьи 2 гривны;" въ спискахъ Троицкомъ (ст. 40) и Карамзинскомъ (ст. 41) слова „ибо тои съ пятномъ" нътъ, а вмъсто „а за смердьи" сказано: „а за иныхъ." Здъсь смердъ противополагается князю. Значитъ, подъ смердомъ здъсь разумъется все остальное населеніе, кромъ князя. Слъдовательно, слово „смердъ" можетъ быть употреблено для обозначенія вообще свободнаго человъка. Это все, что можно вывести изъ статей Русской Правды, въ позднъйшихъ спискахъ которой (списокъ Оболенскаго) о смердахъ не упоминается.

Въ договорахъ князей съ Новгородомъ (А 3) говорится: „а кто смердъ, потянетъ въ свой погостъ." „Погостъ" мъсто возлъ церкви, также - административная единица. Слъдовательно, сл повинности, какъ свободное лицо.

Въ Лаврентьевской лътописи подъ 1096 годомъ записано, что Святополкъ, чтобы покончить нъкоторыя недоразумънія, „кото-

ры", приглашаетъ Олега Черниговскаго въ Кіевъ договориться „передъ епископами, и передъ мужи отцовъ нашихъ, и передъ людьми градскими." Но Олегъ отвѣчалъ: „нѣсть ми лѣпо судиму быти ни епископомъ, ни игуменомъ, ни смердомъ." Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Владиміръ Мономахъ приглашаетъ князей на Половцевъ, а князья возражаютъ, что, отправясь въ походъ, потравятъ поля смердовъ, упоминается о конѣ, гумнѣ и землѣ, принадлежащихъ смердамъ.

Перейдемъ къ обзору чужихъ мнѣній. Никитскій говоритъ (въ своей монографіи „О Псковѣ), что смердъ противоположенъ земцу, не имѣетъ своей собственности, живетъ на землѣ князя и платитъ ему повинности. Съ этимъ мнѣніемъ весьма близки взгляды Никольскаго и Цитовича. Приведенное мнѣніе основывается на статьяхъ Русской Правды, говорящихъ о наслѣдствѣ, и главнымъ образомъ на первой строкѣ 85 ст. Тр. сп.

Надо замѣтить, что заголовки нѣкоторыхъ статей Русской Правды не имѣютъ значенія, они позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ статьи къ которымъ относятся. Большею частью это начальныя слова статьи. Списки Русской Правды не раздѣлены на статьи. Такое дѣленіе и нумерація сдѣланы издателями собственно для удобства цитированія Русской Правды. Поэтому то, что принято за одну статью, можно раздѣлить, а нѣсколько статей, соединить смотря по существу дѣла.

Литографія Гробовой Петер. ст. Малый пр. д. № 28

И такъ 85 ст. Троицк. сп. первая строка: „Аже смердъ умреть, то задницю князю." По Карамз. списку тоже мѣсто (по номераціи — 103 ст.) читается такъ: „Ожо смердъ умреть безъ дѣти, то задница князю." Во II томѣ Русскихъ Достопамятностей имѣется рукопись, относимая нѣкоторыми къ XIII, а другими къ XIV столѣтію; тамъ мы читаемъ: „Аже смердъ умретъ безъ ѕажю, то задница князю." „Безъ ѕажю" — это „беззадщина," „беззадница," т. е. вымороченное имущество. Слѣдовательно имѣніе смерда идетъ князю только тогда, когда смердъ умретъ безъ наслѣдниковъ. Эта статья говоритъ только о смердѣ или въ силу казуистическаго характера древнихъ памятниковъ вообще, или потому, что здѣсь подъ смердомъ разумѣется вообще свободный человѣкъ. Въ Церковномъ Уставѣ Ярослава говорится, что „беззадщина" церковныхъ людей идетъ епископу. Такимъ образомъ 85 статья Троиц. списка теперь вполнѣ понятна.

Но Никольскій иначе понимаетъ эту статью. Онъ говоритъ, что если смердъ умретъ безъ сыновей („безъ дѣтей"), то имущество его идетъ князю. Очевидно, что онъ имѣлъ въ виду только Карамзинскій списокъ, да и то перевелъ его совершенно произвольно, замѣнивъ слово „дѣти" словомъ „сыновья." Отсюда онъ выводитъ, что смерды — безземельный классъ людей, наймиты князя, изъ которыхъ послѣ образо-

вались „черные люди". Отсюда же онъ выведъ, что дочь не была наслѣдницей.

Въ цѣломъ мнѣніе Никольскаго состоитъ въ слѣдующемъ: смерды суть люди, обязанные князю и отъ него непосредственно зависимые; они — безземельный, рабочій классъ, черные люди, селившіеся на княжескихъ земляхъ, — найниты и закупы князя, обязанные работать на него и состоящіе у него въ барщинѣ. Домъ, дворъ, скотъ, орудія принадлежатъ князю; поэтому князь и наслѣдуетъ послѣ смерда, неоставившаго сыновей, хотя бы и были дочери, такъ какъ дочь работать на князя не можетъ.

Мнѣніе свое Никольскій подкрѣпляетъ еще противоположностью наслѣдованія послѣ смердовъ и бояръ, вытекающею изъ сопоставленія 85 и 86 статей.

86 ст. Тр. ст. не даетъ удовлетворительнаго смысла. Она читается такъ: „Аже въ боярѣ любо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но аже не будетъ сыновъ, а дочери возмутъ." Такая редакція имѣетъ смыслъ только въ томъ предположеніи, что послѣ смерда, не оставившаго сыновей, наслѣдуютъ не дочери, а князь. Но предположеніе это не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ правильное чтеніе 85 ст. такое (по списку Дубенскаго): „князь наслѣдуетъ въ выморочномъ имуществѣ смердовъ," т. е. при отсутствіи наслѣдниковъ вообще, а не сыновей только. А при такомъ чтеніи противоположеніе, выраженное въ 86 ст. теряетъ смыслъ

Правильное чтеніе 86 ст. даетъ сп. Дубенскаго, у котораго находимъ: „Аще въ боярстѣй дружинѣ, то задница за князя не идетъ." Это понятно. Дружину въ древности могъ имѣть не только князь, но всякій состоятельный человѣкъ, т. е. бояринъ. Въ случаѣ смерти человѣка, принадлежащаго къ боярской дружинѣ, наслѣдство поступало въ пользу боярина, а не князя, если дружинникъ не оставлялъ наслѣдниковъ. Это исключеніе изъ ст. 85. Другое такое же исключеніе состовляетъ беззадщина церковныхъ людей, идущая къ епископу, а не къ князю. Такимъ образомъ ст. 85 говоритъ о смердахъ, а 86 - о лицахъ, входящихъ въ боярскую дружину.

Въ памятникахъ позднѣйшаго времени нигдѣ не находимъ какихъ либо особыхъ правъ князя по отношенію къ наслѣдству смердовъ сравнительно съ боярами. Судебники знаютъ только одинъ порядокъ наслѣдства: „А который человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери; а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ рода."

Въ Карамз. спискѣ ст. 13, надъ которой поставленъ заголовокъ: „О смердѣ и холопѣ," говоритъ: „А за смердъ и холопъ 5 гривенъ, а за рабу 6 гривенъ." Отсюда выводятъ, что смердъ равенъ холопу.

Но изъ равенства платы еще нельзя заключать о равенствѣ соціальнаго положенія лицъ. По Русской Правдѣ за княжаго мужа

берется 80 гривенъ, а за простаго мужа — 40 гривенъ (ст. 3 Кар. сп.). Между тѣмъ въ 21 ст. Акад. списка читаемъ: „.... а конюхъ старыи у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ".... Невѣрно бы было вывести, что соціальное положеніе стараго конюха у стада и княжаго мужа одинаково.

Въ Троицк. спискѣ таже 13 статья читается: „А за смердии холопъ 5 гривенъ; а за рабу 6 гривенъ." Этотъ варіантъ даетъ возможность поправить чтеніе Кар. сп.: смердъ не холопъ, а свободный человѣкъ, могущій имѣть самъ холоповъ.

Въ 1070 году въ Ростовской волости былъ голодъ; явились волхвы изъ Ярославля и пошли по Волгѣ и дошли до Бѣлоозера (см. въ Лѣтописи), обвиняя женщинъ, что онѣ скрываютъ хлѣбъ подъ кожей. Мѣстность эта была подчинена Черниговскому князю, воевода, котораго Янъ Вышатичъ, узнавъ, что волхвы суть смерды его князя, потребовалъ ихъ выдачи. Этимъ нѣкоторые ученые тоже пользуются для доказательства несвободнаго состоянія смердовъ. Но „смерды моего князя" можетъ значить подданые князя, ему подсудные и долженствующіе быть выданы ему для суда. Такое объясненіе подтверждается и отвѣтомъ волхвовъ. Они говорятъ: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши сотворити ничто же," т. е. мы подсудны князю. Этотъ гордый отвѣтъ скорѣе говоритъ въ пользу того, что они свободные люди, рабы едва

ли могли такъ отвычать.

Въ Московскихъ памятникахъ слово „смердъ" выходитъ изъ употребленія и смѣняется словомъ „крестьянинъ," „крестьянинъ".

Переходимъ къ разсмотрѣнію быта крестьянъ въ Москвѣ.

Большинство господскихъ и княжескихъ деревень въ XIII, XIV, XV и даже въ XVI в. было, какъ надо думать, населено свободными людьми.

Эти свободные крестьяне садились на господскія земли по уговору (рядная). Законовъ, опредѣлявшихъ отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, въ первое время возникновенія Московскаго государства, еще не было, а потому отношенія эти исключительно опредѣлялись свободнымъ отношеніемъ сторонъ.

Изъ немногихъ дошедшихъ до насъ договоровъ видно, что землевладѣльцы сдавали свои земли отдѣльнымъ крестьянамъ, изъ которыхъ каждый бралъ столько земли, сколько находилъ нужнымъ взять по своимъ силамъ и потребностямъ.

Недостатокъ въ землѣ сталъ у насъ чувствоваться не очень давно, какихъ нибудь сто, много полтораста лѣтъ тому назадъ, да и то въ нѣкоторыхъ только мѣстностяхъ, густо населенныхъ; въ XVI в. все выкъ и ранѣе землевладѣльцы должны были, наоборотъ чувствовать недостатокъ въ рукахъ для обработки своихъ земель. Имъ надо было привлекать къ себѣ земледѣльцевъ. Князья въ жалованн-

ныя грамотами духовными учреждениями предоставляют или обыкновенно право перезывать крестьян из иных княжений на льготу, т.е. съ освобождением отъ повинностей въ пользу князя.

Кромѣ такихъ общихъ льготъ, предоставляемыхъ всѣмъ призываемымъ изъ иныхъ княженій, господа предоставляли вновь поселяющимся у нихъ крестьянамъ еще льготу на 2, на 3 и на 4 года отъ всѣхъ господскихъ повинностей и давали имъ подмогу деньгами, по полтинѣ и по два рубля и больше. За подмогу и льготу крестьянинъ обязывался привести въ порядокъ свой участокъ: деревню распахать, поля огородить, старые хоромы починить, новые поставить и пр. Исполненіе этихъ условленныхъ въ порядной грамотѣ работъ освобождало крестьянина отъ обязанности возвратить господину денежную подмогу при переходѣ на новое мѣсто. Но если онъ уходилъ до истеченія льготнаго времени и не исполнилъ принятыхъ на себя обязательствъ, то обязывался возвратить полученную подмогу. Иногда въ такихъ случаяхъ крестьянинъ обязывался еще уплатить опредѣленную сумму сверхъ подмоги, въ видѣ вознагражденія за убытки. Срокъ, въ теченіи котораго крестьянинъ долженъ былъ оставаться на снятой землѣ, въ древнѣйшихъ порядныхъ не обозначается, а потому надо думать, что по исполненіи обязательствъ, соединенныхъ съ полученіемъ подмоги, онъ былъ свободенъ перейти на новое мѣсто, безо всякаго платежа въ пользу землевладѣльца (А. Ю. А

178, 182, 183, 186, 187.)

Такъ поступали и князья при заселеніи своихъ пустыхъ земель. Но они могли раздавать льготы и подмоги изъ болье щедрою рукой. Иванъ Васильевичъ давалъ льготы на 5 лѣтъ и подмоги по 5 рублей. Но при этомъ онъ невозбранно нарушалъ частныя права, тѣмъ самымъ признанныя: онъ приказывалъ звать на свои земли не только свободныхъ людей, но и кабальныхъ, чьи бы они ни были (Соловьевъ, VII, 46.)

Какъ увидимъ ниже, значительная часть землевладѣльцевъ пользовалась правомъ суда надъ всѣми лицами, сѣвшими въ предѣлахъ ихъ владѣній. Такимъ образомъ, выбирая участокъ земли, крестьянинъ выбиралъ себѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ и судью. Надо полагать думать что не одни льготы и подмоги рѣшали вопросъ объ избраніи крестьяниномъ мѣста жительства; молва о томъ, за кѣмъ жить хорошо, также должна была играть громадную роль.

Нѣтъ надобности доказывать, что этотъ порядокъ вещей былъ болье въ интересахъ земледѣльцевъ, чѣмъ землевладѣльцевъ, которые могли иногда лишиться крестьянина въ самую нужную для хозяйства пору. Есть указанія, что крестьяне отказывались, напримѣръ въ Петровъ день. Не всѣ однако землевладѣльцы въ одинаковой мѣрѣ чувствовали неудобство свободнаго перехода. Люди богатые, которые не затруднялись въ предоставленіи

своимъ крестьянамъ разныхъ льготъ, могли даже находить его удобнымъ. По той же причинѣ для великихъ князей московскихъ, владѣнія которыхъ постоянно росли, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно полнилась и казна ихъ, вольный переходъ могъ представлять выгоды сравнительно съ мелкими удѣльными князьями. Этимъ, конечно, и надо объяснить то обстоятельство, что въ княжескихъ договорахъ, при заключеніи которыхъ воля московскихъ великихъ князей обыкновенно играла первенствующую роль, мы не встрѣчаемъ никакихъ попытокъ къ ограниченію крестьянскаго перехода изъ княженія въ княженіе. Въ нѣкоторыхъ же прямо находимъ постановленія, ограждающія свободу крестьянскаго перехода. Такъ, въ договорѣ вел. князя рязанскаго съ его роднымъ братомъ читаемъ: „а ..... хрестіанамъ межъ насъ вольнымъ воля." (Р. С. 1 № 127).

Только что высказанное положеніе нуждается въ одномъ разъясненіи. Въ договорахъ московскихъ вел. князей съ тверскими и рязанскими мы встрѣчаемъ такую статью: „а вывода не замышлять," или: „а кто учинитъ выводъ, по исправѣ выдать." О какомъ выводѣ идетъ здѣсь рѣчь? Приведенными статьями воспрещается насильственный выводъ изъ предѣловъ чужого княженія должника или бѣжавшаго холопа, безъ обращенія къ мѣстной судебной власти, т. е. запрещается са-

моуправство, а не свободный выводъ крестьянъ. Это совершенно ясно изъ слѣдующихъ словъ договора московскаго великаго князя Василія Васильевича съ тверскимъ: „А кто имѣетъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, а передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина." (Р.С. 1 № 28, 32, 48, 65, 76, 88, 127.) Запрещенія вывода не есть, слѣдовательно, запрещеніе выхода. Приведенныя статьи гарантируютъ судебную защиту должнику, выходящему изъ одного княжѣнія въ другое, до уплаты своего долга.

Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и запрещенія вывода, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ: „а изъ Бѣжецъ, княже, людей не выводить въ свою землю, ни изъ иныхъ княженій." (Р.С. 1 № 1, 15, 20; въ № № съ 11 по 14 такого условія нѣтъ.) Изъ этихъ грамотъ не видно, чтобы въ нихъ рѣчь шла о самоуправномъ выводѣ людей подъ предлогомъ холопства или долга; а потому можно думать, что новгородцы имѣютъ въ виду насильственный выводъ вообще, т. е. и насильственный выводъ крестьянъ, чего они вельми могли опасаться отъ такихъ сильныхъ сосѣдей какими были князья тверскіе и московскіе. Бывали же примѣры насильнаго вывода крестьянъ даже частными землевладѣльцами*

*Едва ли не единственное исключеніе изъ прив

Если вольный переходъ крестьянъ изъ княженія въ княженіе могъ быть выгоденъ для московскихъ князей, то нельзя тоже сказать о свободномъ передвиженіи крестьянъ въ предѣлахъ того же княженія. Такой переходъ могъ быть невыгоденъ князьямъ, какъ государямъ и какъ частнымъ собственникамъ.

Въ каждомъ княженіи было не мало льготныхъ владѣній, освобожденныхъ отъ княжескихъ даней и отъ вѣдомства княжескихъ чиновниковъ. Переходъ тяглыхъ крестьянъ на такіе льготные участки уменьшалъ княжескій доходъ. Поэтому князья не могли не обратить вниманія на такіе переходы и не принять соотвѣтствующихъ мѣръ для огражденія своихъ фискальныхъ интересовъ. Они и дѣйствительно это дѣлаютъ, установляя нѣкоторыя ограниченія для владѣльцевъ льготныхъ имѣній.

Любопытна форма этихъ ограниченій. Князья не запрещаютъ крестьянамъ переходить на льготные участки; но обязываютъ владѣльцевъ такихъ льготныхъ участковъ не

денную въ текстъ правила представляетъ договоръ Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою; 1440 г іюня 24-го Вел. князь обязалъ Шемяку не выводить изъ Бѣлзскаго Верха данныхъ (обложенныхъ данью) людей — въ Алабушино, въ Эско и въ Новоселки. Это не общее, а частное ограниченіе; чѣмъ оно вызвано — неизвѣстно. Р. С. I № 60.

принимать на свои земли чужих людей. Свобода перехода есть исконное обычное право крестьян. Первые московские князья еще слишком слабы, чтобы поднять руку на это право. Да при существовании многих удельных такой меры и провести было нельзя: отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы въ уделы, гдѣ переходъ дозволенъ. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось, какъ требовать отъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ княжо льготами, не принимать на свои земли чужихъ людей. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ грамотъ этого рода принадлежитъ Ивану Даниловичу. Въ качествѣ новгородскаго князя, онъ далъ льготную грамоту новгородскому Юрьеву Волокъ монастырю, но въ ней обязалъ архимандрита чужихъ людей волоцкихъ и изъ отчины князя великаго, изъ Москвы, не принимать. Это запрещеніе безусловное.* Въ томъ

---

* А. Э. I № 4. Эта грамота Калиты написана безъ соблюденія существовавшихъ въ Новгородѣ правилъ для выдачи такихъ грамотъ. Изъ договора Василія Васильевича съ Новгородомъ (А. Э. I № 57) видно, что Новгородскій князь не могъ раздавать жалованныхъ грамотъ безъ новгородскаго посадника. Это правило, встрѣчающееся и въ договорахъ XIII в. дѣйствовало, конечно, и при Калитѣ, грамота же Юрьеву монастырю не упомина-

ого рода сохранилось еще нѣсколько эталонных грамотъ отъ XV и XVI в. (Отъ XV в.: А. Э. I № 17, 20, 34, 37, 60, 102. Отъ XVI в.: А. Э. I № 385; Д. къ А. И. I № 117, 119.)

Что дѣлаютъ князья, то дѣлали и частные люди, но въ болѣе тѣсной сферѣ своихъ частныхъ интересовъ. Отъ 1452 г. сохранилась данная новгородскаго посадника Василія Степановича монастырю св. Іоанна Богослова. Онъ подарилъ этому монастырю три села, но выѣзжать съ тѣмъ, обязалъ игумена не принимать половниковъ ни изъ его другихъ имѣній, ни отъ другихъ людей (А. Ю. № 110 VI. Тоже дѣлаютъ княгиня и митрополиты, А. Э. I № 41, 45). Посадникъ устраняетъ такимъ образомъ, конкуренцію игумена въ предложеніи заработка бѣднымъ и тѣмъ эксплуатируетъ.

Но такого рода ограниченія попадали иногда далѣе своей цѣли. Финансовые интересы князя были достаточно ограждены и въ томъ случаѣ, когда владѣльцы льготныхъ имѣній, не имѣя права принимать тяглыхъ крестьянъ обязывались только не ра-

---

зъ объ участіи посадника. Такое отступленіе отъ существовавшихъ правилъ объясняется: 1) или тѣмъ, что Палата не всегда соблюдала существующія права; 2) или тѣмъ, что въ земли Юрьева монастыря мерами въ тѣ времена Волока, которая обыкновенно предоставлялась новгородцами въ непосредственное завѣдываніе отъ князя. Въ этихъ частяхъ Волока

пространяетъ на нихъ льготу, дарованныя князем. Безусловное же запрещеніе принимать тяглыхъ могло поставить ихъ въ худшія условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ народились лица, не пользовавшіеся никакими льготами. При удаленности льготныхъ земель отъ границы княженія, крестьяне иныхъ княженій могли совсѣмъ къ нимъ не зародить; а ближайшихъ сосѣдей, которые могли быть всѣ тяглые, они не имѣли права принять, вслѣдствіе этого могли остаться совсѣмъ безъ рабочихъ.

Это обстоятельство, конечно, и было причиной того, что практика князей при выдачѣ льготныхъ грамотъ не была у насъ единообразна. Рядомъ съ приведенными грамотами, мы встрѣчаемъ и такія въ которыхъ нѣтъ безусловнаго воспрещенія принимать тяглыхъ. Изъ этихъ грамотъ надо вывести, что пожалованная княземъ льгота распространяется только на крестьянъ, пришедшихъ изъ иныхъ княженій, свои же, переходя на льготныя земли, не освобождались отъ повинностей въ пользу князя.*

(и Торжка) князь, по всей вѣроятности, былъ полнымъ хозяиномъ своихъ городовъ и могъ освобождать отъ повинностей по своему усмотрѣнію.

* Отъ XIV в.: А. Э. 1 № 5; отъ XV го: А. Э. 1 № 19, 23, 28, 31, 36, 44; А. 10: № 5; А. И. 1 № 108; Д. къ А. И. 1 № 193, 201, 208. Есть и грамота, которыми допускался пріемъ крестьянъ на льготныя земли безъ всякихъ ограниченій: А. Э. 1 № 47.

Только грамотами перваго рода устанавляется нѣкоторое ограниченіе района земель, въ предѣлахъ которыхъ совершался вольный переходъ, но, съ точки зрѣнія землевладѣльцевъ, очень слабое. Ими вовсе не обезпечивается потребность землевадѣльцевъ, владѣтельныхъ князей и частныхъ лицъ - имѣть постоянныхъ работниковъ.

Съ этою цѣлью землевладѣльцы обращались къ другому средству. Они брали съ крестьянъ заемныя записи (кабалы) Что такая запись имѣла свойство „укрѣпить" вольныя, на основаніи порядной, отношенія крестьянина къ землевладѣльцу, это видно изъ Уложенія, въ которомъ читаемъ: „а которые всякихъ чиновъ люди, хотя бѣглыхъ чужихъ крестьянъ и бобылей за собою укрѣпить, возьмутъ на нихъ кабалы или записи во многой ссудѣ...." (XI, 23) Уложеніе говоритъ, надо думать, не о новомъ явленіи; оно, конечно, упоминаетъ старинный обычай укрѣплять крестьянъ съ заемными записями, который въ XVII в. примѣняется не къ свободнымъ только крестьянамъ, а и къ бѣглымъ. Но нуждается въ разъясненіи вопросъ о томъ, какъ и какое укрѣпленіе крестьянъ возникало изъ долговой записи.

Отъ XIV и XV в. къ намъ не дошло никакихъ княжескихъ указовъ, которыми опредѣлялись бы виды частныхъ кабалъ и ихъ послѣдствія. Первое такое опредѣленіе встрѣчаемъ въ Судебникѣ 1550 года. Оно очень важно. Изъ двухъ, относящихся къ этому вопросу, статей Судеб-

ника, надо, кажется, заключить, что до половины XVI в. по этому предмету не было никаких указных определений; это было время господства практики, а практика, как и всегда, была разнообразна. Для прекращения этого неустойчивого порядка вещей, Судебник и дает свои определения. Он различает два вида кабал: служилыя иростовыя. По первым должник обязывается за рост служить своему кредитору (78); по вторым он ему не служит, а платит рост (82). Обе эти кабалы погашаются уплатою долга. Первыя, следовательно, устанавливают временную личную зависимость должника от кредитора; из вторых же никакой личной зависимости не возникает. Но при неуплате в срок, и должники по кабалам за рост могут быть выданы (в случае их несостоятельности) кредитору головою, для отработки долга.

Судебник заботится о том, чтобы эти два вида кабал не смешивались, и устанавливает невыгодныя последствия для того кредитора, который, дав деньги в рост (за %, а не за службу), станет держать должника у себя во дворе: или такой должник сбежит, обокрав кредитора, последний не имеет никакого в сем, ни по кабале (82). Запрещение Судебника держать на службе должника, обязанного процентами, заставляет думать, что прежде и это делалось. Судебник, обязывая кредитора довольствоваться или службою, или ростом

(въ XVI в. обыкновенно 20%), приходитъ на помощь къ должнику противъ заимодавца, который прежде бралъ и обычный ростъ, и службу.

Разсмотрѣнныя статьи Судебника совершенно разъясняютъ свойства укрѣпленія, достигаемаго долговою записью.

Судебникъ, конечно, не выдумалъ служилыхъ и ростовыхъ кабалъ; онѣ существовали на практикѣ и до него. О кабальныхъ людяхъ, состовляющихъ послѣдствіе кабальнаго обязательства, памятники говорятъ лѣтъ за 40 до Судебника (Р. С. 1 № 147.) Судебникъ только регулировалъ практику.

Служилой кабалой достигалось полное укрѣпленіе должника вѣрителю. Обязываясь служить за ростъ, должникъ отдавалъ въ распоряженіе кредитора всѣ свои производительныя силы. Эта обязательная работа могла быть прекращена только уплатой капитала; но гдѣ взять капиталъ, если и % платились личной работой? Для уплаты капитала было одно средство — новый заемъ. Но онъ едва ли могъ быть заключенъ на лучшихъ условіяхъ; а новый заемъ на тѣхъ же условіяхъ есть только перемѣна хозяина. Только юридически служилая кабала легко развязывается уплатой долга; фактически же это полная утрата свободы, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ.

Но возникаетъ вопросъ, примѣнялся ли этотъ способъ укрѣпленія къ крестьянамъ, которые по порядным снимали для себя участки владѣльческой земли? Это сомнительно. Не будемъ отри

Литографія Грабовой Петерб. ст. Мамин пр. д. № 28.

цать, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ это, можетъ быть и имѣло мѣсто; но, по общему правилу, служилой кабалой обязывались не земледѣльцы, а люди, поступившіе въ личную службу къ извѣстному господину и жившіе въ его дворѣ, а не на особомъ участкѣ. Это видно изъ текста служилыхъ кабалъ: кабальный холопъ обязывается служить во дворѣ своего господина.*

Въ числѣ такихъ дворовыхъ слугъ могли быть и сельскіе работники; но крестьяне, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, живутъ въ своихъ особыхъ дворахъ, своимъ хозяйствомъ, хотя и работаютъ на землевладѣльца. Для укрѣпленія ихъ, надо думать, были въ ходу кабалы ростовыя, а не служилыя. Это подтверждается и текстомъ выше приведеной статьи Уложенія. Она говоритъ объ укрѣпленіи крестьянъ „кабалами или записями во многой ссудѣ," а не „служилыми

---

*А. Ю. № 252. Въ этомъ же предположеніи составлена и 82 ст. Судебника. Вмѣсто того, чтобы сказать: а кто, давъ деньги въ ростъ, потребуетъ еще службы, она говоритъ: „а кто дастъ деньги въ ростъ да того человѣка станетъ держать у себя," т. е. у себя во дворѣ для услуги. Такому взгляду на обязанность должника жить при господинѣ, въ его дворѣ, соотвѣтствуетъ и упоминаніе въ той же статьѣ о кражѣ должника у кредитора, о чемъ и упоминать не было бы повода, если бы не предполагалось, что обязанный службою живетъ во дворѣ и на хлѣбахъ кредитора.

кабалами;" она указываетъ на большой размѣръ займа, а не на обязанность службы. Это не случайная обмолвка. Въ конца XVI в. была проведена еще болѣе рѣзкая грань между служилыми кабалами и кабалами земскими, чѣмъ это сдѣлалъ Судебникъ: съ 1597 г. служилыя кабалы не погашаются болѣе уплатой долга. Въ XVII в. это различіе повседневно проводится на практикѣ. Составители Уложенія хорошо это знаютъ. Если Уложеніе говоритъ о судной записи, а не о служилой кабалѣ, то, конечно, потому что крестьяне укрѣплялись этими записями, а не служилыми кабалами.

Въ актахъ XV в. сохранились прямыя указанія на то, что землевладѣльцы раздаютъ крестьянамъ свои деньги въ ростъ, т. е. по судным записямъ, а не по служилымъ кабаламъ. Въ духовной верейскаго князя Михаила Андреевича читаемъ: „что мои деньги въ моихъ селѣхъ въ ростѣхъ"... Въ духовной князя Андрея Васильевича такія деньги названы, по той же причинѣ, „ростовымъ серебромъ." Отсюда и названіе самихъ крестьянъ серебряниками.*

Этотъ долгъ не должно смѣшивать съ подмогой, о которой рѣчь была выше. Подмога есть

---

* Серебренниками, впрочемъ, назывались не одни только крестьяне, занявшіе деньги по судной кабалѣ, но и другіе должники; Судебникъ должниковъ по служилой кабалѣ тоже называетъ серебряниками, стр. 78.

долъ безпроцентный и погашается не уплатою, а исполненіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя принялъ на себя крестьянинъ, снимая чужую землю и получая подмогу. Сюда же есть долъ процентный (въ дѣйствительности % нерѣдко условливались только съ момента просрочки) и погашается уплатой.

Сюда дается не только серебромъ, но и хлѣбомъ. Это тоже процентный долъ, иногда въ размѣрѣ пятаго зерна на четыре. Погашеніе производится или хлѣбомъ же, или серебромъ, по предварительно сдѣланной оцѣнкѣ. (P.C. 1 № 112; A. I O. № 239.

Кромѣ серебра ростового, памятники упоминаютъ еще о серебрѣ издѣльномъ, но не даютъ достаточно данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ точное понятіе объ этомъ серебрѣ. Изъ памятниковъ ясно только, что это серебро есть долъ крестьянина господину; но какъ онъ возникъ, это вполнѣ темно.

Предлагаемъ попытку объясненія издѣльнаго серебра. За право пользованія владѣльческой землей крестьяне обязывались, на основаніи порядныхъ, нести въ пользу землевладѣльца извѣстныя повинности. Они должны были работать на него (дѣло дѣлать) и платить ему денежный и хлѣбный оброкъ. Размѣры барщины въ немногихъ дошедшихъ до насъ порядныхъ опредѣляются не въ подробностяхъ, а общей ссылкой на то, какъ „ходятъ иные крестьяне." Оброкъ же всегда опредѣляется точ-

но, рыбный – числомъ сноповъ: 5-и, 6-и сноп. и пр. (А. Ю. № 176-178, 182, 183, 186.) Верейскій князь Михаилъ Андреевичъ, въ своей духовной грамотѣ, серебру въ рость, противополагаетъ „серебро въ пашню." И то и другое крестьяне ему должны, но онъ прощаетъ имъ долги пр. Думаемъ, что серебро въ пашню и есть крестьянскій денежный оброкъ, который обратился въ долгъ, потому что не былъ уплаченъ въ срокъ. Въ другихъ духовныхъ „ростовому серебру" противополагается не пашенное, а „издольное". (Р. С. 1 № 112). Думаемъ, что это тотъ же денежный оброкъ. Онъ одинаково можетъ быть названъ и пашеннымъ серебромъ и издольнымъ. Владѣльцы сдаютъ свои земли изъ дохода. Доходъ этотъ получается съ пашенъ, снимаемыхъ крестьянами, отсюда – пашенное серебро; онъ извлекается черезъ посредство крестьянскаго труда, издѣлья, отсюда – издольное серебро. Въ одной духовной (Р. С. 1 № 83) плательщики издольнаго серебра названы издольниками. Это совершенно понятно, такъ какъ крестьяне – оброчники суть, вмѣстѣ съ тѣмъ и издольники, въ силу той же порядной.

Въ изложенной точки зрѣнія можно объяснить и встрѣчающееся въ памятникахъ выраженіе: „лѣтнее серебро", необходимо предполагающее свое противоположеніе – „зимнее". Лѣтнее серебро – это денежный оброкъ, добываемый лѣтнимъ трудомъ, земледѣліемъ; зимнее – зимнимъ напр.; рыболовствомъ. Крестьяне снимаютъ не только пахатныя земли, но и – угодья,

напр.; рыбныя ловли, обязываясь платить за нихъ натурой или деньгами (А. И. 1 № 54; А. Ю. № 116).

Если предлагаемое объясненіе вѣрно, то только ростовое серебро есть ссуда, которая давалась господиномъ для укрѣпленія крестьянина, а не издѣльно. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и то и другое серебро прощается иногда крестьянамъ или въ полной цифрѣ, или въ размѣрѣ половины. Отказъ отъ взысканія издѣльнаго серебра есть собственно сложеніе недоимокъ, которыхъ, конечно, всегда было много. Это такое же доброе дѣло, какъ прощеніе ссудъ бѣднымъ крестьянамъ и отпускъ рабовъ на волю, совершаемое съ цѣлью пріобрѣсти молельщика по душѣ.

Вотъ образчикъ заемной кабалы: „Се, язъ, Терентій, Филипповъ сынъ, ... крестьянинъ Прилуцкаго монастыря, занялъ есми Прилуцкаго монастыря у келаря 30 алтынъ денегъ монастырскихъ, марта въ 30 день до Филиппова заговѣйна 94 году, безъ росту; а полягутъ деньги по сроцѣ и мнѣ давать ростъ на пять шестой. А гдѣ ся кабала застанетъ, тутъ по ней правежъ. А на то послуси... А кабалу писалъ... лѣта 7093 марта въ 30 день." (А. Ю. № 250; ср. № 239, 251, 253.

Въ чемъ же связующая сила такихъ кабалъ? Мы видѣли уже выше, что ростовыя кабалы не связываютъ свободы крестьянина. Онъ не обязывается кабалою обрабатывать землю своего кредитора и можетъ оставить ее, несмотря

на долгъ. Имѣемъ отъ половины XV в. даже офиціальное признаніе однимъ удѣльнымъ княземъ за серебрянниками права отходить, когда захотятъ и не уплачивая при уходѣ своего долга. (А. Э. 1 № 481.) Это съ точки зрѣнія права обычнаго и даже указнаго; но въ дѣйствительности такою свободою пользовался только тотъ крестьянинъ, который былъ въ состояніи погасить свой долгъ въ срокъ. Если онъ не могъ этого сдѣлать, ему угрожалъ сперва правежъ, а за нимъ - отдача головою въ заработокъ кредитору. Кто не былъ увѣренъ въ возможности уплатить долгъ, тотъ долженъ былъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, чтобы не подвернуться правежу и другимъ непріятнымъ послѣдствіямъ взысканія. Человѣка, отданнаго въ заработокъ, кредиторъ могъ тѣлесно наказывать, и это право было ему предоставлено въ весьма широкихъ размѣрахъ. Уложеніе въ огражденіе личности должника, приказываетъ брать съ кредитора запись въ томъ, что онъ его не убьетъ и не изувѣчитъ (X, 266) Практика, конечно, знала такіе случаи. Это дѣлаетъ понятнымъ, почему землевладѣльцы, по словамъ Уложенія, брали съ крестьянъ записи во многой ссудѣ. Чѣмъ больше долгъ, тѣмъ меньше возможность уйти съ мѣста.

Заемная кабала установляетъ фактическую, а не юридическую зависимость.

Но такой фактической зависимостью землевладѣльцы не могли довольствоваться.

Она условливалась наличностью такого обстоятельства, котораго могло и не быть въ дѣйствительности. Не всякій землевладѣлецъ имѣлъ запасъ свободныхъ денегъ для раздачи въ ссуды. Но и получивши ссуды крестьяне могли уйти въ самое горячее для землевладѣльца время; для преслѣдованія ихъ надо было обращаться въ судъ, но не ранѣе, какъ по истеченіи срока займа. А тяжба дѣло не скорое. При такихъ условіяхъ, землевладѣльцамъ надо было стремиться къ болѣе существеннымъ ограниченіямъ свободы крестьянскаго перехода, и не только крестьянъ серебряниковъ, но и тѣхъ, которые у нихъ ничего не занимали. Въ половинѣ XV в., а, можетъ быть, и нѣсколько раньше, начинается рядъ пожалованныхъ князьями съ этою цѣлью имѣній, но не общихъ, а частныхъ, въ пользу отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, которые именно объ этомъ просили.

Отъ половины XV в. сохранилось нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что монастыри жалуются на свободный переходъ серебряниковъ. Въ отвѣтъ на такія жалобы, князья 1) воспрещаютъ серебряникамъ переходъ на новыя мѣста безъ уплаты долга прежнему владѣльцу; 2) пріурочиваютъ переходъ серебряниковъ къ осеннему юрьеву дню; 3) наконецъ, распространяютъ правило объ отказѣ въ юрьевъ день и на такихъ крестьянъ, которые не были должны владѣльцу. Древнѣйшее изъ домнѣ до насъ распоряженій этого рода принадле-

жить верейскому князю Михаилу Андреевичу (+1485) Всѣ вышеуказанные привилегіи онъ установляетъ въ пользу Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Слѣдующія, ближайшія къ этимъ по времени, привилегіи даны вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ. Онъ установляетъ, по челобитью братіи того же Кирилова монастыря, одинъ срокъ въ году, недѣля послѣ юрьева дня осенняго, какъ для отказа монастырскимъ крестьянамъ, такъ и для выхода на монастырскія земли, и предписываетъ платить серебро при самомъ отказѣ, а не послѣ. (А. Э. 1 № 48, I-III, № 73; Д. къ А. И 1. № 198, I-II).

Указанныя грамоты многознаменательны. Содержа княжескія распоряженія вмѣстѣ съ жалобами, которыя подали къ нимъ поводъ, онѣ прямо указываютъ на то, что вводимый князьями порядокъ есть новость, что въ половинѣ XV в. крестьяне переходятъ въ теченіе всего года, а серебряники выходятъ, не заплативши долга

Понятно, распоряженія эти дѣлаются въ пользу землевладѣльцевъ.

Великій князь Василій Васильевичъ пошелъ еще дальше. Отъ него сохранились двѣ грамоты, которыми онъ даетъ право Троице-Сергіеву монастырю вовсе не выпускать крестьянъ изъ села Присѣкъ Бѣлозерскаго уѣзда и изъ всѣхъ селъ въ Углицкомъ уѣздѣ. (А. И. I № 59; А. Э I № 64, эта грамота напечата-

на во второй разъ въ А. до Ю. Б. I А. 37. Такимъ образомъ, въ половинѣ XV в. сдѣланъ уже велик. княземъ московскимъ первый опытъ прикрѣпленія крестьянъ, почелобитью монастыря, конечно. Этотъ исключительный случай ясно обнаруживаетъ однако тенденцію землевладѣльцевъ и волю князей оказать ей поддержку. Полное свое торжество эта тенденція получила лишь много времени спустя. При Иванѣ Васильевичѣ примѣненіе правила о юрьевѣ днѣ – все болѣе и болѣе распространяется, пока, наконецъ, въ его Судебникѣ, оно не получаетъ значенія общей нормы. В 1497 года всѣ крестьяне имѣютъ только одинъ срокъ для перехода, – недѣля до юрьева дня и недѣля послѣ.

Но и на этотъ срокъ выходъ крестьянина не былъ вполнѣ свободенъ. Онъ долженъ былъ платить „пожилое" за пользованіе дворомъ: въ лѣсныхъ мѣстахъ полтину, въ безлѣсныхъ – 1р. Вся цѣна платилась прожившимъ 4 года; кто жилъ годъ, оплачивалъ 1/4 двора и т. д.

Недавно высказанное мнѣніе, что правило Судебника и по формѣ, и по содержанію направлено противъ крестьянъ (Engelman, Die Leibeigenschaft in Russland, 1884, стр. 20 и сл.), кажется намъ совершенно вѣрнымъ. Предшествовавшая практика ничего не знаетъ о платѣ пожилаго. Крестьянинъ не платилъ пожилаго и въ томъ случаѣ, когда получалъ деньги въ подмогу для постройки избы. Какъ мы видѣли, онъ долженъ

былъ возвратить эти деньги и заплатить еще неустойку только въ томъ случаѣ, если не ставилъ двора и отходилъ до истеченія льготнаго времени. Крестьянинъ долженъ былъ платить только ссуду по кабалѣ и, конечно, убытки, если онъ причинилъ ихъ землевладѣльцу. Обязанность платить по кабаламъ Судебникъ не отмѣчаетъ, право землевладѣльца искать убытковъ также остается; сверхъ всего этого, Судебникъ вводитъ плату „пожилаго". Несомнѣнно, мысль о затрудненіи переходовъ дѣлаетъ съ теченіемъ времени все большіе и большіе успѣхи.

Но почему Судебникъ ни слова не говоритъ о выходѣ серебрянниковъ и не повторяетъ извѣстнаго уже предшествовавшей практикѣ правила, которымъ серебряникамъ выходъ запрещается до уплаты долга? Если бы большинство крестьянъ было укрѣплено ссудами, такое молчаніе было бы понятно. Не слѣдуетъ ли думать, что задолженность крестьянъ господамъ далеко не состовляла такого общаго явленія, какъ это предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи? Только такое предположеніе и можетъ объяснить молчаніе судебниковъ.

Есть свѣдѣнія, что иногда крестьяне занимали у третьихъ лицъ, а не у собственниковъ снятой ими земли. (Д. къ А. И. I № 51, III 1555) Изъ Уложенія же (XIX, 5, 15) видно, что среди крестьянъ, сидѣвшихъ на чужихъ земляхъ, были такіе богатые люди, которые принимали въ закладъ и владѣли на правѣ собственности

городскими дворами, лавками, каменными погребами и соляными варницами. Уложеніе все это запрещаетъ. Отъ 1612 года имѣемъ извѣстіе, что крестьянинъ Прилуцкаго монастыря, Марко Ивановъ Скоровскій, взялъ въ приданое за женою, кромѣ разной движимости, плуга и скота, 11 рублей деньгами да пожню (плугъ) купленную; самъ же Марко имѣлъ въ своей казнѣ деньгами 10 руб., не считая плуга зерномъ, скота и другихъ движимостей (А. Ю. № 395) Оба супруга имѣли чистыми деньгами 21 руб. А сумма въ 21 руб. по тому времени составляла капиталъ весьма значительный. Въ 1550 г. князь Федоръ Петровичъ Ухтомскій нуждался въ капиталѣ вдвое меньшемъ того, какимъ обладалъ крестьянинъ Марко съ женой. Ему удалось занять 10 р. у князя Даніилы Даніиловича Ухтомскаго; заимодавецъ взялъ, въ обезпеченіе своихъ денегъ, въ залогъ три деревни (въ то время подъ деревней разумѣлось небольшое поселеніе, въ 2-3 двора) со всѣми угодьями, куда топоръ, плугъ и коса родили, съ правомъ за ростъ пахать. При несостоятельности, закладная обыкновенно переходила въ купчую. Въ XVI в. заимодавцемъ князя Ухтомскаго, а — при несостоятельности — и собственникомъ его деревень могъ быть крестьянинъ Марко; послѣ Уложенія это едва ли было возможно. Правда, прямаго запрещенія крѣпостнымъ крестьянамъ принимать въ залогъ и покупать уѣздныя недвижимыя имущества въ Уложеніи нѣтъ; но общее направленіе нашего законода-

тельства XVII в. было не въ пользу такихъ сдѣлокъ. По Уложенію, патріаршіе дворовые, если они не служилыхъ отцевъ дѣти и не природныя дѣти боярскія, должны были оставлять свое званіе и переходить на государеву службу, если пріобрѣтали себѣ вотчину (XVII, 37). Тѣмъ менѣе надо думать, могли сдѣлаться вотчинниками крѣпостные крестьяне. Изъ этого видно, какую борозду проводитъ московское законодательство XVII в. между никогда свободными и обладавшими всѣми гражданскими правами крестьянами и высшими разрядами людъ.

Но это уже новый порядокъ вещей, возникающій въ Москвѣ; первоначально же земледѣльцы не только были свободны, но и не знали никакихъ указныхъ ограниченій своихъ правъ. Они могли заниматься торговлею и владѣть домами и лавками въ городахъ; могли покупать недвижимости въ уѣздѣ и быть вотчинниками. Князья, какъ мы видѣли, соперничаютъ другъ съ другомъ въ переманиваніи ихъ изъ удѣла въ удѣлъ. Но это значитъ, что крестьяне не только не были крѣпки какимъ-нибудь землевладѣльцамъ, — они не были крѣпки и владѣтельнымъ князьямъ. До объединенія Руси московскими государями, крестьяне были весьма условными подданными владѣтельныхъ князей. Они народились въ предѣлахъ ихъ суда и вѣдомства и несли въ ихъ пользу тягло, — пока не уродили въ другой удѣлъ. То же надо сказать и о посадскихъ людяхъ.

Одни рабы крѣпки своимъ господамъ. Они

одни – настоящіе слуги князей. Всѣ свободные могутъ уйти отъ князя, даже крестьяне; могутъ уйти даже въ чужой удѣлъ, и это не измѣна. Одни холопы не уходятъ, только имъ служба невыгодна.

Но могли ли крестьяне и посадскіе люди поступать на службу князя? Могли. Они, конечно, и пополнялись ряды холоповъ и низшихъ свободныхъ придворныхъ слугъ, о которыхъ рѣчь еще впереди. Къ намъ дошло отъ второй половины XIV и первой XV в. семь княжескихъ договоровъ въ которыхъ князья принимаютъ на себя обязательство черныхъ людей къ себѣ на службу не принимать. Это частное ограниченіе служитъ только подтвержденіемъ общаго правила, допускавшаго поступленіе черныхъ людей на службу. Приведенныя статьи мы называемъ частнымъ ограниченіемъ, потому что они встрѣчаются только въ договорахъ Дмитрія Ивановича, великаго князя московскаго, и его нисходящихъ съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ и его внукомъ. Только эти князья обязывались не принимать въ службу черныхъ людей своихъ удѣловъ. Но это обязательство князей не лишало ихъ черныхъ людей права поступать на службу къ частнымъ лицамъ и переходить въ другіе удѣлы и поступать тамъ на службу къ князьямъ другихъ линій. Точно такое это обязательство не лишало Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича права принимать на свою служ-

бу черныхъ людей изъ всѣхъ другихъ удѣловъ.*

Въ такомъ же положеніи находились крестьяне во Псковѣ. По Псковской Судной Грамотѣ различаются три вида крестьянъ: изорники, (снимающіе поля, земледѣльцы), кочетники, (снимающіе воды, рыболовы) и огородники (снимающіе огороды). Всѣ они сдавались договорамъ, которые были безсрочны, но выходъ пріурочивался къ Филиппову заговѣнью – 15 Ноября. Они также получали ссуду, которая называлась „покрутою" и, по 44 ст., состояла какъ въ деньгахъ, такъ и въ хлѣбѣ. Они могли уходить, не заплативъ покруты, и въ такомъ случаѣ хозяинъ имѣлъ право вчинать искъ о возвратѣ послѣдней. Такимъ образомъ долгъ не связывалъ крестьянина. Изъ 51 ст. видно, что изорникъ сидѣлъ въ селѣ, а не во дворѣ хозяина. Крестьяне платили оброкъ не всегда деньгами, а иногда и натурой, на что указываетъ названіе „исполовникъ." (43 ст.)

По немногу права крестьянъ ограничивались. До Уложенія, напримѣръ, они могли покупать дома и лавки, Уложеніе это запрещаетъ.

---

* Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей видятъ въ приведенныхъ договорахъ запрещеніе крестьянскаго перехода, а не пріема на службу. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они цитируютъ Р. С. I № 35, 45 71, 78, 84, въ которыхъ статья эта изложена такъ: „А которые слуги пойдутъ къ дворско-

Такъ продолжалось до XVI в. въ концѣ XVI в. уже народятся указанія, что крестьянъ называютъ бѣглыми и что господинъ можетъ ихъ возвратить къ себѣ. Значитъ былъ указъ, по которому переходъ даже въ Юрьевъ день былъ запрещенъ. Точно времени появленія этого указа опредѣлить нельзя, такъ какъ онъ до насъ не дошелъ. Нѣкоторые думаютъ, что такой указъ былъ изданъ въ 1592 году.

Это мнѣніе основывается на слѣдующихъ словахъ указа 1597 года: „которые крестьяне бѣжали до нынѣшняго 1597 г. за пять лѣтъ, на тѣхъ давати судъ," т. е. тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, можно по суду возвращать назадъ, доказавши, что бѣгство случилось въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ. Изъ этого указа и выводятъ заключеніе, что прикрѣпленіе совершилось за пять

му при нашихъ отцѣхъ, а черные люди къ сонскому, а тѣхъ намъ не пріимать." Куда не принимать, этого не сказано, что и дало поводъ дополнить — „не принимать въ крестьяне." Приведенные договоры заключены сыномъ Дмитрія Ивановича и внукомъ его. Имъ предшествуютъ болѣе древніе, заключенные самимъ Дмитріемъ Ивановичемъ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Въ этихъ болѣе раннихъ договорахъ, послужившихъ образцомъ для позднѣйшихъ, читаемъ: „не пріимать въ службу" [Р. С. I № 27 и 33.] Въ „позднѣйшихъ слова „въ службу" опущены

лѣтъ до 1597 года, т. е. въ 1592 или 1593 году въ царствованіе Ѳеодора Ивановича. Если бы можно было дѣлать заключеніе на основаніи одного приведеннаго мѣста указа, то пожалуй, можно бы прійти къ такому выводу, но далѣе въ томъ же указѣ говорится: „а бѣгали до нынѣшняго 7106 года за шесть, за семь, за восемь, за девять и болѣе лѣтъ, а о томъ до нынѣшняго 7106 г. лѣтъ за 6, за 7, за 8, за 10 и болѣе не бивали челомъ, тѣмъ суда не давать." Эта прибавка современно измѣняетъ тотъ смыслъ, какой приданютъ указу сторонники прикрѣпленія въ 1592 году. Смыслъ указа будетъ такой: кто бѣгалъ за пять лѣтъ до 1597 года, того можно отыскивать, но можно было и того отыскивать, кто бѣгалъ ранѣе, надо было только своевременно бить объ этомъ челомъ, такъ какъ въ указѣ сказано: кто бѣгалъ за шесть, за семь, за десять лѣтъ, а помѣщикъ въ свое время не приносилъ жалобы того нельзя отыскивать. Понятно, кто жаловался своевременно, тотъ могъ возвратить крестьянина бѣжавшаго ранѣе 1592 года.

или по недосмотру, или потому, что существо дѣла и безъ нихъ представлялось современно яснымъ. Если текстъ позднѣйшихъ договоровъ нуждается въ дополненіи, оно должно быть сдѣлано не свободно изъ головы, а согласно тексталъ болѣе старинныхъ договоровъ, которые имѣлись въ виду при написаніи позднѣйшихъ.

И такъ въ 1592 году не было принято никакой новой мѣры. Изъ указа 1597 года скорѣе надо вывести то заключеніе, что прикрѣпленіе состоялось ранѣе 1592 года. Надо думать, что такою общею мѣрою былъ указъ Ѳеодора Іоанновича, о которомъ упоминается въ указѣ Василія Шуйскаго отъ 1608 года. Этотъ послѣдній указъ нѣкоторые изслѣдователи, какъ напримѣръ, Погодинъ, считаютъ подложнымъ. Онъ написанъ, дѣйствительно, весьма несладно. Надо допустить, что указъ дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ, но предполагать подложность достаточныхъ основаній. Въ этомъ указѣ находимъ положительное указаніе на общую мѣру относительно прикрѣпленія крестьянъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ: „а царь Ѳеодоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая старѣйшихъ бояръ, выводъ крестьянъ указалъ." Изъ этого указа видны и тѣ побужденія, которыя руководили Ѳеодоромъ Іоанновичемъ принять такую мѣру. Главнымъ побужденіемъ было желаніе обезпечить мелкихъ служилыхъ людей, отъ которыхъ крестьяне, по всей вѣроятности, переходили на земли богатыхъ бояръ. Старшіе же бояре были противъ этого. Итакъ, первое начало ограниченій крестьянскихъ переходовъ надо относить къ XIII вѣку, при Ѳеодорѣ же Іоанновичѣ, можетъ быть даже въ первый годъ его княженія (1585), послѣдовала по этому предмету общая мѣра.

Прикрѣпленіе не могло нравиться всему

крестьянству. Наши изслѣдователи, однако расходятся во мнѣніяхъ относительно того, ухудшило улучшило прикрѣпленіе положеніе крестьянъ. Костомаровъ говоритъ, что воспрещеніе перехода при царѣ Борисѣ могло даже улучшить бытъ крестьянъ. Съ этимъ трудно согласиться. Крестьянъ, имѣющихъ право перехода, нельзя было черезъ мѣру облагать повинностями. Какъ только переходъ былъ отмѣненъ, мѣра обложенія стала зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія землевладѣльца.

Что прикрѣпленіе повело къ ухудшенію быта крестьянъ видно и изъ мѣръ, которыя были приняты при Борисѣ Годуновѣ. Такъ отъ 1601 года мы имѣемъ его указъ, которымъ „отъ налога и продажъ" дается выходъ крестьянамъ. Ясно, что вслѣдствіе прикрѣпленія повинности увеличились. Чтобы поосвободить нѣсколько обѣднѣвшихъ крестьянъ Годуновъ издаетъ частную мѣру, которою даетъ крестьянамъ право перехода, но только на одинъ годъ. и притомъ не всѣмъ крестьянамъ, а только крестьянамъ городовыхъ дворянъ (не могли переходить крестьяне бояръ, монастырей, патріаршіе, дворцовые, черныхъ волостей.) Эта мѣра была принята для облегченія положенія крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ сравнительно бѣдныхъ владѣльцевъ. Такъ какъ вольный переходъ представлялъ для нихъ болѣе неудобствъ, чѣмъ для богатыхъ владѣльцевъ, то они первые и воспользовались прикрѣпленіемъ для увели

чения повинностей крестьянъ. Подобное урочное дозволеніе выхода имѣется и отъ 1602 года. По всей вѣроятности, такія дозволенія были и въ другіе годы, хотя мы и не имѣемъ подъ руками относящихся сюда указовъ. Такимъ образомъ, общая мѣра о прикрѣпленіи совершилась при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; при Годуновѣ дѣлались иногда исключенія, но и это прикрѣпленіе все-таки не было окончательнымъ, такъ какъ оставались урочные годы. Если бѣглый крестьянинъ успѣлъ скрыться гдѣ-нибудь въ теченіи урочныхъ лѣтъ (сперва 5, потомъ 10), утратившій его помѣщикъ, по прошествіи урочныхъ лѣтъ, не могъ уже о возвращеніи его бить челомъ. Понятно, что эти „урочные годы" были невыгодны для мелкихъ владѣльцевъ и вотъ появляются новыя челобитныя, въ которыхъ помѣщики просятъ, чтобы дозволено было отыскивать крестьянъ безъ урочныхъ лѣтъ. Правительство все болѣе и болѣе расширяетъ срокъ, въ теченіи котораго можно было отыскивать бѣглыхъ. Въ 1642 г. было установлено, что можно искать крестьянъ въ теченіи 10 лѣтъ. Уложеніемъ Алексѣя Михайловича урочные годы совсѣмъ отмѣнены, — это окончательное прикрѣпленіе крестьянъ. Кто за чѣмъ записанъ по книгамъ 1646 г., тотъ, по Уложенію, за тѣмъ и остается безъ урочныхъ лѣтъ.

Однородное явленіе происходитъ и въ сосѣдней государствѣ, Литвѣ. Въ половинѣ XVI в. княжество Полоцкое и Витебское на семь

составило приговоръ, что переходъ крестьянъ приурочивается къ одному сроку, и опредѣлило крестьянскія повинности, чтобы ослабить конкуренцію богатыхъ. Для тѣхъ господъ, которые принимали крестьянъ на болѣе легкихъ условіяхъ, установленъ штрафъ въ 50 копъ грошей.

Остановимся на нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ нашей ученой литературѣ по поводу прикрѣпленія крестьянъ. Вопросъ этотъ рѣшается неодинаково. Нѣкоторые думаютъ, что былъ общій указъ Правительства о прикрѣпленіи. Погодинъ сомнѣвается въ существованіи такого указа. Онъ думаетъ, что князья принимали въ этомъ участіе, но только частными мѣрами. Ключевскій идетъ еще далѣе. Онъ говоритъ, что Правительство здѣсь ни причемъ, что крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, сообщились свойства кабальныхъ, и что эту реформу совершили сами землевладѣльцы.*

Если принять его взглядъ, то крестьяне превратились въ кабальныхъ холоповъ. Между

---

* Вотъ его подлинныя слова: „Вольное условіе сообщившее крестьянамъ кръпостной характеръ, не было навязано Правительствомъ. Оно явилось юридическимъ отверженіемъ мысли, послѣдовательно развившейся отъ кабальнаго права, посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству."

тъмъ памятники XVI и XVII в. убѣждаютъ насъ въ томъ, что правительство постоянно дѣлало строгое различіе между крестьянами и кабальными, и вотъ въ чемъ это различіе выразилось.

1) По Уложенію крестьяне признавались землегащиками, которыхъ нельзя было брать на господскій дворъ для личныхъ услугъ. Въ видѣ исключенія Уложеніе дозволяетъ брать крестьянъ на помѣщичій дворъ тѣмъ, у кого нѣтъ рабовъ, но одному только человѣку въ дворники.

2). Если убѣжитъ холопъ, оговоренный въ какомъ нибудь преступленіи, то хозяинъ его отвѣчаетъ за убытки, если же крестьянинъ убѣжитъ, то помѣщикъ не отвѣчаетъ.

3) Крестьянинъ, сидящій на чужой землѣ, можетъ уйти безъ платы пожилого къ другому, если выдастъ на себя служилую кабалу. Значитъ Правительство покровительствуетъ переходу въ холопство.

4.) Если дѣвицы или вдовы кабальныхъ и крестьянъ убѣгутъ и выйдутъ замужъ, то мужъ долженъ платить за нихъ господину выводъ: за кабальную - 50 руб., а крестьянку - 10 р.

5) На своихъ крестьянъ нельзя брать кабалы.

Все это доказываетъ, что кабальное холопство и крестьянство - два отличныхъ другъ отъ друга института. Въ одномъ отношеніи даже крестьянство хуже кабальнаго состоянія, такъ какъ кабальный служитъ только до смерти

господина, а крестьянинъ - вѣчно.

Если же мы и послѣ прикрѣпленія встрѣтимся въ памятникахъ порядныя записи, то суть дѣла этимъ не измѣняется. Прикрѣпленіе коснулось только записныхъ уже съ кѣмъ либо крестьянъ, а было еще много свободныхъ людей, которые продолжали вновь поступать въ крестьяне.

Рядныя, выдаваемыя ими, отличаются нѣсколько отъ прежнихъ. До насъ дошла рядная отъ 1647 г. „Се, азъ, рядился есьми за Ермолья - въ государево жалованье и въ его отцовское помѣстіе въ крестьяне и подмогу взялъ лошадь, корову, свинью и проч., да въ землѣ сѣсенной руги, льготы дано на годъ, и мнѣ въ тотъ вольготный годъ участка моего пашню распахать сѣно скосить и изгородь устроить,.... А изъ за государей своихъ ни за кого не выходить..... А не учну я жить за государемъ, и ему взять съ меня за подмогу 5 руб." и проч.

Послѣдствія прикрѣпленія. Правительство, прикрѣпляя крестьянъ, имѣло въ виду доставить дворянамъ обезпеченный трудъ. Но смѣлость кабальныхъ и крестьянъ оно въ виду не имѣло, это явилось только естественнымъ слѣдствіемъ прикрѣпленія. И вотъ почему:

Въ силу прикрѣпленія крестьяне какъ бы вычеркиваются изъ государственнаго общенія; между ними и государствомъ становится помѣщикъ. Въ руки помѣщиковъ сдается полицейская власть; помѣщики наблюдаютъ за рабо-

тами крестьянъ и наказываютъ ихъ за лѣность и нерадѣніе. Не было указа, которымъ помѣщикамъ владѣльцамъ было право предоставлено наказывать крестьянъ тѣлесно, заключать въ тюрьму, сажать на цѣпь и пр. Все это появилось само собой, какъ слѣдствіе прикрѣпленія. Точно также само собой возникло право продавать крестьянъ. Продавая землю, продавали вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьянъ, которые были прикрѣплены къ землѣ; населеніе входило въ оцѣнку при покупкѣ земли, какъ готовая рабочая сила. Но на этомъ дѣло не остановилось: помѣщики начинаютъ продавать крестьянъ и безъ земли, хотя никакой законъ этого не разрѣшалъ. Торгъ крестьянами развился очень быстро. Уже въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій жалуется, что крестьянъ продаютъ, какъ скотовъ, сыновей отъ отцевъ, дочерей отъ матерей, съ раздробленіемъ семействъ. Вмѣстѣ съ этимъ гражданская и имущественная личность крестьянъ также теряется; у крестьянъ, конечно, могло быть свое имущество, но фактъ прикрѣпленія повелъ къ тому, что и на это имущество мало по малу признаются права помѣщиковъ. Если господинъ оказывался несостоятельнымъ, то взысканіе обращалось на имущество его холоповъ. Это положеніе еще въ началѣ XVII вѣка, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, распространяется и на имущество крѣпостныхъ. Уложеніе признаетъ за дворянами право искать и отвѣчать на судѣ за крестьянъ своихъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ

татьбы, разбоя, поличного и смертныхъ убійствъ. (XIII, 7) Изъ текста Уложенія надо вывести, что дворяне не только могутъ представлять своихъ крестьянъ на судъ, но такъ это обыкновенно и бываетъ, крестьяне же сами не ищутъ. Таковы послѣдствія прикрѣпленія. Въ XVII же вѣкѣ крѣпостные стали почти въ тоже самое положеніе, въ какомъ были рабы. Жалобы крестьянъ на помѣщиковъ не принимались, кромѣ одного случая, когда дѣло касалось великихъ государственныхъ дѣлъ (II, 13). Это правило Уложенія, лишавшее крестьянъ судебной защиты, и было главною причиной неполнаго развитія помѣщичьихъ правъ.

Съ конца XVII вѣка трудно уже отличить крѣпостныхъ отъ холоповъ. Полное же сліяніе произошло вслѣдствіе Петровскаго указа о ревизіи. До Петра Великаго единицею обложенія былъ дворъ и земля. Обложенію подлежали дворы и земли тяглыхъ людей. Холопы не считались тяглыми и повинностей не платили. Желая перевести всѣ разнообразные платежи и повинности въ одну общую повинность, Петръ Великій взялъ за единицу обложенія не имущество, а душу. Чтобы узнать сколько можно получить государственнаго дохода, нужно было узнать, какъ велико населеніе, такъ какъ съ каждой души номинально предполагалось взимать однообразный окладъ / въ дѣйствительности предписывалось раскладывать подушную подать по мѣрѣ имущества, т. е по мѣрѣ

платежныхъ средствъ.) Кромѣ того Петру нужно было узнать количество народонаселенія для правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія войскъ по деревнямъ. (Эту стѣснительную для крестьянъ повинность онъ заимствовалъ у Швеціи.) Вотъ для чего Петръ Великій приказалъ произвести ревизію или народную перепись. Поэтому поводу было издано нѣсколько указовъ. Первый указъ о ревизіи былъ изданъ въ 1718 г., затѣмъ послѣдовали указы въ 1719 – 20 гг. и т. д. Этими указами предписывалось переписать крестьянъ и всѣхъ дѣловыхъ людей, т. е. рабовъ, устроенныхъ помѣщикомъ. Но въ первомъ указѣ не было упомянуто о дворовыхъ людяхъ, т. е. о тѣхъ рабахъ, которые жили при дворѣ помѣщиковъ и не были устроены помѣщикомъ, вслѣдствіе чего помѣщики въ первыхъ ревизскихъ сказкахъ и не упоминали о нихъ. Въ новыхъ указахъ приказывалось помѣстить въ списки даже тѣхъ рабовъ, которые не живутъ на помѣщѣ, а находятся при дворѣ помѣщика для его личныхъ услугъ. Такимъ образомъ этою мѣрою все населеніе, тяглые и нетяглые рабы и крестьяне, были уравнены передъ лицомъ закона и на нихъ была возложена подушная подать въ одинаковой мѣрѣ.

Въ нашей литературѣ эту новую мѣру Петра Великаго иногда осуждаютъ, находя, что указами о ревизіи Петръ В. унизилъ крестьянъ до положенія рабовъ. Такого возрѣнія держится и покойный профес. Бѣляевъ, который

вообще весьма несочувственно отношения ко всьмъ петровскимъ реформамъ. Это несправедливый упрекъ. Крестьяне еще въ XVII вѣкѣ въ своей гражданской личности были такъ умалены, что съ точки зрѣнія права трудно было провести разницу между крестьянами и рабами. Разница между ними заключалась развѣ только въ томъ, что дворовые люди повинностей въ казну не несли. Въ Петра же и они должны были нести повинности. Но это значитъ, что рабы были подняты до положенія крестьянъ, а не крестьяне низведены до положенія рабовъ. Въ указѣ о ревизіи разрядъ вольныхъ людей совершенно исчезаетъ. Имъ предписано было отдавать обывателямъ изъ платежа подушной подати, каждый помѣщикъ могъ приписывать ихъ за себя столько, чтобы платить за нихъ подушную подать. Въ этотъ же разрядъ попали всѣ незаконнорожденные, гуляющіе и незаписанные ремесленники. Такимъ образомъ ревизія подвинула дѣло прикрѣпленія еще далѣе, закрѣпивъ тѣхъ лицъ, которые до того времени оставались свободными. Ревизія была примѣнена не только къ сельскимъ жителямъ, но и къ городскимъ, которые также были положены въ подушный окладъ. Ревизія показала, что бѣгство крестьянъ продолжается и что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ есть деревни, на $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ и даже болѣе заселенныя бѣглыми. Петръ приказалъ отбирать такихъ бѣглыхъ для передачи законному владѣльцу только у тѣхъ помѣщиковъ, у кого ихъ оказется два-

три человѣка. Если число такихъ бѣглыхъ достигнетъ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ крестьянъ помѣщика и болѣе, то имъ у него не отнимать.

Петра В. упрекаютъ еще за то, что онъ возложилъ отвѣтственность за неплатежъ подушной подати на помѣщиковъ. Бѣглые находятъ въ этомъ умаленіе значенія крестьянъ, такъ какъ между отбывателями повинностей, крестьянами, и государствомъ поставлены были помѣщики. Если со времены Петра В. усилилась отвѣтственность помѣщиковъ за неплатежъ повинностей, то въ этомъ нельзя видѣть умаленія правъ крестьянъ: они и въ Москвѣ были уже совершенно заслонены помѣщиками отъ государства; это скорѣе умаленіе правъ помѣщиковъ, на которыхъ возложена весьма тяжелая отвѣтственность. Изъ актовъ того времени мы знаемъ, что за неплатежъ подушной повинности крестьянами ихъ помѣщики заключались въ тюрьмы, ихъ сажали на цѣпь и держали въ такомъ заключеніи цѣлые годы; случалось, что они и умирали на цѣпи.

Петръ не только не хотѣлъ уменьшать положенія крестьянъ, а напротивъ, онъ предпринялъ нѣкоторыя мѣры къ облегченію ихъ участи. Онъ обратилъ вниманіе на продажу крестьянъ безъ земли и съ раздробленіемъ имѣній; осудивъ этотъ обычай, онъ дозволилъ продажу безъ земли только въ крайнихъ случаяхъ и то цѣлыми семействами; продажу отдѣльныхъ членовъ семьи воспретилъ. Затѣмъ Петръ предоставилъ дворо-

вымъ право опредѣлиться въ военную службу: кто изъ нихъ хотѣлъ поступить въ военную службу могъ это сдѣлать самовольно, безъ согласія помѣщика, и прекратить такимъ образомъ свое зависимое состояніе. Законъ, запрещавшій переходъ изъ крестьянъ въ посадскіе, не всегда соблюдался: крестьяне, не смотря на запрещеніе перехода, нерѣдко переходили въ города и занимались тамъ городскими промыслами. Петръ В. далъ право такимъ крестьянамъ, которые поселились въ городѣ и имѣютъ тамъ дома, лавки и ведутъ торговлю не менѣе, какъ на 500 рублей, приписываться въ городскіе жители; помѣщики не имѣли права возвратить ихъ обратно въ деревню. Но предвидя, что помѣщики будутъ брать съ такихъ крестьянъ, которые поселились въ городахъ, гораздо большія повинности, чѣмъ съ остальныхъ, и тѣмъ могутъ приводить ихъ въ раззореніе. Петръ приказалъ помѣщикамъ брать съ переселившихся въ городъ крестьянъ не болѣе того, что они брали съ обыкновенныхъ крестьянъ.

Наконецъ Петръ В. принялъ мѣры для ограниченія помѣщичьей вотчинной власти, а именно для огражденія крестьянъ отъ истязаній со стороны помѣщиковъ и отъ раззорительныхъ поборовъ. Онъ предписалъ воеводамъ наблюдать, что-бы помѣщики не раззоряли и не мучили крестьянъ, а если окажется, что они раззоряютъ ихъ и мучатъ, то назначить надъ имѣніемъ опекуновъ изъ родственниковъ.

Въ виду этихъ мѣръ царствованіе Петра

В. скорѣе можно назвать перерывомъ въ послѣдовательномъ развитіи крѣпостнаго права.

Переходимъ къ обзору высшаго разряда свободныхъ людей древней Россіи.

Высшій разрядъ свободныхъ людей составляютъ вольные слуги. По роду службы это военные люди, по характеру службы - это вольные слуги. Они сами избираютъ себѣ господина и служатъ, кому хотятъ: князю, митрополиту, даже частному человѣку; если избранный господинъ не удовлетворялъ ихъ, они могли оставить его и перейти къ другому.

Кто же эти вольные слуги, каково ихъ общественное положеніе? Это чрезвычайно широкій классъ населенія, охватывающій всѣхъ сколько нибудь состоятельныхъ людей, избравшихъ службу съ оружіемъ въ рукахъ своимъ спеціальнымъ дѣломъ. Въ источникахъ нѣтъ термина, которымъ бы обозначался весь этотъ классъ.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ обширный классъ этотъ весьма нерѣдко обозначается двумя терминами: бояре и слуги вольные.

---

*Таково словоупотребленіе офиціальныхъ актовъ: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ - воля," (въ княжескихъ договорахъ); „а кто кого излаетъ боярина и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безчестье, такоже и слузѣ." Двинская судн. грам. Этого же словоупотребленія держатся и лѣтописцы: „а кто поѣхалъ съ донскаго побоища долго въ сквозѣ его отчину, Рязанскую землю, бояре и слуги, а тѣхъ велѣлъ имати

Эпитетъ „вольные" относится къ тѣмъ и другимъ. Бояре — тоже слуги, но они лучше слугъ вообще, а потому и отмѣчены особымъ словомъ, означающимъ состоятельныхъ, крупныхъ людей. Опредѣленной грани между боярами и слугами нельзя провести. Эти разряды, отличаясь матерьальнымъ благосостояніемъ, незамѣтно переходятъ одинъ въ другой. Мы говоримъ здѣсь о боярствѣ въ первоначальномъ значеніи этого слова; мы имѣемъ въ виду боярина, какъ бытовое явленіе, а не какъ чинъ, жалуемый княземъ

Княжескіе договоры, говоря: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля," имѣютъ, конечно, въ виду бояръ въ смыслѣ бытоваго явленія, а не пожалованнаго чи-

---

(рязанскій князь) и грабити и наглыхъ пущати" Воскр. лѣт. 1380. „.... а прочихъ смольнянъ, бояръ и слугъ, побиша," тамъ же 1387. Слово бояринъ встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Срезневскій въ сочиненіи „Мысли объ исторіи русскаго языка" говоритъ, что это слово славянское, что его можно производить или отъ слова бой съ прибавленіемъ ярь (писарь, лѣкарь), бояръ, бояринъ, т. е. воитель, что соотвѣтствуетъ нѣмецкому Ritter, или французскому chevalier; или оно одного корня со словомъ боль, болій, боляръ, боляринъ, что соотвѣтствуетъ гранду. Хотя существуютъ двѣ этимологіи этого слова, но оба значенія сходятся, такъ какъ удачная война вела къ богатству побѣдившихъ и дѣлала ихъ большими людьми.

на. Всѣ наши древнѣйшіе чины соединялись съ опредѣленной и, въ большинствѣ случаевъ, придворной должностью; при перемѣнѣ должности, мѣнялся и чинъ. Чиновъ, которые слѣдовали бы за человѣкомъ во всякомъ его положеніи, въ первое время не было. Приведенная статья предполагаетъ переходъ отъ князя къ князю боярина и слуги вообще, а не лица, занимающаго опредѣленную должность.

Бояре, выдѣляясь изъ общей группы вольныхъ слугъ, въ свою очередь, не представляютъ совершенно единообразной массы. Между ними есть бо́льшіе бояре, старѣйшіе, великіе, нарочитые, и просто бояре и даже меньшіе бояре (Полн. собр. лѣт. VIII стр. 29, 30, 47, 52, 79; Р. С. I № 33). Вмѣсто „бояре" можно было сказать и просто „большіе люди", какъ выражается митрополитъ Іона о новгородскихъ послахъ (А. И. I № 53, 1452).

„Бояре и слуги" не единственный терминъ древнихъ памятниковъ; рядомъ съ нимъ встрѣчаемъ и другой: „бояре и дѣти боярскія." (Полн. собр. лѣт. VI, 313, VIII, 113, 114, 123, 204, 252, 294, Р. С. I № 29, 106, 144; А. Э. I № 98, 151; Д. къ А. И. I № 198). Дѣти боярскія поставлены здѣсь вмѣсто свободныхъ слугъ вообще. Что же значитъ это выраженіе? Это случай весьма обыкновеннаго въ древней Россіи наименованія дѣтей по отцу.* По первоначальному словоупотребленію, законныя дѣти бояръ

---

*О молодыхъ людяхъ говорилось: дѣти Одоевскаго, сынъ Ляпунова и пр. Рус. Ист. сборн. V 336. Отсю

и составляютъ разрядъ дѣтей боярскихъ.

Боярскія дѣти при жизни родителей, естественно, занимаютъ мѣсто не рядомъ съ ними, а за ними. Но это второстепенное мѣсто можетъ иногда удерживаться за дѣтьми боярскими и послѣ смерти ихъ родителей. Наше древнее право не знаетъ майоратнаго наслѣдованія. Имущество родителей всегда дѣлилось у насъ между сыновьями. Поэтому, чѣмъ больше у отца сыновей, тѣмъ труднѣе имъ играть роль отца по его смерти, если онъ былъ большой человѣкъ, боярин. Дѣти бояръ образуютъ осадокъ, которымъ заполняются низшія ступени вольной служебной мѣстности. Поэтому то памятники и говорятъ бояре и дѣти боярскія, т. е. бояре и другіе менѣе вѣрные вольные слуги. Дѣти боярскія составляютъ низшій, сравнительно съ боярами, разрядъ служилыхъ людей.

Между боярами съ одной стороны и вольными слугами и дѣтьми боярскими есть разница, но никакъ не большая той, какая существовала среди самихъ бояръ: старѣйшихъ, напримѣръ, и меньшихъ. Различія продолжаются и къ низу, среди вольныхъ слугъ и дѣтей боярскихъ. Источники упоминаютъ, напримѣръ, о младшихъ дѣтяхъ боярскихъ (лѣт.

да: посадничьи дѣти, лѣт. VIII стр. 159, княжія дѣти, Р. С. I № 41, княжата, Р. Л. VII, 258, и, наконецъ, дѣти боярскія вообще.

VIII, 51). Были, значитъ, старшія дѣти боярскія. Подъ 1480 г. упоминаются лучшія дѣти боярскія (лѣт. VIII, 204.); были слѣдовательно, средніе и худшіе.

И такъ, вольные слуги, подъ какими бы названіями они не встрѣчались, представляютъ собственно одинъ разрядъ служилыхъ людей, отдѣльныя особи которыхъ до безконечности различаются по экономическому своему положенію. Но экономическое положеніе по существу своему не постоянно, а потому на лѣстницѣ вольныхъ слугъ должны происходить постоянныя перемѣщенія сверху внизъ и снизу вверхъ. Вслѣдствіе этого термины: бояринъ, слуга, сынъ боярскій не представляютъ ничего строго опредѣленнаго и могутъ употребляться одинъ вмѣсто другого. Въ источникахъ, дѣйствительно встрѣчаются лица, которыя называются то боярами, то дѣтьми боярскими. Древнѣйшій изъ домонгольскихъ до насъ междукняжескихъ договоровъ, рядомъ съ выраженіемъ: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ - воля", употребляетъ такое: „а вольнымъ слугамъ - воля, кто бъ кормленыхъ бывалъ"..... „Вольные слуги" втораго выраженія суть тѣ же „бояре и слуги вольные," о которыхъ рѣчь идетъ и въ первомъ. Такая замѣна одного выраженія другимъ совершенно возможна, потому что права всѣхъ вольныхъ служилыхъ людей по владѣнію отчинами, отъѣзду и пр. были одинаковы; также безразлично заключали ихъ князья разными цѣлованіями и при-

муществами.

Типическимъ представителемъ всѣхъ отдѣльныхъ особей широкаго класса служилыхъ людей былъ, конечно, бояринъ. Этимъ и объясняется, что памятники говорятъ о боярскихъ земляхъ, о боярскихъ людяхъ, напр., когда надо было бы говорить о земляхъ и людяхъ всякихъ служилыхъ людей и даже болѣе: о земляхъ и людяхъ всякихъ частныхъ собственниковъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ: Вел. кн. Василій Васильевичъ дозволяетъ игумену Троице Сергіева монастыря выводить обратно крестьянъ, переведшихъ изъ монастырскихъ селъ въ села княжескія, княгинины или <u>боярскія</u> (А. Э. I № 64; 1460). Подъ боярскими селами, здѣсь, конечно, надо разумѣть села всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, даже и не свободныхъ людей, а не села какого либо одного высшаго класса, или людей извѣстнаго придворнаго чина.

Бѣлозерская губная грамота 1471 г. опредѣляя мѣру вознагражденія убытковъ людямъ, пострадавшимъ отъ разбоя, говоритъ, что изъ имущества виновныхъ въ разбоѣ выдается пострадавшимъ половина того, что они заявили въ своихъ челобитныхъ. Если же виновные будутъ боярскіе „люди" тогда эта половина взыскивается изъ имущества ихъ господъ (А. Э. I № 281). Различіе очень понятное. Рабы, по общему правилу, собственности не имѣли, а потому за убытки, возникавшіе изъ ихъ дѣй

ствій, и отвѣчали ихъ господа. Но кого надо разумѣть подъ боярами, которымъ принадлежатъ „боярскіе люди"? Конечно всѣхъ рабовладѣльцевъ, даже посадскихъ людей и крестьянъ

Такое словоупотребленіе встрѣчается и въ XVII в., много времени спустя послѣ того, какъ званіе боярина стало жаловаться царями только нѣкоторымъ, и притомъ немногимъ лицамъ.

Въ Уложеніи 1649 г. читаемъ: „а отъ кого побѣжитъ крѣпостной холопъ и въ бѣгахъ кому дастъ на себя служилую кабалу и, давъ эту кабалу, изъ бѣговъ воротится къ прежнему своему боярину" и т. д. (XX, 114). На основаніи этихъ словъ можно подумать, что холоповъ въ XVII в. имѣли только бояре въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, число которыхъ не превышало въ это время и 30 человѣкъ. Въ дѣйствительности же подъ боярами здѣсь опять надо разумѣть не возведенныхъ въ этотъ чинъ, а бояръ въ томъ смыслѣ, какъ это слово употреблялось въ XIV в. и ранѣе (см. еще XVII, 41, XXI, 79-80.)

Въ самомъ концѣ XVII в., въ розыскѣ по дѣлу о стольникѣ Петрѣ Неплюевѣ, кабальный человѣкъ этого стольника названъ боярскимъ человѣкомъ (Роз. дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ, II, ст. 771). Все это факты переживанія. Въ языкѣ XVII в., и даже офиціальномъ, сохранилась память о томъ отдаленномъ времени, когда бояриномъ назывался всякій крупный господинъ, когда боярство не жаловалось еще, а было бы-

товымъ явленіемъ, отмѣченнымъ и особой народной кличкой.

Какъ приближеніе къ князю возвышало холопа до вотчинника, такъ точно возвышало и приближеніе къ боярину. Довѣренныя лица изъ женской прислуги въ боярскомъ дворѣ носили наименованіе „боярскія боярыни." Это тоже большіе люди, но не сами по себѣ, а по господину, а потому и называются боярскими боярынями. Но въ XVII в. такія боярыни встрѣчаются не у бояръ только, а и у стольниковъ (Двор. разр. III, 1452.) Это опять переживаніе. Народъ держится еще старыхъ взглядовъ, а потому у него гораздо больше бояръ, чѣмъ ихъ обозначено въ боярскомъ спискѣ.

Въ этомъ смыслѣ боярынь съ переходомъ въ барина, дожилъ и до нашихъ дней.

По боярину всякое господское владѣніе называется боярщиной (А. Ю. №196, 209, IX. Боярской пашней называется всякая хозяйская пашня въ отличіе отъ той, которая предоставлялась крестьянамъ-работникамъ; такъ же и дворъ. Такимъ образомъ въ имѣніяхъ дьяковъ и подьячихъ были боярскія пашни и дворы (А. Э. I №280, А. И. I №180.) Обратить завѣдомое владѣніе въ вольное, господское значило „обояритъ" его (А. Э. I №74, IV.) Отъ слова боярщина образовалось позднѣйшее барщина. Переходъ „боярщины въ „барщину" указываетъ на то, что названіе старинныхъ господскихъ имѣній состояло всегда и на издѣльной повинности

(барщина), а не на одномъ оброкъ, что и весьма натурально.

Итакъ боярство въ первоначальномъ смыслѣ должно быть отличаемо отъ боярства въ смыслѣ позднѣйшемъ, отъ боярства „сказываемаго" или жалуемаго, отъ боярства „введеннаго." Первое означаетъ высшіе ряды вольныхъ слугъ вообще. Это боярство, по своему составу весьма многочисленное, незамѣтно сливается съ нижними рядами вольныхъ слугъ. Боярство во второмъ смыслѣ состоитъ изъ небольшаго числа лицъ. Такъ какъ оно жалованное, то между нимъ и остальными служилыми людьми проходитъ рѣзкая граница.

Всѣхъ пожалованныхъ бояръ легко перечислить. Въ годъ смерти в. кн. Василія Васильевича (1462) ихъ было всего трое; въ годъ смерти сына его, Ивана Васильевича (1505) – 13 человѣкъ; въ годъ смерти Василія Ивановича (1533) – 19 (Нов. Библ. XX). Не очень велико число жалованныхъ бояръ и въ XVII в.; въ боярскія списки 1627 г. занесены 21 человѣкъ, въ 1640-29, въ 1668-27, въ 1676-23 (Боярскіе списки въ Моск. Арх. Мин. Юст.)

Первое возникновеніе обычая „сказывать" (то-есть, по нашему – возводить въ званіе) введеное боярство относится, можетъ быть, еще ко второй половинѣ XIV в. Начиная со второй половины XV го, мы уже знаемъ изъ года въ годъ, сколько было этихъ сказанныхъ бояръ и когда кому боярство сказано. Въ XV в., а можетъ быть, и немного ранѣе, слово „боярин" употребляется уже въ двухъ смыслахъ: въ широкомъ – господина вообще и въ тѣсномъ

– боярина, введеннаго въ особое довѣріе князя. Но новое значеніе слова „боярин" не вытѣснило стараго даже въ XVII в. „Въ официальныхъ памятникахъ этого вѣка подъ словомъ „боярин" нерѣдко надо разумѣть служилыхъ людей вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такое было и съ древнѣйшимъ терминомъ „мужъ". Оно также имѣло два значенія. Въ „отношеніи княжой" оно означало человѣка, состоявшаго въ „особомъ приближеніи къ князю; просто „мужъ" означало высшій разрядъ свободныхъ людей вообще. Князья не создали ни бояръ, ни мужей. Тѣ и другіе существуютъ сами по себѣ, какъ бытовая сила земли. Но они нужны князьямъ, и именно въ качествѣ бытовой силы. Поэтому то князья приближаютъ ихъ къ себѣ. Такъ появляются сперва княжіе мужи, а позднѣе – введенные бояре.

Продолжаемъ говорить о боярствѣ въ первоначальномъ смыслѣ.

Мы сказали уже, что бояре, дѣти боярскія и всякіе вольные слуги составляютъ, по общему правилу, зажиточный классъ населенія. Они имѣютъ недвижимую собственность и деньги, которыя охотно употребляютъ на покупку земель. Новыя пріобрѣтенія дѣлаются ими не только въ предѣлахъ территоріи того князя, которому они служатъ, но и въ иныхъ княженіяхъ. Такія покупки, конечно, не могли нравиться мѣстнымъ властямъ, такъ какъ доходы съ земель, лежавшихъ въ предѣлахъ

ных владѣній, употреблялись въ пользу служебы чужому князю. Самые древнѣйшіе (XIII) княжескіе договоры, поэтому, содержатъ уже воспрещеніе покупки земель въ предѣлахъ чужихъ владѣній. Такія воспрещенія касаются слугъ, бояръ и дѣтей боярскихъ (Р.С. I № 3, 16, 20, 23 28, 40 и др.) Надо думать, что случаи такихъ покупокъ были весьма нерѣдки, а потому и озабочивали мѣстныя власти.*

Эти владѣльцы-собственники имѣли свои дворы, въ которыхъ встрѣчаются тѣ же элементы, что и во дворахъ княжескихъ, только въ мень-

*

Р.С. I. № 144, 1504 г., упоминаетъ дворы въ городѣ Москвѣ и за городомъ, составляющіе купли и вотчины бояръ и дѣтей боярскихъ. Въ брошюрѣ Е. А. Соловова „объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в.", 1886 г., на стр. 2 читаемъ: „при братѣ Симеона, при вел. кн. Иванѣ Ивановичѣ обнаружилось явленіе, начало которому, безъ сомнѣнія, положено прежде, именно бояре осѣли, изъ передвижной дружины они обращались (не слѣдуетъ ли обратились?) въ территоріальную аристократію." Эта несовсѣмъ ясная фраза можетъ быть понята; во 1-хъ, въ томъ смыслѣ, что бояре изъ бездомныхъ скитальцевъ обратились въ поземельныхъ собственниковъ только при вел. кн. Иванѣ Ивановичѣ, т. е. ровно въ половинѣ XIV в., хотя началу этому осѣданію было положено и прежде. Остановимся на этой мысли. Авторъ не

шихъ размѣрахъ. У нихъ были свои ключники, прикащики, повора, конюхи, стряпчіе, дворяне и пр., рабы и свободные. Къ богатымъ людямъ во дворъ поступали даже дѣти боярскія, конечно, бѣдныя. (Цар. Суд. ст. 81., ук. 1642 г., Улож. XX, 1.)

не приводитъ доказательствъ ни тому, что до Ивана Ивановича большинство бояръ не владѣло землей, ни тому, что при немъ бояре осѣли. А это слѣдовало бы сдѣлать:- очень нуждается въ доказательствѣ то, что эта важная перемѣна всего быта боярства совершилась при названномъ имъ вел. князѣ. Иванъ Ивановичъ на великомъ княженіи сидѣлъ не болѣе трехъ лѣтъ, такимъ образомъ бояре изъ бездомной передвижной дружины должны были обратиться въ территоріальную аристократію въ какихъ либо три года. Не очень ли это скоро? Также надо было бы остановиться и на вопросѣ о томъ, кто же владѣлъ землей прежде, чѣмъ развился у бояръ вкусъ къ землевладѣнію и осѣдлости? Кто были, наконецъ, эти ростовскіе и суздальскіе бояре, которые въ самомъ началѣ XIII в. заправляли судьбами ростовской волости, призывая и изгоняя князей? Если они не богатые землевладѣльцы, кому же принадлежали земли обширной ростовской волости? И въ какомъ отношеніи находились эти землевладѣльцы къ княжеской дружинѣ? Мы не находимъ въ источникахъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы въ кратковременное пребываніе Ивана Ивановича на вели-

Дворъ этотъ, имѣя прежде всего родственное значеніе, сопровождалъ своихъ господъ и въ походахъ, въ качествѣ войска. Сами же господа получали должности въ кормленіе, а дворовые ихъ люди выступали и въ качествѣ судныхъ органовъ. При кормленщикахъ разныя судебныя столкновенія происходили что либо въ родѣ того, что утверждаетъ Г. Бѣловъ. Въ первой договорной грамотѣ тверского князя ограничивается уже право тверскихъ бояръ покупать села въ Новгородской волости. А эта грамота относится къ 1425 г., да въ ней же говорится: что содержаніе ея есть старина". Это заставляетъ думать, что бояре давно уже вкусили отъ прелестей землевладѣнія и были чѣмъ за сто лѣтъ до Ивана Ивановича были озабочены расширеніемъ своихъ недвижимыхъ имѣній. Тѣми же стремленіями проникнуты бояре и слуги московскихъ князей. Но обнаружилось это не при Иванѣ, а еще при братѣ его Семенѣ (см. договоръ этого князя съ братьями) Г. Бѣловъ въ приведенномъ мѣстѣ противополагаетъ передвижную дружину территоріальной аристократіи. Это тоже едва ли вѣрно. Землевладѣніе вовсе не мѣшало боярамъ переходить отъ князя къ князю и составлять, — употребимъ выраженіе автора, — передвижную дружину князя. Они передвигаются и послѣ Ивана. — Во 2-мъ фразѣ г. Бѣлова допускаетъ и такое пониманіе: при Иванѣ Ивановичѣ лишь обнаружилось, что бояре осѣли, самое же осѣданіе произошло раньше. Это тоже невѣрно. Фактъ осѣдлости, какъ видно изъ договоровъ, обнаружился за много поколѣній до Ивана. Не то надо разыскивать, когда бояре осѣли, а то, когда они перестали быть землевладѣльцами. Неужели было время, когда бояре жили въ чужихъ дворахъ и были чужими людьми?

ныя действія совершались тіунами и дворянами.

"Боярскіе люди" оказывали иногда важныя услуги царскому войску. Подъ 1506 г. лѣтописецъ разсказываетъ, что 25-го іюня, во время похода подъ Казань, братъ вел. князя, Дмитрій Ивановичъ, а также и другіе его воеводы „побѣгоша во свояси, никымъ же гоними". Въ это-то время, зять князя, новокрещенецъ изъ татаръ, царевичъ Петръ, и Осодоръ Киселевъ съ боярскими людьми отбили татарскую погоню (VIII. 246.)

Этимъ боярскимъ слугамъ усвоялось тоже наименованіе, какъ и царскимъ. Въ Разрядной книгѣ Бекетова (XV в.) они названы „служилыми людьми". (Ср. Лазар. и Ут. стр. 340).

Карамзинъ приводитъ чрезвычайно характерную для быта вольныхъ слугъ XV в. выписку изъ этой Разрядной книги: „какъ Богъ поручилъ вел. кн. Ивану Васильевичу подъ его державу Великій Новгородъ, и по его государеву изволенію разошлись изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди; и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ положилъ государевъ писецъ, Дмитрій Китаевъ." Затѣмъ слѣдуютъ имена боярскихъ служилыхъ людей съ обозначеніемъ господъ, ко дворамъ которыхъ они до того времени принадлежали. Мысра эта коснулась: князя Семена Ивана Ряполовскаго, Василія и Ивана Борисовичей Плещеевыхъ (Плещеевы), одного изъ Шереметьевыхъ, Кузьмина, Богдана Есипова, Правдина, Салтана и Абрамовскаго.

У этих лиц государь взял их „послужильцев", у кого одну семью, у кого четыре, а у Василия Пучкова - девять, всего 46 семей, и поместил их в Вотской пятине (VI, пр. 201).

Служилые люди вольных слуг обращены были, таким образом, в слуг государя и вел. кн. московского, и из дворовых людей частных лиц сделались новгородскими помещиками. Значение этой меры очень понятно. Иван Васильевич, земельная собственность которого, с присоединением Новгорода, очень расширилась, хотел увеличить число слуг, непосредственно от него зависевших, и сделал это на счет бояр своих, ослабление которых было прямо в интересе все возраставшего абсолютизма.

Но кто эти лица, послужильцы которых были переведены на службу государя. Разрядная книга говорит, что послужильцы эти взяты из княжеских и боярских дворов. В это время уже было усиленное боярство. Из боярских списков, напечатанных у Новикова, видно, что только двум из господ, послужильцы которых были отобраны, было „сказано боярство": Ряполовскому (в 1478 г.) и Василию Пучкову (в 1480 г.) остальные же не были боярами в официальном смысле этого слова. Разрядная книга называет их боярами в первоначальном смысле, как людей состоятельных, владевших недвижимостью и бывших в состоянии содержать свой более или менее значительный двор.

Эти боярские дворы и дожили до XVII в., когда

они нередко употреблялись для торжественной обстановки въ случаяхъ пріема и отпуска иностранныхъ пословъ.

Въ разрядной книгѣ 1674 г. читаемъ: „того же числа (26 декабря) указалъ вел. государь быть на выѣздѣ, на стрѣчѣ противъ кизыльбашскихъ пословъ, боярскимъ дворомъ. И тому роспись:.. (Двор. разр. III, 1160.) А въ этой росписи, кромѣ боярскихъ дворовъ, поименованы дворы окольничихъ, дворянъ думныхъ, дьяковъ, постельничаго и пр. И здѣсь „боярскій дворъ" обозначаетъ, по старому, дворъ служилыхъ людей вообще.

Вольные слуги, по общему правилу, живутъ не при дворѣ князя, а въ своихъ имѣніяхъ, и только въ случаѣ войны собираются подъ знамена государя, которому служатъ. Это слѣдуетъ изъ взаимныхъ договоровъ московскихъ князей-союзниковъ, въ которыхъ обыкновенно разъясняется вопросъ о томъ, съ какимъ воеводой идутъ бояре и слуги: съ воеводой ли своего князя, или его союзника, въ предѣлахъ владѣній котораго находятся при войнѣ. Напримѣръ: „а которые, господине, бояре и дѣти боярскія служатъ тебѣ, вел. князю (Василію Васильевичу), или твоей братьѣ, а живутъ въ моемъ удѣлѣ (у Василія Ярославича Серпуховскаго), а тѣ, господине, родятъ съ тобою, съ вел. княземъ, и съ вашими воеводами... А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому тутно сѣсти" (Р. С. I № 45). Тутъ приняты два разныхъ порядка. При внезапномъ нападеніи непріятеля, бояре и слуги должны сѣсть въ осаду въ томъ городѣ

вблизи котораго находятся ихъ имѣнія, хочу бы этотъ городъ не принадлежалъ: ихъ князю или его союзнику. Въ послѣднемъ случаѣ они будутъ состоять подъ начальствомъ воеводы не своего князя, а его союзника. Въ случаѣ войны въ открытомъ полѣ, они всегда идутъ съ воеводой своего князя. Только въ одномъ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ принято другое начало: бояре идутъ не съ воеводой своего князя, а по мѣсту жительства (Р.С. I, №33) Всѣ эти условія одинаково предполагаютъ, что бояре и всякіе вольные слуги живутъ въ своихъ отчинахъ. Если бы они состояли при дворѣ князя, въ этихъ статьяхъ не было бы надобности. Придворная служба не успѣла еще наложить своей печати даже на лучшихъ слугъ, бояръ, ни въ XIV, ни даже въ XV в. Вольные слуги – не придворные люди.

Какъ мѣстные землевладѣльцы и постоянные жители своей мѣстности, бояре группируются около мѣстныхъ центровъ, городовъ. Они связаны съ ними, прежде всего, интересами своей личной безопасности. Въ городахъ у нихъ осадные дворы, гдѣ они скрываются, со своими семьями, дворами и движимымъ имуществомъ, въ случаѣ татарскаго или иного нашествія. Города имѣютъ для нихъ значеніе и въ хозяйственномъ отношеніи, какъ мѣсто сбыта и покупки. Наконецъ города группируютъ около себя мѣстное боярское населеніе, какъ административные центры.

Въ 1370 г. Дмитрій Ивановичъ, находясь въ борбѣ съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ изъ за великаго княженія, приводитъ „по всѣмъ градомъ бояръ и черныхъ людей къ крестному цѣлованію, не даватись вел. князю Михаилу Александровичу Тверскому, а въ землю его на княженіе Владимірское не пускать." (Р. Л. IV, 28.)

Подобно этому Иванъ Грозный, идя походомъ къ Казани, дѣлаетъ приговоры съ боярами по городамъ (въ Москвѣ, Владимірѣ, Нижнемъ) о томъ, что бы они не мѣстничались (Ждановъ „Ж. М. Н. Пр." ч. 186, отд. 2, стр. 52.

Дѣти боярскія тоже живутъ по городамъ въ своихъ вотчинахъ.

Этимъ мѣстнымъ характеромъ бояръ объясняется то, что лѣтописецъ въ разсказахъ нерѣдко обозначаетъ ихъ не по князю, которому они служатъ, а по городу, въ округѣ котораго они постоянно живутъ, или по области. Въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ о ростовскихъ, суздальскихъ, владимірскихъ, черниговскихъ, смоленскихъ, брянскихъ, рязанскихъ и др. мѣстныхъ боярахъ (лѣт. Переясл. - суздал., стр. 86, 88, 89 и др. VIII, 26, 40, 52, 75, 301.) Въ этомъ же смыслѣ говорятъ памятники о боярахъ новгородскихъ, псковскихъ, двинскихъ, вятскихъ (А. Э. I, № 13, А. И. I, № 261.)

Выдающееся положеніе бояръ переходитъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ и на ихъ дѣтей. И такъ изъ поколенія въ поколеніе. Лѣтопись помнитъ старые боярскіе роды. Она приводитъ иногда

справки, кто какого рода: „Алексѣй митрополитъ бѣ родомъ отъ славныхъ и нарочитыхъ бояръ черниговскихъ.... Василій Жулебинъ, правнукъ Остѣевъ, родъ Свибловъ; Александръ Кобяковъ, рязанскій бояринъ." и пр. (VIII, 26, 301).

Съ важностью родовъ боярскихъ сообразовались и князья. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Иванъ Грозный „бояръ всѣхъ и вельможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ, праведными уроки, кому всѣ достоитъ по отечеству и родству" Р. Л. VII, 261.

Но, при отсутствіи майоратнаго наслѣдованія, крупные боярскіе роды не могли быть очень долговѣчны. Глубокія всѣ, хотя и медленныя политическія преобразованія, происходившія за время съ XIV по XVII в. включительно, постоянно выводили на (политическую) арену новыхъ людей. Вотъ почему Котошихинъ свою II-ю главу о разныхъ чинахъ начинаетъ такимъ замѣчаніемъ: „прежніе большіе роды, князей и бояръ, многіе безъ остатку миновались."

Бояре и слуги вольные въ разсмотрѣнномъ смыслѣ составляютъ бытовую силу земли; они не созданы княжескими руками. Совершенно наоборотъ: собравшись въ значительномъ числѣ около князя незначительной наслѣдственной территоріи, они сами могли сдѣлать его сильнымъ.

Вольные слуги сами избираютъ себѣ господина. На древнемъ языкѣ такое вольное поступленіе къ кому либо на службу обозначалось

терминомъ „приказатися". Здѣсь разумѣется служба военная, а не въ какой либо опредѣленной должности при князѣ. Всѣ должности при своей особѣ князь раздаетъ самъ, въ должность нельзя приказаться. Приказываются къ услугамъ князя или иного господина въ качествѣ свободной военной силы. „А кто будетъ бояръ и слугъ, — читаемъ въ грамотѣ вел. кн. Василія Дмитріевича и Митрополита Кипріана, — не служивалъ Алексѣю митрополиту, а приказался новому митрополиту, а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою вел. князя, гдѣ который живетъ; инъ подъ тѣмъ воеводой и есть" (А. Э. I. № 9) Кто приказался, тотъ воинъ; вопросъ только въ томъ, съ какимъ воеводой ему выступать на войну. Въ княжескихъ договорахъ также постоянно опредѣляется, съ кѣмъ идутъ бояре и слуги вольные, и гдѣ они садятся въ осаду. Размѣръ этой службы первоначально (до половины XVI в.) не былъ опредѣленъ. Вольные слуги сами опредѣляютъ мѣру своей службы. Но военная служба не исключаетъ никакой другой, и вольные слуги могутъ быть въ тоже время и приказными людьми.

Приказываясь на службу, бояре и слуги давали клятвенное обѣщаніе вѣрности.

Къ сожалѣнію, наши источники не сохранили подробныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ обрядовой сторонѣ поступленія на службу и къ тѣмъ обѣщаніямъ, которыя при этомъ давались, — съ обѣихъ сторонъ, конечно. Изъ тѣхъ

немногихъ и отрывочныхъ указаній, которыя дошли до насъ, можно возстановить только общую суть дѣла, а никакъ не всѣ его частности

Что служилые люди, приказываясь на службу, цѣловали крестъ, это подтверждается извѣстіемъ 1391г., относящимся къ нижегородскому князю, Борису Константиновичу и его боярамъ. Узнавъ, что вел. князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, выпросилъ себѣ въ ордѣ у Тохтамыша Нижній, князь Борисъ собралъ бояръ своихъ и сказалъ имъ: „господіе моя и братіе, бояре и други! Попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте цѣловали ко мнѣ и любовь нашу, и усвоеніе къ вамъ." Крестное цѣлованіе всегда предполагаетъ нѣкоторыя обязательства, которыя имъ скрѣпляются. Бояре, конечно, обѣщали князю вѣрную службу и обязывались защищать его интересы. Изъ переговоровъ вел. князя Дмитрія Ивановича съ его служилыми людьми (1389) видно, что вольные слуги, поступая на службу, обязывались „животъ свой положить, служа ему". Тоже слѣдуетъ заключить и изъ отвѣта нижегородскихъ бояръ Борису: „всѣ мы, говоритъ старѣйшій изъ нихъ, Василій Румянецъ, единомысленны къ тебѣ и готовы за тебя головы сложить."

Надо думать, что и князь принималъ на себя нѣкоторыя обязательства въ отношеніи вольныхъ слугъ. Недаромъ же они давали обѣщаніе проливать за него свою кровь. Князь по всей вѣроятности, обѣщалъ ихъ жаловать вся-

кими милостями. Борисъ Нижегородскій упоминаетъ о своей любви къ боярамъ. Эта любовь должна была, конечно, сопровождаться и соотвѣтствующими дѣйствіями въ пользу бояръ. Такъ оно въ дѣйствительности и было, какъ увидимъ ниже.

Но клятвенное обѣщаніе, которое давали вольные служилые люди, не связывало ихъ навсегда. Предполагалось обыкновенно, что они остаются на службѣ, пока это имъ нравится, а затѣмъ могутъ отъѣхать и приказаться другому князю или митрополиту и пр. Во всѣхъ княжескихъ договорахъ это право признается за военными людьми въ формулѣ: „а бояромъ и слугамъ вольнымъ - воля."

Вольные люди осуществляли это свое право, „отказомъ отъ службы", который составляетъ „оборотную сторону „приказа на службу." Отказъ - не измѣна, это дѣйствіе дозволенное и совершается открыто: служилые люди прямо заявляютъ, что они болѣе не слуги своему прежнему князю, и отъѣзжаютъ отъ него. Нижегородскіе бояре, нѣсколько позднѣе описанныхъ переговоровъ, обратились къ князю Борису съ такимъ заявленіемъ: „господине княже, не надѣйся на насъ, узе бо есмы отъ нынѣ не твои и несть съ тобою есмы, но на тя есмы." Не будемъ утверждать, что обрядъ отказа отъ службы всегда соблюдался. Въ лѣтописяхъ немало встрѣчается случаевъ отъѣзда безъ всякаго отказа.

Надо думать, что вольные слуги составляли дѣйствительную силу, если ихъ право отказа дожило безъ малаго до половины XVI в. и признавалось такими князьями, какъ Иванъ Васильевичъ и сынъ его, Василій.

Но договоры допускаютъ право отъѣзда не безусловно, а въ опредѣленныхъ границахъ: между дружественными союзными князьями. Это, однако, границы весьма широкія: только въ размирьѣ нѣтъ переѣзда къ тому князю, съ которымъ ведется война. Но какъ скоро война прекращалась, въ мирномъ договорѣ снова выговаривалась свобода отъѣзда. Отъѣздъ служилыхъ людей, хотя и ограниченный хотя и ограниченный сферой друзей и пріятелей, всегда былъ признакомъ шаткаго положенія дѣлъ того князя, котораго оставляли вольные слуги и необходимо велъ къ его дальнѣйшему ослабленію.

Это независимое положеніе вольныхъ слугъ заставляло князей искать ихъ расположенія и всякаго рода ласками, милостями и льготами привлекать ихъ къ себѣ на службу. Приведемъ характерную въ этомъ отношеніи похвалу лѣтописца владимірскому князю, Юрію Всеволодовичу: милостивъ былъ, щедръ, даровитъ, ласковъ къ боярамъ и слугамъ.... непамятозлобенъ, къ согрѣшающимъ прощателенъ; и никто же по животѣ его можаше служите другому князю, не могуще забыти любви и ласки его." (Р. Л. I, 378, годъ 1237.)

Посмертныя похвалы бываютъ иногда

преувеличены. Но здесь не мнѣнія порваны интересуютъ насъ, а поводъ къ нимъ. Князь восхваляется за щедрость, любовь и ласку къ боярамъ и слугамъ. Отношенія къ боярамъ и слугамъ дѣйствительно опредѣляютъ положеніе князя: кто умѣетъ жаловать вольныхъ слугъ, у кого есть достаточныя средства къ тому, у того и сила

Наши древніе памятники сохранили много слѣдовъ ласки, милости и щедрости князей къ вольнымъ слугамъ.

Перечислимъ эти милости. Вольные слуги промѣняли на міръ свою волю.

1). Въ договорахъ своихъ князья, обыкновенно, считаютъ необходимымъ выговаривать неприкосновенность имущества отъѣзжаго слуги. Въ договорѣ Семена Ивановича и племянника его Дмитрія Ивановича, это начало выразилось въ такой формѣ: „а кто поѣдетъ отъ насъ къ тебѣ.... нелюбья не держать;" въ позднѣйшемъ: „а кто имѣетъ уѣхати моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюстите имъ, какъ и своимъ." Въ посланіи чернаго и бѣлаго духовенства къ Дмитрію Юрьевичу отъ 1447 года находимъ превосходный комментарій этого выраженія „блюсти, какъ и своимъ." Упрекая Дмитрія Шемяку въ нарушеніи принятыхъ имъ на себя обязательствъ по отношенію къ вел. князю, духовенство говоритъ: А бояромъ вашимъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ моимъ васъ вольнымъ - воля. А кто служитъ брату твоему старѣйшему вел. князю,

а живетъ въ твоей отчинѣ, и тѣхъ ти блюсти, какъ и своихъ. И послѣ того вашего докончанія и крестнаго цѣлованія, которые бояре и дѣти боярскія отъ тобе били челомъ брату твоему старѣйшему вел. князю служите, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты, чрезъ то докончаніе и чрезъ крестное цѣлованіе, тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотымалъ и животы и съ статки всѣ и животину еси у нихъ поималъ" (А. И. I, № 40). Въ договорахъ съ Тверью то же начало выражено болѣе опредѣленно: „намъ (князьямъ) въ села ихъ (отъѣхавшихъ) не вступатися," или: „а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати."

2.) Обезпечить неотъемлемость имуществъ переѣзжащимъ слугамъ не значитъ еще вполнѣ обезопасить ихъ отъ корыстныхъ притязаній мстительной мѣстной власти. У нея остается еще средство обирать отъѣхавшихъ, не нарушая правъ ихъ собственности; они могли сдѣлать это посредствомъ разорительныхъ налоговъ. Договоры принимаютъ и противъ этого надлежащія мѣры. Князья обыкновенно обязываются не только „блюсти отъѣхавшихъ, какъ и своихъ, но и дань брать на нихъ, какъ и на своихъ."

3) Для привлеченія вольныхъ слугъ князья поступаются въ ихъ пользу даже своими правами. Они предоставляютъ имъ право суда-

и освобождаютъ отъ налоговъ поземельную ихъ собственность. Право суда жалуется какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, но, обыкновенно, за исключеніемъ убійства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Это право предоставляется вольнымъ слугамъ лишь по отношенію къ населенію ихъ собственныхъ земель. Если же дѣло возникло между крестьяниномъ вольнаго слуги и посторонними лицами, въ такомъ случаѣ иногда мѣсто смѣстный или общій судъ, и дороду съ суда дѣлился между обими судьями поровну. Размѣръ льготъ отъ налоговъ бываетъ очень различенъ и всякій разъ особо опредѣляется жалованной грамотой.

Возникновеніе указанныхъ преимуществъ и льготъ относится, конечно къ самой отдаленной древности. Но по памятникамъ, существованіе этихъ привилегій можно прослѣдить лишь до первой половины XIV в.

Первый, намъ извѣстный, вотчинникъ-судья былъ Иванъ Петелинъ, предки котораго получили указанныя привилегіи еще въ княженіе Ивана Даниловича Калиты. По жалованью Калиты возобновлено было сыномъ его, Семеномъ, и, затѣмъ, цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ князей отъ Дмитрія Ивановича до Василія Васильевича включительно. До насъ дошла только грамота послѣдняго князя, отъ 27 сентября 1450 года, въ началѣ которой онъ говоритъ, что жалуетъ Ивана Петелина по грамотѣ прадѣда своего, великаго князя

Ивана Даниловича (А. Э. I № 46). Всякимъ людямъ, которые будутъ жить въ селахъ и деревняхъ Петелина, князь даетъ свободу отъ всякихъ пошлинъ; самому же Ивану предоставляетъ право судить ихъ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. „А случится судъ смѣстный и волостели мои судятъ, а Иванъ съ ними же судитъ, а присудомъ подѣлятся на полы."

До возобновленія грамоты Василіемъ Васильевичемъ, право вотчиннаго суда принадлежало роду Петелиныхъ не менѣе 110 лѣтъ. По возобновленіи же оно, по всей вѣроятности, оставалось за нимъ не долго. Изъ того что грамота найдена въ архивѣ Троицко-Сергіевой лавры, можно заключить, что послѣдній владѣлецъ передалъ свою вотчину монастырю еще при жизни вел. князя Василія Васильевича.

Отъ XV вѣка намъ извѣстно десять такихъ пожалованій, отъ XVI - семь; отъ XVII - одно.*

Надо думать, что такія пожалованія составляли общее правило, а не исключеніе. Дума

Вотъ имена этихъ вотчинныхъ судей:
Марія Копнина, жена Василія Борисовича Копнина, и сынъ ея Ѳедоръ, 1449 годъ, Андрей Аѳанасьевъ, 1450, Внуковъ Аѳанасій, 1455, Бобръ Дмитрій Васильевъ, 1462-72, Львовъ Злоба Васильевъ, 1484, подтверждено въ 1509, Степановъ Гридя, 1484, Глядящій Ивашка, 1487, бояринъ Аѳа-

ель такъ потому, что, въ числѣ пожалованныхъ встрѣчаются Ивашки и Ведьки. Можно ли допустить, что большіе люди, имена которыхъ писались съ "вичемъ" имѣли менѣе права и привилегій, чѣмъ эти Ивашки, жалованныя грамоты

наій Ивановичъ Шетневъ, 1486, Вырыпаевы Злобада Ведька, Андреевы дѣти, при вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ, Галамутова Ирина да сынъ ея Васюкъ, 1495, Игнатій Александровъ Козеуровъ, 1505, Головинъ Костя Микулинъ (его жалованная грамота приведена въ правой грамотѣ 1541 г., но дана Василіемъ Ивановичемъ, а, можетъ быть, и отцемъ его) Григорій Семеновъ сынъ Немидовъ 1509, боярин. князь Мирашъ Ивановичъ Кубенскій, 1547, Строгановъ Григорій Аникѣевъ, 1564, дьякъ Василій Щелкаловъ 1571; Строгановъ Петръ Семеновъ, 1610 (А. Э. I, № 44, 45, 111, 120, 132, 149, 215, 374, 379; А. И. I № 115, 180 Д. къ А. И. I № 117; А. Ю. № 9; А. до Ю. Е. I № 31, XX; Рус. Ист. Сборн. V стр. 11; Рум. Соб II № 196) Жалованная грамота Злобѣ Львову сохранилась въ оригиналѣ и въ судномъ спискѣ 1503 г. Замѣтимъ, что въ судные списки грамоты переписывались не слово въ слово, а съ опущеніемъ подробностей, которыя были несущественны для дѣла. Старые всѣхъ перечисленныхъ грамотъ - жалованная грамота новоторжцу Микулѣ съ дѣтьми. Она дана Дмитріемъ Ивановичемъ (Д. къ А. И. I № 9. по грамотѣ дѣда его, Ивана Калиты; но отъ времени весьма пострадала, а потому объемъ предоставленныхъ Микулѣ правъ не совершенно ясенъ.

которыя случайно сохранились до нашихъ дней.[2]

Вотчинный судъ существуетъ еще въ полной силѣ въ серединѣ XVI в.; онъ оставилъ ясный слѣдъ свой въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича. Въ ст. 64 читаемъ: „А дѣтей боярскихъ судите намѣстникомъ, по всѣмъ городомъ, по нынѣшнимъ царевымъ государевымъ жаловальнымъ по ихъ вотчимъ грамотамъ."

Изъ этой статьи слѣдуетъ, что намѣстники судятъ дѣтей боярскихъ согласно съ жаловальными или вотчими грамотами.

Оставимъ до времени въ сторонѣ вопросъ о томъ, у кого судятся сами дѣти боярскія, и остановимся только на разъясненіи того, что значитъ, что намѣстники судятъ согласно съ жаловальными дѣтямъ боярскимъ общими грамотами.[1] Въ виду приведенныхъ выше жаловальныхъ грамотъ, въ которыхъ рѣчь идетъ объ общемъ (или намѣстномъ) судѣ, это едва ли представляетъ какое либо затрудненіе. Подъ вотчими грамотами "Судебникъ разумѣетъ вышеприведенныя жаловальныя грамоты, въ силу которыхъ, въ извѣст-

---

[1] Приведемъ еще нѣсколько свидѣтельствъ о вотчинномъ судѣ въ XVI в. Князь Іоанаѳій Кемскій купилъ въ 1508 г. у своего брата его вотчину съ судомъ и данью (А. Юр. № 3); въ 1555 г. Княгиня Любецкая даетъ своихъ судей въ споръ монастыря противъ ея подданныхъ; въ 1566 г. у князей Семена и Тимоѳея Ивановичей Вяземскихъ упоминается свой доводчикъ (Ведот. Черов. № 78 и 88) Но эта княжеская юрисдикція, можетъ быть, вытекала не изъ пожалованія, а представляетъ остатокъ старинныхъ владѣтельныхъ княжескихъ правъ.

ныхъ случаяхъ, намѣстникъ производитъ судъ совокупно съ частными владѣльцами. И такъ, если дѣло касается крестьянъ, сидящихъ на земляхъ дѣтей боярскихъ, то эти крестьяне судятся согласно съ жалованными дѣтямъ боярскимъ вотчинными грамотами, т.е. или однимъ господами, или, если въ дѣлѣ заинтересовано лицо, сидящее не на вотчинной землѣ, господами и намѣстниками.

Такимъ образомъ, сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находится уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльцевъ. А такъ какъ государевы намѣстники не въѣзжаютъ въ привилегированныя вотчины ни по какимъ дѣламъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, то владѣльцамъ принадлежитъ не одинъ судъ, а и управленіе вообще.

Когда это право вотчиннаго суда и управленія было уничтожено? Можно думать, что, съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, оно вошло въ составъ крѣпостного права, нѣкоторые черты котораго имѣютъ такимъ образомъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ указы, сперва ограничивающіе, а потомъ и вовсе отмѣняющіе вольный переходъ крестьянъ. Статья Уложенія (II, 13), запрещающая принимать какіе либо иззыскы крестьянъ на ихъ господъ, кромѣ великихъ государевыхъ дѣлъ, можетъ быть разсматриваема, какъ естественное слѣдствіе безапелляціоннаго вотчиннаго суда и управленія. Но прошла о вотчемъ судѣ, надо думать, вышли изъ употребленія. Это измѣненіе, по всей вѣроятности, произошло не въ силу какого либо общаго указа, а было естественнымъ слѣдствіемъ сосредоточія судны

пошлинъ въ государевой казнѣ. Какъ скоро судьи перестали дѣлиться прибыткомъ, а весь доходъ съ суда должны были записывать въ книги и сдавать государевымъ казначеямъ, то, вмѣстѣ съ этимъ отпало и одно изъ важнѣйшихъ побужденій для вотчинныхъ судей судить вмѣстѣ съ намѣстникомъ

Только что разсмотрѣнныя привилегіи вольныхъ слугъ возникаютъ каждый разъ въ силу особой жалованной грамоты на имя служилаго человѣка или его жены, вдовы и дѣтей. Заключая въ себѣ отказъ князя отъ принадлежащихъ ему правъ, привилегіи эти могутъ быть раздаваемы только въ предѣлахъ территоріи, на которую распространяется власть князя. Въ княжескихъ договорахъ, поэтому, встрѣчаемъ такое условіе: „а грамотъ тебѣ въ моемъ удѣлѣ не давать," т.е. не давать жалованныхъ грамотъ на льготы. Это право мѣстнаго князя, а не его друга и союзника.

Пожалованіе правъ вотчиннаго суда и управленія установляетъ и нѣкоторую зависимость вольнаго слуги отъ мѣстнаго князя; слуга могъ отъѣхать, вотчина оставалась за нимъ, но льготы отпадали. Привилегія связываетъ свободу.

Могло ли лицо, пожалованное судомъ и льготами, передавать свои привилегіи другимъ лицамъ? Надо думать, что могло. Владѣлецъ не былъ обязанъ производить судъ лично, онъ могъ передать это право, кому желалъ, объ этомъ прямо говорится въ жалованныхъ грамотахъ; могъ онъ, конечно, подарить назначенному имъ судьѣ и пошлины съ суда и другіе льготы. Въ 1512 г. бывшій казанскій

царь, Абдыль-Летифъ, пожалованный Каширой, освобождаетъ отъ своего суда и отъ всякихъ доходовъ въ свою пользу каширскія деревни Троицко-Песоцкаго монастыря. Такая передача могла произойти и путемъ отчужденія привилегированной земли. Въ 1450 г. Митрополитъ Іона продалъ Андрею Іоанасьевичу свою пуст[illegible] и предоставилъ ему въ ней право суда (А. Э. I, №45, 154.)

4) Лично вольные слуги пользовались привилегированной подсудностью. Они судились самимъ княземъ или приближеннымъ къ нему боярином ("введеннымъ"), а не мѣстными судьями. Это предоставляется имъ всѣми дошедшими до насъ грамотами. Въ этомъ смыслѣ надо понимать и приведенную выше статью царскаго судебника, т. е. намѣстники судятъ дѣтей боярскихъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которымъ дана жалованными грамотами привилегированная подсудность.

5) За особыя заслуги служилые люди жалуются кормленіями. Кормленіе есть государственная должность по общему или спеціальному управленію, но нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ мы понимаемъ теперь слово должность. Характерная особенность старыхъ должностей состояла въ томъ, что кормленщикъ не только судилъ и управлялъ, но и за свой счетъ получалъ пошлины отъ суда и другіе княжескіе доходы. Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ отказомъ князей отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу вольныхъ служилыхъ людей. Большую, значитъ они составляли силу, если московскіе кня-

зья должны были на кормлѣ чему дѣлиться съ ними своею властью. Что пріобрѣтали московскіе государи отъ удѣльныхъ князей, то передавали кормленщикамъ. Отъ этой перемѣны центральная московская власть все это была въ выигрышѣ: кормленщикъ управлялъ на именѣ, онъ - представитель государственнаго единства.

Къ кормленіямъ по общему управленію относятся должности намѣстниковъ и волостелей, по спеціальному - пути (т.е. управленіе разными доходными статьями дворцоваго вѣдомства) и сборы торговыхъ пошлинъ и разныхъ другихъ доходовъ.

Пріѣзжая на должность кормленщикъ получалъ „доходный" списокъ съ книгъ, какъ имъ кормы и всякія пошлины собирать" (Д. къ А. Ю. I № 53). Эти доходы всегда почти были опредѣлены въ грамотахъ, которыя давались (управляемымъ и въ наказныхъ спискахъ) самимъ правителямъ (А. Ю. I № 161, 1 и всѣ уставныя грамоты.) Не нужно, однако, думать, что кормленщики получали всѣ мѣстные доходы за свой счетъ. Бывали случаи предоставленія имъ только части доходовъ, напримѣръ половины; другая половина шла князю. Такое начало принято, какъ общее правило, для всего удѣла вел. князя Семена Ивановича, отказаннаго имъ женѣ

Система кормленій сползла стара, какъ стары бояре и вольные слуги. Княжескіе договоры и духовныя XIV в. говорятъ о ней, какъ объ общеизвѣстномъ учрежденіи. Не можетъ, поэтому, возбуждать какого либо сомнѣнія обращеніе къ

бояранъ, приписываемое лѣтописцемъ умирающему Дмитрію Донскому: „съ вами царствовалъ говоритъ онъ имъ, и землю Русскую держалъ и мужествовалъ съ вами на многія страны, враги покорилъ, княженіе укрѣпилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, подъ вами грады держалъ и великія волжти, вы же не назывались у меня боляре, но князи земли моей." (IV, 352.)

До насъ дошли и самыя грамоты, которыми жаловались кормленія. Они отъ позднѣйшаго времени. Древнѣйшая написана 28 августа 1425 г. Она дана вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ Ивану Григорьевичу Расу, прозвищемъ Ивашъ Протасьеву, и сыну его Конону Ивановичу. Эти лица за ихъ выѣздъ къ вел. князю пожалованы волостью Лузою въ кормленіе. Усердною службою старшей линіи московскаго дома, отличались, по всей вѣроятности, и другіе Протасьевы. Въ 1508 г. Протасій Акинфовичъ Протасьевъ пожалованъ торговыми пошлинами въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ, а въ 1555 г. царь Иванъ Васильевичъ жалуетъ сына его, Протасія, волостью Лузою въ кормленіе. Изъ той же грамоты видно, что кормленщикомъ въ Лузѣ былъ и отецъ Протасія (А. Ю. № 161.) Можно думать что въ Лузу съ 1425 г. по вторую половину XVI в. на кормленіи сидѣли постоянно члены рода Протасьевыхъ, но всякій разъ по особому назначенію государя.

Бывали, однако, случаи пожалованія кормленій съ потомствомъ. Такъ пошлинами мы из-

вѣсти о пожаловании князю Ѳедору Ивановичу Бѣльскому города Луха съ волостями и пр. Вел. кн. Иванъ Васильевичъ говоритъ, что онъ далъ Бѣльскому Лухъ и пр. въ вотчину; а затѣмъ прибавляетъ: „а отъѣдетъ князь Бѣльскій, или его дѣти, отъ моего сына Василія, и у него вотчина сыну моему, кн. Василію." (Р. С. I, № 144.) Городъ Лухъ съ волостями не составлялъ частной собственности вел. князя, и Бѣльскому пожаловано не собственность, а кормленіе, но съ наслѣдственнымъ потомствомъ, что и выражено въ словѣ „въ вотчину," т. е. съ дѣтьми. Эта вотчина, само собой разумѣется условная, пока самъ Бѣльскій и дѣти его будутъ служить вел. кн. Василію.

Система кормленій предполагается и обоими судебниками. Поэтому памятниками, кормленія даются, какъ боярамъ, такъ и дѣтямъ боярскимъ, но не дворянамъ. Объ нихъ умалчиваютъ оба судебника. Ясный знакъ, что это-отличіе, жалуемое, по общему правилу, лучшимъ людямъ, а не княжеской дворнѣ.* Общераспространенность этой системы засвидѣтельствована и лѣтописцемъ въ извѣстіи подъ 1556 годомъ. „А по се время, говоритъ онъ, бояре и кня-

---

* Та же точка зрѣнія и въ XIV вѣкѣ. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ, читаемъ: „А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ, на большихъ и на путныхъ, тогда ти взяти на своихъ такоже по кормленью и по пути." Кормленіе у большихъ людей, а не у дворовыхъ.

зи и дьяки боярскія сидѣли по кормленіямъ, по городамъ и по волостямъ, для расправы людямъ и всякаго устроенія земляномъ и себѣ отъ службъ для покоя и прокормленія."... Характерное свидѣтельство: кормленіе есть покой отъ службы, т. е. отъ военной; дается оно, слѣдовательно, въ награду за военные труды. Такое опредѣляющее значеніе военной службы очень понятно въ государствѣ, которое вело постоянные войны и съ русскими князьями и съ Татарами, и съ Литвой. Этотъ порядокъ вещей удержанъ Иваномъ Грознымъ и послѣ 1556 года: „бояре тѣ же и вельможе и всѣхъ воиновъ, говоритъ о немъ тотъ же лѣтописецъ, устроилъ кормленіемъ, праведными уроки." Изъ разсказа лѣтописца надо заключить, что въ это время, вслѣдствіе злоупотребленій кормленщиковъ, произошло новое общее распредѣленіе кормленій.*

Награда кормленіями выдѣляетъ заслужен-

---

* Р. Л. VII, 259, 261.) Именно отъ этого времени (1555-6 годы), конечно, случайно, къ намъ дошло сравнительно много отдѣльныхъ извѣстій о кормленіяхъ: пять за два года. Въ 1555 г. Протасьевъ назначенъ въ Лузу, подъ отцемъ своимъ, а Юрюковъ Ѳедоръ Васильевъ получилъ въ кормленіе должность ясельничаго. Въ слѣдующемъ году Григорій Ивановичъ Дмитріевъ выдалъ конюшій путь, Матюшѣ Мунгорину Клуденеву дана половина ямскаго, а кн. Михаилу Васильевичу Глинскому - половина намѣстничаго дохода, всѣ въ Новгородъ. (Д. къ А. И. I № 53, 105, 108, 109.)

ныхъ вольныхъ слугъ въ особую группу. Для нихъ существуютъ нѣкоторыя спеціальныя правила, вызываемыя особенностью ихъ положенія.

Имѣя опредѣленныя должности, они, какъ-ся, не были обязаны выступать въ походъ наряду съ другими боярами и слугами вольными. Въ договорахъ вел. кн. Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякой (1436 г.) говорится, что служилые люди выступаютъ съ воеводою своего князя, кромѣ путныхъ бояръ (т. е. получившихъ путь въ кормленіе.). „Путные бояре" можетъ означать здѣсь кормленщиковъ вообще. (Въ Р. С. I, № 33 выраженіе „путные бояре" именно употреблено вмѣсто кормленщиковъ вообще). Такая же оговорка о путныхъ боярахъ дѣлается въ договорахъ и по отношенію къ городской осадѣ. Она объясняется тѣмъ, что путные бояре, какъ и кормленщики вообще, должны были находиться въ мѣстахъ ихъ службы, а потому для нихъ не было обязательно садиться въ осаду по мѣсту положенія ихъ недвижимостей.

Путные бояре и кормленщики платятъ дани сообразно съ доходами со своихъ путей и кормленій. Но можно думать, что къ платежу дани привлекаются они только въ крайнихъ случаяхъ. Въ договорахъ говорится объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „а коли имъ взяти дань на своихъ боярехъ.... на путныхъ, тогда имъ взяти на своихъ такоже." (Р. С. I № 33). Это, надо думать, не обыкновенная дань, а чрезвычайная.

Кормленщики могутъ отъѣзжать съ кормленій, какъ и всѣ вольные слуги, но изъ такого отъѣзда возникаютъ весьма важныя затрудненія. Вмѣстѣ съ кормленщикомъ выѣзжаетъ и весь штатъ назначенныхъ имъ, изъ своихъ дворовыхъ слугъ, судныхъ и правительственныхъ органовъ и сразу прекращается дальнѣйшее теченіе всѣхъ начатыхъ дѣлъ. А за совершенныя ужѣ дѣйствія могли быть взяты пѣшцами и доводчиками кормленщика причитающіяся имъ пошлины. Напримѣръ, отвѣтчикъ могъ быть вызванъ въ судъ, по немъ взяты поруки, или онъ, если поручителей не нашлось, закованъ въ железа, и за всѣ эти дѣйствія получены ужѣ пошлины: въздъ, кованое, железное. Но такъ какъ, за отъѣздомъ кормленщика дальнѣйшее теченіе дѣла прекратилось, то новому кормленщику придется вновь вызывать въ судъ и пр., а органамъ его брать новыя пошлины за дѣйствія ужѣ оплаченныя. Кромѣ того, мы ужѣ знаемъ, что кормленщики не всѣ доходы получали за свой счетъ, а дѣлились иногда съ княземъ. Разсчеты по этому дѣлежу въ минуту отъѣзда также могли быть незавершены. Наконецъ, на кормленщика могли быть предъявлены иски по злоупотребленію должностью. Отъѣздъ кормленщика могъ возбудить, такимъ образомъ, массу затрудненій. Относительно этого-то крайне сложнаго вопроса и встрѣчаемъ въ княжескихъ договорахъ такое опредѣленіе: „а которой боярин поѣдетъ изъ кормленія...,

а службы не отслуживъ, тому дати кормленіе по исправѣ, а либо службу отслужити ему" (Р. С. I № 27.) По этой статьѣ кормленщикъ все таки можетъ отъѣхать, не смотря ни на какія затрудненія, но князь-сюзникъ обязывается дать ему у себя кормленіе не иначе, какъ по исправѣ, т. е. по удовлетвореніи всѣхъ возникшихъ изъ отъѣзда законныхъ требованій. Кормленщику предоставляется такимъ образомъ на выборъ: или отслужить службу, т. е. довести до конца начатыя дѣла, отвѣтить на жалобы, если онѣ представлены, и пр., или удовлетворить деньгами понесшихъ убытки отъ его отъѣзда

Система кормленія, составляющая такое необходимое дополненіе вольной службы, не была отмѣнена даже Иваномъ Грознымъ. Въ его царствованіе она потерпѣла только нѣкоторыя ограниченія въ объемѣ дѣлъ, подлежащихъ веденію кормленщиковъ, въ количествѣ поступавшихъ въ ихъ пользу судебныхъ издержекъ, а всего болѣе въ учрежденіи излюбленныхъ судовъ

Подъ ограниченіемъ объема дѣлъ мы разумѣемъ изъятіе изъ вѣдомства кормленщиковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, губныхъ дѣлъ и предоставленіе ихъ вѣдомству даровыхъ выборныхъ земскихъ органовъ.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 1539 г., когда Грозному было всего 9 лѣтъ, слѣдовательно, онъ совершенно не имѣлъ, а боярскимъ правительствомъ. Въ этомъ году даны были по челобитью мѣстныхъ жителей, двѣ первыя изъ дошедшихъ до насъ

губныхъ грамотъ. Слѣдующія такія грамоты относятся къ 1540 и 1541 г. Примѣръ, данный боярами, нашолъ потомъ подражателя и въ самомъ царѣ.

Но, кромѣ губныхъ дѣлъ, Иванъ Грозный предоставлялъ иногда и весь мѣстный судъ и управленіе выборнымъ органамъ. Древнѣйшая изъ такихъ грамотъ относится къ 1552 г. Дана она жителямъ Важскаго уѣзда, также по ихъ челобитью, въ которомъ они заявляли, что у нихъ въ посадахъ многіе дворы, а въ уѣздѣ многіе деревни запустѣли отъ прежнихъ важскихъ намѣстниковъ и ихъ лихихъ людей, отъ татей, разбойниковъ и пр., и что имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить немочно, а потому, просили пожаловать ихъ: намѣстника отставить и дозволить имъ для суда и управы выбрать изъ своей среды лучшихъ людей, а за намѣстничій доходъ платить въ казну оброкомъ - 1500 р. Царь согласился и пожаловалъ все, о чемъ его просили.

И та и другая мѣра имѣли значеніе исключенія, а не общаго правила и вовсе не была направлена противъ системы кормленій въ принципѣ. Выборные органы управленія возникаютъ только тамъ, гдѣ объ этомъ просятъ мѣстные жители. Но губные органы вовсе не исключаютъ кормленщиковъ, а только берутъ изъ области ихъ вѣдомства нѣкоторыя дѣла; всѣ остальныя по прежнему остаются въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей. Посылать же кормленщиковъ въ такія раззоренныя мѣстности, какою оказался

Вазский уѣздъ, не соотвѣтствовалъ цѣли учрежденія кормленій. Если бы въ Вагу и былъ посланъ кормленщикъ, онъ, конечно, самъ сталъ бы просить о переводѣ его въ другое мѣсто, гдѣ можно прокормиться, что и дѣйствительно случалось. Наконецъ, четыре года спустя послѣ выдачи вазской грамоты, Иванъ Грозный, какъ мы указали уже, вновь устроилъ своихъ воиновъ праведными кормленіями. Система кормленій никакъ слишкомъ глубокіе корни въ вольной службѣ, что-бы ею можно было такъ легко поступиться.*

---

* Въ двухъ дошедшихъ до насъ отъ 1555 уставныхъ грамотахъ (А. Э. I, № 242 и 243) объ отмѣнѣ намѣстниковъ и волостелей говорится, какъ объ общемъ правилѣ: „и мы (т. е. царь) жалуючи крестьянство, для ихъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей и правителей отъ городовъ и волостей отставили." Это выраженіе едва ли слѣдуетъ понимать буквально. Выше были уже приведены свидѣтельства источниковъ о назначеніи кормленій не только въ 1555, но и въ 1556 г. Указанія на намѣстниковъ и волостелей весьма не рѣдки въ актахъ второй половины XVI в. См. А. Э. I, № 245, 250, 277, 300, 306, 324, 330, т. II № 53, т. III, № 37. Хотя Иванъ Грозный и не отмѣнилъ кормленщиковъ, но несомнѣнно, что во второй половинѣ XVI в. они во многихъ мѣстахъ были замѣнены выборными органами: цѣловальными судьями и губными старостами. При этой замѣнѣ доходы кормленщиковъ не были отмѣнены,

Сокращеніе судныхъ доходовъ кормленщиковъ также было сдѣлано въ царствованіе Грознаго, хотя мы и не знаемъ, кому приписать эту мѣру: самому царю или его совѣтникамъ первой и лучшей половины царствованія. Это сокращеніе находимъ въ царскомъ судебникѣ, по которому наивысшій размѣръ пошлины опредѣленъ въ гривну съ рубля, а прежде онъ доходилъ до стоимости иска, т. е. судья получалъ съ виноватаго столько же, сколько и истецъ, выигравшій свой искъ.

Система кормленій существуетъ еще и въ XVII в., хотя, конечно, только въ видѣ исключенія; въ XVII

а переведены въ оброкъ, который шелъ въ государеву казну, для раздачи тѣмъ же служилымъ людямъ, хотя и на иныхъ основаніяхъ. Р. Л. VII, 262. Эта важная реформа чрезвычайно наивно мотивирована въ двухъ вышеприведенныхъ уставныхъ грамотахъ. Иванъ Грозный предоставилъ крестьянамъ выдаться своими выборными судьями, чтобы избавиться отъ безпрестанной докуки, причиняемой ему челобитьями крестьянъ и кормленщиковъ. Крестьяне жаловались на намѣстниковъ и волостелей, что они сверхъ государева указа чинятъ имъ великіе убытки и продажи; намѣстники же и волостели жаловались на крестьянъ, что они имъ подъ судъ не даются. Эти жалобы наскучили царю. Вмѣсто того, чтобы разбирать ихъ и каждому воздавать по дѣламъ его, а тѣмъ поддерзкать и утвердить уваженіе къ порядку, онъ

в., нѣтъ уже болѣе вольныхъ слугъ, всѣ служатъ невольно. Въ 1645 г. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, братъ умершей царицы Евдокіи, пожалованъ былъ въ должность крайчаго съ путемъ и „городъ Горофовецъ ему данъ." Такъ записано въ Дворцовыхъ Разрядахъ (III, 15.) Городъ ему данъ, конечно, въ кормленіе. Назначеніе на должность воеводы записывалось въ книгахъ иначе, и Стрѣшневъ въ тотъ же году былъ воеводою, только не въ Горофовцѣ, а во Мценскѣ. Въ 1611 г. кн. Капулатъ Мурза Черкасскій пожалованъ за службы дѣда, дяди и отца городомъ Терскомъ съ судомъ; а прежде этотъ городъ на тѣхъ же правахъ послѣдовательно былъ предоставляемъ его дѣду, дядѣ и отцу. Въ 1678 г. пожалованы ему изъ таможенныя пошлины за службу противъ турокъ и крымскихъ татаръ. (Р. С. IV № 22 и 114)

Наконецъ, въ 6) князья усаживаютъ служилыхъ людямъ деревни и села. Это способъ наградъ сравнительно позднѣйшій. Что бы раздавать села и деревни, надо самому имѣть ихъ въ избыткѣ.

отозвать назначенныхъ ими мѣстныхъ правителей и предоставить крестьянамъ замѣнить ихъ выборными. Реформа, введенная для того только, что бы избавиться отъ докуки, конечно, не могла быть проводима послѣдовательно московскимъ правительствомъ. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ кормленщики были отмѣнены при Грозномъ, они снова появились въ смутное время (См. А. Э. III № 126.

Древнѣйшій случай такихъ пожалованій сохранился отъ времени Калиты. Но въ его завѣщаніи упоминается всего только одинъ Бориска Ворровъ, которому князь далъ свою куплю въ Ростовѣ, село Богородицкое. Другихъ, пожалованныхъ княжескими селами и деревнями въ это время не было, иначе Иванъ Калита забылъ бы упомянуть о нихъ. Вторая четверть XIV в. есть время перваго возникновенія этого способа пожалованій. Но онъ быстро развивается вмѣстѣ съ быстрымъ увеличеніемъ частной собственности московскихъ великихъ князей. Въ завѣщаніи Василія Васильевича встрѣчаемъ уже общее упоминаніе о князьяхъ, боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, которымъ онъ далъ свои села въ кормленіе. При сынѣ его, Иванѣ Васильевичѣ, это уже цѣлая система, къ осуществленію которой, и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ стремится этотъ великій князь. По покореніи Новгорода, онъ требуетъ, что-бы ему дали волости и села, „понеже намъ, великимъ княземъ, государство свое держати на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, безъ того нельзя," т. е. нельзя господствовать въ Новгородѣ, если не будетъ у насъ земель для раздачи служилымъ людямъ. Въ это время было произведено, по государеву указу, помѣщеніе на вновь пріобрѣтенныя земляхъ даже такихъ служилыхъ людей, которые состояли въ боярскихъ дворахъ и ничего своего не имѣли (Кар. IV, пр. 201). Этотъ фактъ помѣщенія на землю ничего не имѣвшихъ служилыхъ людей и дѣтей, надо думать, нашелъ основаніе особое

формы служилого владѣнія, — помѣстья.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ власть московскихъ государей, поддерживаемая служилыми людьми, стала прочно, князья московскіе начали жаловать не только свои земли, но и земли черныхъ людей.

На какомъ правѣ дѣлались эти пожалованія? Права эти не были одинаковы; съ теченіемъ времени они измѣнялись. Первоначально пожалованіе дается условно, т. е. даръ остается за пожалованнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ служить князю, отъ котораго получилъ пожалованіе, или тому изъ его наслѣдниковъ, котораго князь укажетъ.

Это условіе прямо обозначается въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о пожалованіяхъ. Оно и совершенно понятно. Не могли же князья раздавать земли безусловно при существованіи права отъѣзда. Но по мѣрѣ того, какъ отъѣздъ выходитъ изъ употребленія, начинаютъ встрѣчаться безусловныя пожалованія и пожалованія съ предоставленіемъ права отчужденія. Такія пожалованія въ вотчину не старше XVI в. и далеко не вытѣснили пожалованій условныхъ *

---

* Неволинъ (IV, 172) думаетъ, что пожалованія въ вотчину дѣлаются уже съ XIV в. Это едва ли. Въ доказательство онъ приводитъ пожалованіе Родіону Несторовичу половины Волока Ламскаго „въ вотчину" и нѣсколько случаевъ изъ княжескихъ договоровъ о пожалованіяхъ князей Рюриковы-

Во всемъ остальномъ права, предоставляемыя условнымъ владѣльцамъ, совершенно совпадали съ правами, жалуемыми вотчинникамъ. Условные владѣльцы имѣютъ одинаковое съ вотчинниками право суда и льготы отъ повинностей; сами они судятся передъ вел. княземъ или близкимъ ему человѣкомъ.*

чей. Назначеніе Несторовичу части Волока есть, конечно, пожалованіе въ кормленіе, а не въ собственность; слово въ „вотчину" означаетъ здѣсь наслѣдственное кормленіе, какъ и въ вышеприведенномъ случаѣ съ княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ. Назначеніе же вотчинъ князьянъ Рюриковичамъ не составляетъ доказательства, такъ какъ вытекаетъ изъ особенныхъ отношеній владѣтельныхъ князей. Княжескія вотчины принадлежали князьямъ на особомъ, а не на общемъ вотчинномъ правѣ. Въ случаѣ отъѣзда, князья теряли свои вотчины; были установлены и другія различія въ правѣ распоряженія и наслѣдованія. (Въ виду этихъ особенностей въ положеніи служилыхъ князей, мы и не нашли умѣстнымъ о нихъ въ настоящей статьѣ.)

* Приводимъ имена древнѣйшихъ помѣщиковъ: первый о которомъ упоминаетъ духовная Калиты, — Бориско Ворковъ, 1340; затѣмъ до конца XV в. мы не замѣтили въ памятникахъ ни одного имени; съ этого же времени идутъ: Шенкурины Микитка да Юрко и Микиткинъ сынъ Остапъ, 1488; Елизневъ Андрей, за нимъ было помѣстье,

Въ концѣ XV в. возникаютъ очень сложныя поземельныя отношенія между великимъ и удѣльными княженіями. Великіе князья московскіе весьма нерѣдко должны были выдѣлять удѣльнымъ части изъ своихъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ городскихъ

переданное въ 1505 г. Бороздину Борису Захарьичу; Третьяковъ Курбатко, 1507, Мирославичъ Дмитрій Ивановъ 1515, ему предоставлено и право отчужденія; Алексѣевъ Василій Тимоѳеевъ пожалованъ въ 1516 году черными деревнями въ вотчину; Лукины Степанка, Осифька, Володька, Ѳедоровы дѣти, Ромашк. Фроловъ, 1517; Матюшкины Иванъ, Пѣшекъ и еще Иванъ; Ивановы дѣти, получили прибавокъ къ старому помѣстью въ 1544 г.; Жедринскій Гриша Ивановъ пожалованъ помѣстьемъ въ 1546 г. Всѣмъ имъ предоставлено право суда и нѣкоторыя льготы (Р. Ист. Сб. V, 15, А. Э. I № 141, 160, 162, 163; Д. къ А. И. I № 36; А. до Ю. Б. I № 44; Ѳед. Чех. № 49). Съ 1572 по 1687 имѣемъ грамоты новогородскихъ владыкъ о пожалованіи помѣстій съ правомъ суда и управленія десяти лицамъ; отъ 1600 г. грамоту суздальскаго архіепископа и двѣ — патріарха всея Руси отъ 1628 и 1631 — о томъ же (А. И. I № 183, 185-6, 190, 196, 201, II № 87, 281, 330; А. Э. II № 32, т. № 174, 192; А до Ю. Б. I № 44) По извѣстію Разр. кн. Бекетова въ 1488 г. или около помѣщены въ Вотской пятинѣ слѣдующіе боярскіе послужильцы: Янышевы, Барановы, Тыртовы, Постельниковы, К. ментьевы, Чепуюговы, Печенѣговы, Хомутовы, Сараевы, Теткины, Зеленины, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы, Шедрюнены, Быковы, Лан-

уѣздахъ и въ волостяхъ, которые они давали имъ, не мало земель находилось уже въ раздачѣ служилымъ людямъ вел. князей. Эти земли великіе князья удерживали за собою. Права удѣльныхъ не простирались, такимъ образомъ, на всю выдѣленную въ ихъ пользу территорію. Вмѣстѣ съ этимъ, пожалованные землями вольные слуги продолжали оставаться подданными и слугами великаго князя, хотя земли ихъ и находились въ предѣлахъ удѣльнаго владѣнія. Приведемъ одинъ примѣръ такихъ черезполосныхъ поземельныхъ отношеній, являющихся въ рукахъ московскихъ государей, новымъ средствомъ ослабленія удѣльныхъ князей.

Вел. кн. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ брату своему, Андрею, Можайскъ съ волостями и селами съ судомъ и данью „опрочь тѣхъ селъ и деревень, которыя онъ роздалъ боярамъ и дѣтямъ бо-

---

кины, Пестриковы, Нефедьевы, Щербинины Редровы, Мустофины, Татьянины, Нестеровы, Нороватые, Нелединскіе, Шляковы, Обрамовы, Тарузины, Базаровы, Авсѣевы, Гулдовы, Назимовы, Бѣлосельскіе, Одинцовы, Рындины, Чернышевы, Саблуковы Колокольцевы, Савины, Мещениновы, Муравьевы, Некрасовы (Кар. VI, пр. 201.) Краткая записка въ Разр. книгѣ ничего не говоритъ о правахъ этихъ лицъ; но мы не видимъ причины, почему бы слѣдовало думать, что имъ предоставлено было менѣе правъ, чѣмъ Микиткѣ съ Юркой Шенуринымъ Курбаткѣ Третьякову и инымъ.

ярскимъ." (Р. С. I, 106). Села, розданныя служилымъ людямъ, были, значитъ, исключены изъ состава, пожалованнаго Андрею удѣла, и не принадлежитъ въ этихъ селахъ и правo суда и дани, потому, конечно, что судъ и дань пожалованы вмѣстѣ съ деревнями служилыхъ людямъ. Но кому же принадлежитъ въ этихъ селахъ и деревняхъ судъ, оставляемый, обыкновенно, за княземъ. (въ душегубствѣ и пр.), и дани, не пожалованныя служилымъ людямъ и кому подсудны сами эти бояре и дѣти боярскія? Надо думать, великому князю, а не Андрею Тольшому; иначе было бы сказано: а тѣ земли выдаетъ судомъ кн. Андрей. Иванъ Васильевичъ сохраняетъ, такимъ образомъ, непосредственныя отношенія съ привилегированнымъ населеніемъ уѣзда, которыя онъ дарилъ брату. Власть его должна тамъ чувствоваться въ сильной степени. Подарокъ шелъ не отъ полнаго сердца.

Нуждаясь въ объясненіи одно выраженіе духовной Василія Васильевича, въ которой читаемъ: „А кому буду давать своимъ княземъ и боярамъ и дѣтямъ боярскимъ свои села въ жалованье или хотя и въ куплю кому дамъ, или тѣ мои села моимъ дѣтямъ, въ чемъ удѣлъ будутъ, имъ по тому и есть." Не только то, что вел. кн. пожаловалъ, но и то, что онъ продалъ, — отдавая дѣтямъ его. Что же это значитъ? Села отдаются дѣтямъ вел. кн. въ государственномъ, а не въ частно-гражданскомъ смыслѣ. Эти пожалованія и купли входятъ въ составъ удѣловъ, въ границахъ которыхъ на-

ходятся, и, слѣдовательно, мѣстному князю принадлежать въ нихъ судъ и дань въ предѣлахъ само собою разумѣется, жалованныя грамоты.

Вел. кн. Иванъ Васильевичъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ лучшій истолкователь мыслей своего отца. Въ его же духовной читаемъ: „А что сели давалъ свои села боярамъ своимъ и князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и грамоты свои жалованныя имъ подавалъ на тѣ села прочно имъ и ихъ дѣтямъ, или кому буду въ куплю далъ свои грамоты; и въ тѣ села сынъ мой Василій и мои дѣти не вступаются."

Признаніе принципа неприкосновенности условнаго владѣнія (пока соблюдается условіе) точно такимъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ и неприкосновенность владѣнія вотчинами.

Изъ сказаннаго должна быть ясна древнѣйшая конституція русскаго боярства, которою пользуются вольные слуги московскіе и иные князей въ самую горячую пору объединенія Московскаго государства, въ XIII, XIV и XV вѣкахъ; она дѣйствуетъ еще и въ XVI вѣкѣ, – въ первой его половинѣ, по крайней мѣрѣ.

Она представляется очень свободной, и на первый взглядъ кажется, что она вся построена въ интересахъ боярства.

Вольные слуги сами выбираютъ себѣ господина и служатъ ему, пока онъ имъ нравится. Князья, чтобы привлечь бояръ на свою сторону, должны ласкать ихъ и одарять всякими привилегіями и льготами, князья не могутъ пренебрегать ихъ совѣтами и мнѣніями. Съ давна вольные слуги являются правительственнымъ классомъ: они судятъ и управляютъ въ своихъ

вотчинахъ и жалованныхъ имъ земляхъ, они же-судьи и правители городовъ и волостей въ качествѣ кормленщиковъ. Но они не политители чужой власти. Князья сами, въ собственномъ своемъ интересѣ, дѣлятся съ ними правами. Вольные слуги никогда не были противниками княжеской формы правленія. Они все получаютъ отъ княжеской власти и всегда выигрываютъ распространеніемъ территоріи того князя, которому служатъ. Въ противоположность удѣльнымъ князьямъ, они поборники объединенія Московскаго государства.

Эта свободная, на первый взглядъ, выгодная боярамъ конституція имѣетъ и свои очень важные недостатки.

Свобода отъѣзда составляетъ краеугольный камень боярскихъ вольностей. Она была полезна не однимъ боярамъ, но и всей русской землѣ. Она была постояннымъ факторомъ объединенія нравовъ и юридическихъ обычаевъ, и препятствовала обособленію удѣльныхъ наслѣдственныхъ территорій. Но свобода перехода непримирима съ твердымъ государственнымъ порядкомъ. Она влечетъ служилыхъ людей туда, гдѣ имъ выгодно. Отечество имъ тамъ, гдѣ хорошо. При свободѣ отъѣзда, вѣрность долгу и данному слову, стойкое исполненіе принятыхъ на себя обязанностей — все это дѣло второстепенное, существенны одни матеріальныя выгоды. Измѣнить разъ принятому на себя обязательству не есть порокъ, отъѣздъ не клеймится позоромъ. Выѣзжіе всегда желанные гости и принимаются съ честью; но они въ сущности никому не крѣпки, никому не вѣрны и легко переходятъ отъ одного господина къ другому.

Въ 1394г. Борисъ Константиновичъ, которому удалось захватить Нижній-Новгородъ подъ Московскимъ вел. княземъ, узнавъ о приближеніи Василія Дмитріевича, созвалъ своихъ служилыхъ людей и сказалъ имъ: „Господіе моя и братіе, бояре и други! Попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте комнѣ цѣловали, и любовь вашу и усвоеніе къ вамъ!" Старшій изъ нихъ, Василій Румянецъ, такъ отвѣчалъ князю: „всѣ мы единомысленны къ тебѣ и готовы головы сложить за тебя."

Василій Дмитріевичъ между тѣмъ приблизился къ городу, и насталъ моментъ боярамъ и слугамъ нижегородскаго князя сложить за него свои головы. Они предпочли болѣе спокойный и выгодный для нихъ выходъ изъ столкновенія князей, — они всѣ гурьбой перешли на службу московскаго князя. Судя по рѣчи, которую произнесъ по этому поводу тотъ же Румянецъ, у нихъ и мысли не было о томъ, что они измѣняютъ своимъ обязанностямъ и совершаютъ предосудительный поступокъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута, какъ будто, сознаніемъ права измѣнить: „господине княже, сказалъ онъ, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отъ нынѣ не твои и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы." Нижегородскіе бояре не украдкой перебѣгаютъ къ противнику своего господина, они дѣлаютъ это на глазахъ у всѣхъ и сами торжественно заявляютъ князю о своей измѣнѣ.

Въ 1433г. Юрій Дмитріевичъ Галицкій напалъ внезапно, на крестномъ цѣлованіи, на племянника своего, вел. кн. московскаго, Василія Васильевича. Не имѣя времени собрать своихъ служилыхъ людей, вел. кн.

московскій встрѣтилъ противника съ малыми силами и былъ разбитъ. Служилые люди Василія Васильевича отнеслись къ пораженію своего князя совершенно равнодушно: они не поспѣшили собраться и выступить на его защиту при вѣсти о его пораженіи. Оставленный всѣми, онъ заключилъ съ дядею крайне невыгодный миръ, отказавшись отъ вел. княженія въ пользу Юрія, который оставилъ за племянникомъ одну Коломну. Юрій сѣлъ въ Москвѣ на великомъ княженіи. Слуги Василія, для сохраненія своихъ привилегій, „приказались" на службу вел. князю.

Но какъ они легко измѣнили Василію, такъ же легко измѣнили и Юрію. Въ тотъ же годъ, „многіе люди, говоритъ лѣтописецъ, начала отказываться отъ князя Юрія за вел. кн. (т. е. за Василія Васильевича) и поѣдоша въ Коломну безъ перестани, а ему то видяще." (Лѣт. VIII, 97) Договоръ Юрія съ Василіемъ, по которому Юрій пріобрѣлъ великое княженіе, не сохранился, но въ немъ, конечно, вольнымъ слугамъ была предоставлена воля. Этимъ правомъ они и воспользовались, переходя къ Василію. Они дѣлаютъ это явно на глазахъ Юрія, передъ которымъ отказываются отъ службы ему, т. е. слагаютъ съ себя только что принесенную клятву.

Этотъ мирный переходъ имѣлъ послѣдствіемъ возвращеніе Василію вел. княженія. Никакого княженія нельзя было держать безъ вольныхъ слугъ, а слуги уходятъ отъ Юрія; при немъ осталось всего пятьчеловѣкъ (А. И. I № 40). Видя, что великое княженіе ему не прочно, Юрій послалъ за племянникомъ въ Коломну и самъ предложилъ ему возвратиться въ Москву.

Василій удержался на великомъ княженіи благодаря вольнымъ слугамъ, но какъ это было достигнуто. Двукратнымъ отказомъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязательствъ и двукратнымъ нарушеніемъ присяги. Въ матеріальномъ отношеніи, услуга Василію ровно ничего не стоила его вольнымъ слугамъ: они не грамили ни одной капли крови и ни на минуту не потеряли ни одной изъ своихъ льготъ. А престолы князей въ это время падали и вновь созидались.

Вольные слуги-люди расчетливые; они знаютъ цѣну и мѣру служебному своему усердію и достигаютъ своихъ цѣлей съ наименьшими пожертвованіями.

Мы приводимъ не исключительные случаи; это обыкновенный, нормальный порядокъ вещей.

Въ февралѣ 1446 г. тотъ же вел. кн. московскій Василій Васильевичъ, находясь въ мирѣ и крестномъ цѣлованіи со всѣми сосѣдними князьями, предпринялъ поѣздку къ Сергію-Троицѣ, съ малыми числомъ людьми, не имѣя иныхъ намѣреній, какъ только поклониться Живоначальной Троицѣ и мощамъ преподобнаго Сергія, да „накормити сущую тамо братію великія тоя лавры." Этимъ воспользовались соперники князя, Дмитрій Шемяка и Иванъ Можайскій. Не смотря на крестное цѣлованіе съ Василіемъ, они врасплохъ захватили Москву, взяли въ плѣнъ великую княгиню, Софью и Марью, и бояръ, находившихся въ Москвѣ, и ограбили казну вел. князя и всѣхъ захваченныхъ ими въ плѣнъ. Это случилось 12 февраля. Въ ночь на 13-е Шемяка послалъ Можайскаго князя къ Троицѣ захватить Василія Васильевича. Этотъ злодѣйническое предпріятіе хорошо удалось. Поутру 15-го во время обѣдни, великаго князя предупредилъ о погонѣ

на него служилый человѣкъ Бунко. Но Вас. Васильевичъ не повѣрилъ ему. Да и, дѣйствительно, Бунку трудно было вѣрить. Это была какая то перелетная сумка: онъ служилъ прежде Василію, затѣмъ отъѣхалъ къ Шемякѣ и, незадолго до описываемыхъ событій, опять вернулся къ Василію. „Смущаютъ насъ эти перелетныя птицы," сказалъ Василій и велѣлъ выбить Бунку изъ монастыря. Вѣсть, принесенная Бункой, оказалось, однако, совершенно справедливой. Вел. князь, не принявшій достаточныхъ мѣръ предосторожности, былъ схваченъ и въ ночь съ 14го на 15-е привезенъ въ Москву „въ голыхъ саняхъ" и заключенъ въ дворѣ Шемяки. Въ ночь съ 16-го на 17-е его ослѣпили и выслали на Углич-Поле.

Для низверженія, ослѣпленія и ссылки вел. кн. потребовалось цѣлыхъ пять сутокъ. Гдѣ же въ это время были его вѣрные слуги. Бояре, оставшіеся въ Москвѣ, были перехватаны, такіе же были лишены свободы и тѣ немногіе слуги, которые сопровождали князя къ Троицѣ. А остальные.[2] Въ пять дней можно было бы собраться и попытаться спасти Василія. Они этого не сдѣлали не въ первые пять дней ни сейчасъ послѣ высылки Василія. Совершенно наоборотъ, они всѣ поспѣшили перейти на службу къ Дмитрію Шемякѣ.

Вотъ разсказъ лѣтописца: „Слышавъ же то, (т.е. пѣленіе, ослѣпленіе и высылку Василія), кн. Василій Ярославичъ (серпуховскій удѣльный князь и сотникъ Вас. Вас.) побѣже въ Литву да князь (служилый) Семенъ Ивановичъ Оболенскій съ нимъ. А прочіе дѣти боярскіе и всѣ людіе биша челомъ служити кн. Дмитрію, и приведе ихъ къ крестному цѣлованію всѣхъ (Лѣт. VIII, 117).

Но нашелся въ Москвѣ и одинъ вѣрный. То былъ Федоръ Басенокъ. Онъ не побѣжалъ, но и служить Димитрію не захотѣлъ. Счастливый похититель власти не могъ, при всеобщей покорности, потерпѣть такого сопротивленія. Онъ велѣлъ схватить Федора Басенка и заковать его въ тяжкія узы.

Федору Басенку удалось однако склонить на свою сторону пристава, у котораго онъ сидѣлъ въ заключеніи и бѣжать. Онъ направилъ путь свой сперва въ Коломну, гдѣ скрывался нѣкоторое время у пріятелей и успѣлъ подговорить въ пользу вел. кн. многихъ людей. При ихъ содѣйствіи, онъ ограбилъ Коломенскій уѣздъ и затѣмъ съ новыми своими сторонниками бѣжалъ въ Литву, гдѣ и соединился съ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. А Вас. Ярославичъ тѣмъ временемъ успѣлъ уже получить отъ Литовскаго князя "Гомель, Стародубъ, Мстиславль и иныя многія мѣста, въ вотчину." Отъ своего великаго имянія Василій Ярославичъ далъ кн. Семену Оболенскому и Федору Басенку Добрянскъ.

За что это, однако, Василій Ярославичъ получилъ такое большое жалованіе въ Литвѣ? Неужели литовскій князь наградилъ его за вѣрность московскому? Конечно, нѣтъ; онъ награжденъ за то, что поступилъ на службу къ литовскому кн.; онъ, какъ и всѣ съ нимъ бѣжавшіе, нашли себѣ новаго господина, которому и цѣловали крестъ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня низверженія и ослѣпленія вел. кн. московскаго, а всѣ его служилые люди успѣли уже устроиться: большинство у новаго великаго князя на прежнихъ мѣстахъ, немногіе вѣр-

ные - въ Литвы. Никто ничего не потерялъ, и смена династіи произошла безъ пролитія крови и безъ потрясенія существующаго порядка вещей. Потерялъ одинъ вел. кн. московскій; но онъ потерялъ все: власть, имущество, семью, свободу, зрѣніе.

Нельзя, однако, сказать, чтобы служилые люди этого несчастнаго вел. князя были совершенно равнодушны къ обстоятельствамъ его паденія. Дмитрій Шемяка и Иванъ Можайскій совершили дѣло столь гнусное и возмутительное, что не могли не возбудить противъ себя всего населенія Московскаго государства. Лѣтописецъ говоритъ: „всѣ люди негодовали о княженіи его (Дмитрія) и на самого мыслили, желая вел. кн. Василія на своемъ государствѣ видѣть." Отъ мысли до дѣла еще далеко, но негодованіе „всѣхъ" людей весьма понятно. Эти люди были осыпаны милостями вел. кн. Василія, его дѣда и отца; на сторонѣ Василія было право, неоднократно признанное и отцемъ Дмитрія, Юріемъ, и самимъ Шемякою. Дмитрій Шемяка предательски нарушилъ это право и свои собственныя обязательства. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти недовольные Дмитріемъ присягнули ему. Они хотѣли видѣть Василія на вел. княженіи, но безъ жертвъ и ни минуты не рискуя своимъ собственнымъ положеніемъ.

При этой условной преданности служилыхъ людей, Дмитрій могъ далеко и совершенно утвердиться на великомъ княженіи. Ему надо было только дѣйствовать рѣшительно и устранить соперника. Шемяка зналъ въ чемъ состоитъ опасность его положенія, но въ характерѣ его не было той

доли рѣшимости и кровожадности, которая была необходима для завершенія предпринятаго имъ дѣла.

Сыновья Вас. Васильев., Иванъ и Юрій, были на свободѣ. Въ минуту плѣненія вел. князя, они находились при немъ, но не были замѣчены Иваномъ Можайскимъ и его сообщниками. Въ ту же ночь, какъ отецъ ихъ былъ вывезенъ изъ Лавры, они бѣжали въ вотчину служилаго князя Ивана Ряполовскаго, въ его село Боярово. Кн. Ряполовскій, также оставшійся вѣрнымъ вел. князю, соединился съ братьями, собралъ своихъ людей и бѣжалъ съ дѣтьми Василія въ Муромъ, гдѣ и затворился со многими людьми.

Шемяка понималъ, какой бѣдой грозитъ ему Муромъ, но, слыша о глухомъ неудовольствіи своихъ новыхъ слугъ, не рѣшился дѣйствовать открытой силой. Онъ обратился къ посредничеству рязанскаго епископа Іоны, обѣщая ему митрополичій престолъ. Владыка согласился быть посредникомъ между хищникомъ и его жертвами. Условія посредничества были слѣдующія: владыка долженъ былъ взять „на свой патрахиль" дѣтей великаго князя; а Шемяка обязывался дать свободу ихъ отцу и надѣлить его „отчиной довольной, какъ можно имъ быти." И такъ рязанскій епископъ и будущій митрополитъ московскій скрѣпляетъ своимъ согласіемъ совершившійся переворотъ: Дмитрій остается на великомъ княженіи, а низвергнутый вел. князь получаетъ свободу и отчину, какую ему заблагоразсудитъ дать похититель. На этихъ условіяхъ владыка взялся вести перего-

воры съ людьми, которые еще оставались вѣрны своему долгу. Онъ обѣщалъ склонить ихъ на сторону Шемяки.

Князья Ряполовскіе и другіе, бывшіе съ ними, выслушавъ епископа, рѣшили тѣхъ съ дѣтьми вел. князя къ Димитрію, т. е. принять его условія. Что имъ оставалось дѣлать? „Стоять твердо за интересы вел. князя.“ Но тогда разсуждали они, придется выдержать бой съ Димитріемъ, которому всѣ уже цѣловали крестъ. Онъ возметъ городъ, захватитъ дѣтей вел. князя и сдѣлаетъ, что захочетъ, какъ съ вел. княземъ, такъ и со всѣми нами. „Во что будетъ крѣпость наша, восклицали они, если не послушаемъ рѣчей святителя.“

Они разсуждали, какъ люди, которымъ дорогъ былъ ихъ личный покой и которые не хотѣли приносить большихъ жертвъ для дѣла Василія. Пріѣздъ къ Димитрію гарантировалъ имъ ихъ вотчины и всѣ привилегіи и, кромѣ того, обѣщалъ еще новыя милости.

Но Димитрій обманывалъ всѣхъ. Онъ не исполнилъ своего обѣщанія и съ тѣмъ же Іоною отправилъ дѣтей вел. князя къ отцу ихъ, въ заточеніе. Люди, которые могли успокоивать свою шаткую совѣсть тѣмъ, что хотя они и измѣнили своему долгу, но выговорили вел. князю свободу и удѣлъ, — увидали теперь, что они обмануты, и что въ этомъ обманѣ принималъ участіе епископъ. Положеніе Іоны, край не, обострилось, его прямо упрекали во лжи. Съ князьями Ряполовскими Димитрій такъ же не умѣлъ поладить. Онъ пригласилъ ихъ на обѣдъ и одарилъ,

но должно быть не такъ, какъ они расчитывали. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ „мало" почитали ихъ

Заточеніе дѣтей вел. князя „долго новый толчекъ къ неудовольствію. Тона продолжалъ настаивать на исполненіи данныхъ Дмитріемъ обѣщаній. Нерѣшительный Дмитрій не устоялъ, онъ освободилъ узниковъ и далъ вел. князю Вологду въ удѣлъ. Это примиреніе было ознаменовано великимъ пиромъ, устроеннымъ Шемякою въ честь Василія, его жены и дѣтей. На пиру были всѣ епископы Русской земли, многіе бояре и дѣти боярскія. Своимъ присутствіемъ на торжествѣ примиренія всѣ эти епископы, бояре и дѣти боярскія одобрили низложеніе вел. князя. Миръ, конечно, былъ скрѣпленъ грамотой съ обычнымъ условіемъ: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля." Освобожденіе вел. князя и назначеніе ему удѣла погубили дѣло Шемяки: онъ, никогда не затруднявшійся нарушать свои клятвы, никакъ простодушіе повѣрить клятвамъ вел. князя, котораго самъ же мальчишески лишилъ престола. Характерное явленіе: никто не соблюдалъ своихъ клятвъ, но всѣ вѣрили въ силу креста. Вѣрилъ и Шемяка.

По заключеніи мира старымъ слугамъ Вас. Вас. не трудно было снова увидаться съ вел. княземъ. Великій кн. не долго оставался вѣренъ своимъ клятвамъ. Это было не въ духѣ времени. Скоро по прибытіи въ Вологду, онъ отправился „со всѣми людьми" въ Кирилловъ монастырь. Этому походу своему, князь придавалъ такой видъ, какъ будто-бы, онъ не имѣлъ другихъ намѣреній, какъ только „сущую тамо братію накормити и милостыню дати;" но, въ дѣйствительности, намѣреніе тутъ было иное,— иначе незачѣмъ было

брать всѣхъ людей." Слышавши же то, говоритъ летописецъ, бояре князя великаго и дѣти боярскія мнозіи побѣгоша отъ князя Дмитрія и отъ князя Ивана къ вел. князю." Чѣмъ далѣе шелъ великій князь, тѣмъ болѣе приходило къ нему „бояръ со многими людьми." Думаемъ, что летописецъ не случайно употребилъ слово „побѣгоша" Этимъ обозначаетъ онъ ту поспѣшность, съ которою старые (а московскимъ понятіямъ, можетъ быть, даже и вѣрные) слуги шли на встрѣчу "своему князю. Они, по всей вѣроятности, не соблюли даже формальности отказа. Въ это же время двинулся изъ Литвы и Василій Ярославичъ. Онъ еще ничего не зналъ о происшедшемъ въ Москвѣ и шелъ искать какъ бы „выкупить "вел. князя изъ Углича.

Участь Дмитрія была рѣшена, но не столько преданностью служилыхъ людей старшей линіи московскаго дома, сколько его собственной нерѣшительностью и неспособностью довести до конца начатое дѣло.

Описанныя событія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на ту темную среду, въ которой могло выработаться это удивительное право-отказа отъ своего слова. Этою средой была политика княжескихъ хищеній. Злѣйшими врагами каждаго владѣтельнаго князя были его сосѣди, такіе же владѣтельные князья, какъ и онъ самъ. Въ ихъ отношеніяхъ ничего не было святого. Мирные договоры о единеніи и братствѣ заключались послѣ каждой ссоры, и вслѣдъ затѣмъ снова предательски нарушались. Нарушеніе слова, даннаго владѣтельнымъ княземъ, обыкновенно освящалось духовенствомъ. Съ благословенія всѣхъ рус-

скихъ митрополитовъ, начиная съ Алексѣя, удѣльные князья цѣлуютъ вел. князю московскому крестъ на томъ, что они слагаютъ съ себя всѣ прежнія крестныя цѣлованія. Русскіе іерархи впередъ даютъ свое пастырское благословеніе на всѣ такія клятвопреступленія. Какъ было требовать, при этихъ условіяхъ, вѣрности слову отъ служилыхъ людей? Отладились справедливость старымъ князьямъ: они мѣрили одною мѣрою себя и слугъ своихъ и не требовали отъ нихъ того, чего сами не могли дать.

Право отказа если и не составляетъ естественнаго послѣдствія постоянной борьбы владѣтельныхъ князей, то въ значительной мѣрѣ его поддерживается. Въ немъ можно видѣть даже нѣкоторый коррективъ политики княжескихъ захватовъ. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, должно было исчезнуть и это право. Такъ дѣйствительно и случилось. Но послѣдніе отголоски его слышатся даже въ объединенной Москвѣ.

Живучестью этого права въ памяти бояръ объясняется рядъ сценъ у постели умирающаго царя Ивана, 11-го марта 1553 года.

Царь хотѣлъ, чтобы бояре присягнули его новорожденному сыну Дмитрію, которому едва исполнилось 5 мѣсяцевъ. Въ государствѣ съ опредѣленнымъ порядкомъ преемства престола отъ отца къ сыну, такое требованіе не могло бы возбудить ни малѣйшаго возраженія. Но у постели Ивана оно вызвало сопротивленіе. Нашлись бояре, которые не хотѣли цѣловать креста сыну царя. Нѣкоторые выказались въ пользу его двоюроднаго брата, Владиміра

Андреевича. Они вспомнили свое старое право „приказываться" на службу и, понятно, предпочитали приказаться совершеннолѣтнему, а не младенцу, именемъ котораго управляли бы другіе и, конечно, въ интересѣ своихъ близкихъ. Это и высказалъ больному царю Ѳедоръ Адашевъ: „мы готовы повиноваться тебѣ, государь, и сыну твоему, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ." Знаменательны слова, сказанныя по тому же поводу старѣйшимъ бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Шуйскимъ: онъ не цѣловалъ креста сына Ивана, потому что не видалъ государя „передъ собою." Въ старину, когда государю приказывались, то видѣли его передъ собой, говорили съ нимъ, обѣщали ему вѣрность и получали отъ него милости. Въ свободномъ признаніи того или другого князя своимъ государемъ исчезалъ вопросъ о наслѣдственности княжеской власти. Слова Шуйскаго звучатъ ѣдкой ироніей. Онъ требуетъ, чтобы передъ нимъ поставили государя, а государь въ пеленкахъ!

Напрасно иногда думаютъ, что у постели умирающаго царя Ивана непокорные бояре хотѣли захватить въ свои руки власть. Вопросъ шелъ не о перемѣщеніи центра власти. Непокорные волѣ царя бояре хотѣли имѣть совершеннолѣтняго государя, а не младенца. Вопросъ шелъ только о лицѣ государя, а не о принципѣ власти. Царская форма правленія не подвергалась колебанію ни въ малолѣтство Ивана ни теперь. Но для царя Ивана — въ личномъ вопросѣ было все. Это чисто личное столкновеніе не осталось безъ вліянія на его позднѣйшія отношенія къ боярству, также исключительно личныя.

Надо ли говорить, что переходы служилых людей в смутное время из Москвы в Тушино и обратно-не новое явление, порожденое смутой, а скверная память старого греха.[2]

Официальные памятники и летописцы того времени, которым следуют и некоторые новые историки, смотрят на измену служилых людей Шуйскому и на постоянныя колебания их между Москвою и Тушиным, как на малодушие, которым запятнали себя русские люди начала XVII в. Бедствия России время смуты являются в их глазах заслуженной карой людям „измалодушившимся." Малодушие людей XVII в. нисколько не больше малодушия их в XIV и последующих веках. Не оно новость. Никакого „измалодушничанья" русских людей в начале XVII в. не произошло. Новость - громкое осуждение этого малодушия.

Служилые люди Бориса Константиновича Нижегородского и Василия Темнаго двоедушничали не меньше служилых людей Василия Шуйскаго и самозванцев. Но в XIV и XV в. в этом не видали еще порока. Тогда митрополиты благословляли на клятвопреступления. Помимо же того, как стали прекращаться междоусобныя войны владетельных князей, верность слову сделалась добродетелью, а двоедушие начали клеймить позором. К началу XVII в. падение, таким образом, некоторый успех политической нравственности и этот успех произошел потому, что исчезли причины, вызывавшия политическую безнравственность.

Измена слову была в старину правом. Хотя князья в своих договорах подтверждали и охраняли это право, но не могли же они не чувствовать его неудобств и не смотреть косо на людей, которые, как Бунко, очень широко им пользовались. Право отъезда должно было по

тать въ князьяхъ чувство постояннаго недовѣрія къ ихъ слугамъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ князьяхъ, которые на дѣлѣ испытали всю условность обѣщанія служилыхъ людей — „служить за ихъ свои головы."

Въ нашей ученой литературѣ давно уже было обращено вниманіе на то, что среди старинныхъ дворянскихъ фамилій встрѣчается у насъ очень много иностранныхъ выходцевъ. Валуевъ считаетъ 15 выходцевъ на одного русскаго. Не берусь провѣрять этотъ выводъ. Очень можетъ быть, что многіе роды, выводящіе своихъ предковъ изъ нѣмецкой земли или изъ татаръ, были русскаго происхожденія. Но самый фактъ обилія выходцевъ и ласковаго ихъ пріема князьями не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это фактъ не случайный: его должно привести въ связь съ шаткостью отношеній между князьями и мѣстными служилыми людьми. Охотно принимая бездомныхъ выходцевъ и богато одаряя ихъ кормленіями и всякими пожалованіями, князья хотѣли, конечно, образовать около себя группу людей, не имѣющихъ тѣсной связи съ окружающею средой и исключительно имъ однимъ обязанныхъ выгодами своего положенія.* Но и любовь къ иностранцамъ не спасала князей

---

*Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Про Андрея Боголюбскаго, который не любилъ ростовскихъ и суздальскихъ бояръ, лѣтописцы разсказываютъ, что онъ приблизилъ къ себѣ какого-то Анбала, неизвѣстнаго выходца, едва ли не еврея, и далъ ему власть надо всѣми. Объ Иванѣ Калитѣ въ Арх. Рост. лѣтописи есть извѣстіе, что онъ поставилъ кіевскаго выходца, Родіона Нестеровича, который привелъ съ собою до 1700 человѣкъ послужильцевъ (Кар. IV, пр. 324). Въ 1406 г. выѣхалъ изъ Литвы на службу къ Василію Дмитріевичу кн.

отъ шаткости настроенія служилыхъ людей. Пріѣзжіе были не лучше дисциплированы, чѣмъ свои; они весьма скоро сливались съ туземцами и проникались ихъ воззрѣніями

Свидригайло Ольгердовичъ со многими людьми. Его сопровождали: Звенигородскіе князья, Патрикей и Александръ, Минскій кн. Урустай, Перемышльскій кн. Семенъ, изъ Путивля кн. Ѳедоръ Александровичъ, кн. Михайло Хотѣтовскій, а съ ними бояре черниговскіе, брянскіе, стародубскіе, любутскіе и рославльскіе. Всѣхъ этихъ искателей счастья надо было устроить. Великій князь Василій Дмитріевичъ не поскупился. Онъ далъ имъ „гор. Володиміръ со всѣми волостьми и пошлинами, и съ селы и съ хлѣбомъ, такъ же и Переяславль, потому же и Юрьевъ Польскій и Волокъ-Ламскій и Ржевъ и половину Коломны." Самъ Свидригайло не долго служилъ вел. князю. Въ 1410 году, онъ уже отъѣхалъ обратно въ Литву. Изъ словъ лѣтописца: „а по дорогѣ взялъ градъ Серпуховъ", надо заключить, что онъ и отъѣхалъ не одинъ. Въ 1447 году, когда Василій Ярославичъ шелъ „вынимать" вел. князя изъ плѣна, онъ встрѣтился въ степи съ татарами. Сначала между русскими и татарами завязалась перестрѣлка, но скоро выяснилось, что Татары идутъ изъ Черкасъ съ двумя царевичами Касимомъ да Егупомъ; а идутъ они затѣмъ, что слышали про вел. князя, что братья его надъ нимъ израду учинили, и пошли они искать вел. князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ. Они ѣхали тоже со многими людьми. Касимъ получилъ за выѣздъ Звенигородъ, а Егупъ — Кострому. (Лѣт. VIII, 82, 120, 122, 125) Ласковый

Вольные слуги, по общему правилу, суть земле-владельцы съ правами вотчиннаго суда и полиціи. Не смотря на это, между ними и территоріей княженія, въ предѣлахъ котораго лежали ихъ владѣнія, не было прочной связи. Благодаря праву отъѣзда, имъ не было надобности употреблять всѣ свои силы во благо территоріальнаго цѣлаго, въ составѣ котораго они входили. Если они замѣчали, что это цѣлое переживаетъ тяжелую минуту испытанія, нечего было тратить силы на господерску; надо было спѣшить перекочевать на службу того князя, дѣла котораго шли лучше. Они теряли при этомъ права вотчиннаго суда и льготы, но этотъ убытокъ могъ быть сторицею возмѣщенъ пожалованьемъ кормленій и земель со стороны новаго господина. Надо было только имѣть вѣрное чутье для распознаванія: положеніе какого князя идетъ въ гору.[2]

пріемъ иностранцевъ, привлекать на службу московскихъ государей цѣлыя артели иноземной вольницы. На службѣ царя Ивана состояли выѣзжіе московскіе люди, соединившіеся подъ начальствомъ двухъ „ротмистровъ" Тимоѳея Евротскаго и Матѳѣя Мишина. Съ первымъ былъ 91 товарищъ да 47 служебниковъ. Всѣ они получали денежное жалованье. Но вольница эта не вся состояла изъ иноземцевъ. Въ числѣ служебниковъ были и русскіе люди. Этимъ русскимъ людямъ въ 1582 г. Иванъ Грозный не велѣлъ давать денегъ на кормъ. Еще за долго до XVIII в. иностранцы предпочитались у насъ своими (Р. Ист. сбор., II, 802.)

Въ договорахъ князья постоянно принимаютъ мѣры къ огражденію своихъ суверенныхъ правъ на территорію своего княженія. Чтобы земля изъ службы не выходила, этими договорами всегда воспрещается князьямъ-союзникамъ и ихъ слугамъ покупать земли въ союзномъ удѣлѣ. Но правомъ отъѣзда, предоставляемымъ тѣми же договорами, совершенно парализуется это запрещеніе: Земля выходитъ изъ службы мѣстнаго князя и солидарность интересовъ служилыхъ людей съ мѣстностью постоянно обрывается

Въ концѣ XV в. эти отношенія службы и владѣнія до крайности перепутываются. Иванъ. Вас. уступалъ иногда своимъ братьямъ и племянникамъ такія части своихъ владѣній, въ которыхъ онъ роздалъ уже жалованныя грамоты своимъ слугамъ. Естественно, онъ не хотѣлъ, чтобы слуги его теряли, и онъ былъ достаточно силенъ, чтобы оградить ихъ отъ такихъ потерь. Въ концѣ XV в. существовали такимъ образомъ удѣлы, въ которыхъ имѣли силу жалованныя грамоты не мѣстныхъ князей, а вел. кн. московскаго (Р. С. I № 106, 129.) Всѣ интересы такихъ землевладѣльцевъ были притянуты къ Москвѣ; для нихъ почти или даже и вовсе не существовала та политическая территорія, въ предѣлахъ которой находились ихъ владѣнія.

Не имѣя твердой связи съ интересами мѣстности, бояре и вольные слуги не были связаны и другъ съ другомъ. Между ними панѣйшій антагонизмъ. и ни малѣйшей солидарности интересовъ. Переходя отъ князя къ князю, они, всякій разъ, вступаютъ въ новую для нихъ среду, уклоновъ которой выучиваютъ

кусокъ хлѣба изъ рукъ. На сколько пріѣздъ новыхъ слугъ желателенъ для князя, на столько же они ненавистенъ для людей, окружающихъ его. Все это - соперники по соисканію княжескихъ милостей. Каждый изъ нихъ, отдѣльно взятый, работаетъ только для себя, а всѣ вмѣстѣ работаютъ на пользу князя и во вредъ себѣ.

Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ о земскихъ боярахъ и противополагаютъ ихъ княжескимъ. Это противоположеніе ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть принято. Были бояре, которые служили не князьямъ, а княгинямъ, митрополиту и пр.; но если они могутъ быть названы земскими, то въ томъ же смыслѣ, какъ и княжескіе, т. е. какъ землевладѣльцы. Могли быть и такіе, которые никому не служили, но это рѣдкое исключеніе; если оно и встрѣчалось, то временно: служба была такъ выгодна и такъ мало налагала обязанностей, что не прикладывался на службу развѣ только слѣпой, глухой и безногій. Эти исключенія не могли составить особаго разряда земскихъ бояръ. Противоположеніе земскихъ бояръ княжескимъ заставляетъ предполагать въ первыхъ какую то особую организацію, независимую отъ служебнаго положенія ихъ при князѣ. Такой особой организаціи никакіе бояре не имѣли. Всѣ бояре, разсматриваемые, какъ земская сила, независимо отъ службы, представляютъ разрозненныя единицы, болѣе или менѣе состоятельныя, и только. Всякія права получаютъ они отъ щедротъ князя, но только за службу князю, а не въ качествѣ какихъ то земцевъ.

Мы описали первоначальный порядокъ вещей

Вольными слугами создалось Московское государство, они же создали и власть московских государей.

Не отъ вотчины пошло образованіе Московскаго государства, какъ нерѣдко думаютъ. Слово было здѣсь въ заблужденіе нашихъ изслѣдователей. Московское государство называется вотчиной великихъ государей, а они со отчичами и дѣдичами. Нѣкоторые изслѣдователи поняли слово „вотчина" въ современномъ его смыслѣ и въ частной собственности московскихъ князей увидѣли зерно, посѣянное потомками Владиміра Мономаха въ Сѣверо-Восточной Руси, изъ котораго и выросло Московское государство. Принять не замѣтили, что и Новгородъ-Великій называетъ себя отчиной великихъ государей. Отчина въ этомъ смыслѣ не собственность. Называя себя отчиной московскихъ государей, новгородцы далеки отъ мысли признавать этимъ права собственности московскихъ государей на новгородскую территорію. Они обозначаютъ понятіемъ „отчина" лишь длинный рядъ князей московскаго дома, послѣдовательно занимавшихъ новгородскій столъ, чѣмъ заявляютъ о своей близости къ московскимъ домомъ - и только.

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ предѣлахъ великаго княженія государственное право на территорію и частное на собственность не одно и то-же. На всю территорію князьямъ принадлежатъ только права государственной власти. Права ихъ частной поземельной собственности далеко не совпадаютъ съ границами ихъ владѣній, какъ князей. У первыхъ московскихъ князей число собственныхъ селъ и деревень было такъ не велико, что они не за

труднялись перечислять ихъ всѣ въ своихъ духовныхъ грамотахъ. Рядомъ съ князьями-собственниками, въ каждомъ княженіи была масса частныхъ собственниковъ, которые держали свои владѣнія не отъ князей, а на основаніи наслѣдственнаго права, купли и другихъ актовъ пріобрѣтенія. Къ этому разряду собственниковъ принадлежатъ не только бояре, въ смыслѣ близкихъ князю людей, но и всякіе вольные слуги.

Съ увеличеніемъ владѣній московскихъ князей и съ возрастаніемъ ихъ власти должно было измѣниться и отношеніе ихъ къ вольнымъ слугамъ. По мѣрѣ объединенія Россіи подъ властью московскихъ вел. князей, фактически сокращается область отъѣздовъ. Но на этомъ фактическомъ ограниченіи московское правительство не могло остановиться: ему надобно было уничтожить самое право отъѣзда и установить обязательную службу.

Оно этого, дѣйствительно, и достигаетъ, хотя чрезвычайно медленно, и даже какъ то робко.

Мы указали уже на то, что право отъѣзда съ вотчинами выводитъ вотчины отъѣхавшихъ изъ службы мѣстнаго князя и, дѣйствительно, противно его интересамъ. Любопытно, что борьбу съ этимъ противогосударственнымъ правомъ служилыхъ людей, начали не князья, а Новгородская республика. Изъ новгородскихъ договоровъ XIV в. видно уже, что республика не допускаетъ, чтобы люди, выѣхавшіе изъ Новгорода, оставались собственниками въ новгородской территоріи; села ихъ и деревни отходятъ къ Новгороду (Р.С. I № 11, 28, 18.) Боярское правленіе смѣлѣе относится къ своему

брату боярину, чьмъ княжеское. Москва многому должна была поучиться у Новгорода.

Не смотря на тъ жестокія испытанія, которыя причиняло вел. кн. Василію Васильевичу право отъезда, въ его договорахъ съ русскими князьями, мы не находимъ еще ограниченій этого права. Впервые появляются они въ его договорахъ съ Литвой, которыми предоставляется свобода отъезда русскимъ служилымъ людямъ въ Литву, а литовскимъ въ Москву, но безъ сохраненія права на вотчины. Кому принадлежитъ инициатива этого ограниченія, Литвѣ или Москвѣ, не можемъ сказать. (Спб. Имп. Рус. Ист. общ. XXV, 48.)

Нѣтъ ограниченій и въ договорахъ сына его Ивана Васильевича съ русскими князьями. Но этотъ вел. кн. находитъ уже нужнымъ и возможнымъ начать борьбу съ правомъ отъезда. Онъ приступаетъ къ этому очень осторожно и со своей обычной находчивостью. Иванъ Васильевичъ не установляетъ общихъ правилъ, но проводитъ свою волю въ отдѣльныхъ случаяхъ. Не отмѣняя права отъезда, онъ ставитъ лицъ, желающихъ отъѣхать, въ такія условія, что они сами отказываются отъ своего права отъезда и обязываются служить ему и его дѣтямъ до своей смерти; въ случаѣ же невѣрности данному слову, они предоставляютъ ему право наказывать ихъ по усмотрѣнію. Это достигается весьма просто. Служилый человѣкъ, подозрѣваемый въ желаніи отъѣхать, берется подъ стражу. Лишенный свободы, онъ готовъ дать всякія обѣщанія, лишь бы возстановить прежнія формы отношенія къ князю. Таково происхожденіе записей о не-отъѣздѣ. Въ 1474 г. такую запись далъ на себя кн. Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. Онъ

называть себя слугой вел. князя (въ позднѣйшихъ записяхъ, вмѣсто слуги, стали писать „холопъ," обязывается служить ему и дѣтямъ его „до живота", и въ заключеніи говоритъ: „вел. кн. Иванъ Васильевичъ и его дѣти по моей вины въ казни вольны."

Но личными обѣщаніями строптиваго слуги Иванъ Васильевичъ не довольствовался; онъ требовалъ, чтобы за него поручились другіе и обезпечили свою поруку обязательствомъ уплатить извѣстную сумму денегъ въ случаѣ его отъѣзда. Такъ было поступлено и съ княземъ Даніиломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ. За него поручились 8 служилыхъ людей, всего на сумму въ 2000 р.; Иванъ Никитичъ Воронцовъ поручился въ такой же суммѣ въ 250 р. Въ его поручной сказано, что если Данило Холмскій отъѣдетъ, то вел. князь беретъ себѣ всѣ живота и села и статки его (Р. С. I № 103, 104.) Такимъ образомъ, путемъ вынужденныхъ записей и поручныхъ, проводится въ средѣ служилыхъ людей мысль объ обязанности ихъ служить вел. кн. до живота и о правѣ вел. князя конфисковать имущество отъѣзжавшихъ и наказывать ихъ всякими иными казнями.

Дѣло, начатое Иваномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василіемъ и внукомъ Иваномъ При малѣйшемъ подозрѣніи объ отъѣздѣ, служилый человѣкъ берется подъ стражу, а затѣмъ дастъ записи и представляетъ за себя поручителей. Отъ времени этихъ князей сохранились указанія на то, что поручители въ свою очередь, должны были представить за себя поручителей. Эти вторые поручители носятъ наименованіе „подручниковъ." Въ не-отъѣздѣ того или другого служилаго человѣка

оказываются, такимъ образомъ заинтересованы со-ми служилыми людей

Въ 1562 г. за кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго поручилось 29 бояръ. Шесть изъ нихъ представили за себя 105 подручниковъ. Подручныя грамоты другихъ поручителей до насъ не дошли; предполагая, что они представили подручниковъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ эти шесть, получимъ больше 500 подручниковъ на 29 поручителей за одного Бѣльскаго.

Замышленіе отъѣзда берутся подъ страхомъ. Но это не значитъ, что отъѣздъ отмѣненъ. Лишеніе свободы по подозрѣнію въ отъѣздѣ есть нарушеніе права служилыхъ людей, которое позволяютъ себѣ сильные московскіе князья. Существованіе же права отъѣзда доказывается договорами, въ которыхъ оно признается еще въ тридцатыхъ годахъ XVI в.

Вел. кн. Ивану Васильевичу принадлежитъ починъ и другого ограниченія. Въ его духовной грамотѣ читаемъ: „а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василія не отъѣзжати никому, ни куда; а кто отъѣдетъ, земли ихъ сыну моему." Это тоже ограниченіе, которое еще въ XIV в. существовало въ Новгородѣ, а въ XV появляется въ договорахъ съ Литвой: служилые люди могутъ отъѣзжать, но безъ вотчинъ. Почему въ данномъ случаѣ примѣнено оно къ ярославскимъ служилымъ людямъ, этого мы не знаемъ.

Боярскому правленію въ малолѣтствѣ Грознаго принадлежитъ новый шагъ въ дѣлѣ ограниченія отъѣздовъ. Въ 1537 г. взяли бояре (введенные) клятвенную запись съ удѣльнаго князя Андрея Ивановича,

называть себя слугой вел. князя / въ позднѣйшихъ записяхъ, вмѣсто слуги, стали писать „холопъ," обязывается служить ему и дѣтямъ его „до живота", и въ заключеніе говорить: „вел. кн. Иванъ Васильевичъ и его дѣти по моей винѣ въ казни вольны."

Но личными обязательствами строптиваго слугу Ивана Васильевича не довольствовали; онъ требовали, чтобы за него поручились другіе и обезпечили свою поруку обязательствомъ уплатить извѣстную сумму денегъ въ случаѣ его отъѣзда. Такъ было поступлено и съ княземъ Даніиломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ. За него поручились 8 служилыхъ людей, всего на сумму въ 2000 р.; Иванъ Никитичъ Воронцовъ поручился въ такой же суммѣ въ 250 р. Въ его поручной сказано, что если Данило Холмскій отъѣдетъ, то вел. князь беретъ себѣ всѣ живота и села и статки его (Р. С. I № 103, 104.) Такимъ образомъ, путемъ вынужденныхъ займовъ и поручныхъ, проводится въ средѣ служилыхъ людей мысль объ обязанности ихъ служить вел. кн. до живота и о правѣ вел. князя конфисковать имущество отъѣхавшихъ и наказывать ихъ всякими иными казнями.

Дѣло, начатое Иваномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василіемъ и внукомъ Иваномъ Грозными. При малѣйшемъ подозрѣніи объ отъѣздѣ, служилый человѣкъ берется подъ стражу, а затѣмъ дастъ запись и представляетъ за себя поручителей. Отъ времени этихъ князей сохранились указанія на то, что поручители въ свою очередь, должны были представить за себя поручителей. Эти вторые поручители носятъ наименованіе подручниковъ." Въ не-отъѣздѣ того или другого служилаго человѣка

оказываются, такимъ образомъ заинтересованы сотни служилыхъ людей

Въ 1562 г. за кн. Ивана Дмитріевича Бѣльскаго поручилось 29 бояръ. Шесть изъ нихъ представили за себя 105 подручниковъ. Подручныя грамоты другихъ поручителей до насъ не дошли; предполагая, что они представили подручниковъ въ томъ же размѣрѣ, какъ эти шесть, получимъ болѣе 500 подручниковъ на 29 поручителей за одного Бѣльскаго.

Замыслившіе отъѣздъ берутся подъ стражу. Но это не значитъ, что отъѣздъ отмѣненъ. Лишеніе свободы по подозрѣнію въ отъѣздѣ есть нарушеніе права служилыхъ людей, которое позволяютъ себѣ сильные московскіе князья. Существованіе же права отъѣзда доказывается договорами, въ которыхъ оно признается еще въ тридцатыхъ годахъ XVI в.

Вел. кн. Ивану Васильевичу принадлежитъ починъ и другого ограниченія. Въ его духовной грамотѣ читаемъ: „а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василія не отъѣхати ни кому, ни куда; а кто отъѣдетъ, земли ихъ сыну моему." Это тоже ограниченіе, которое еще въ XIV в. существовало въ Новгородѣ, а въ XV появляется въ договорахъ съ Литвой: служилые люди могутъ отъѣхать, но безъ вотчинъ. Почему въ данномъ случаѣ примѣнено оно къ ярославскимъ служилымъ людямъ, этого мы не знаемъ

Боярскому правленію въ малолѣтствѣ Грознаго принадлежитъ новый шагъ въ дѣлѣ ограниченія отъѣздовъ. Въ 1537 г. взяли бояре (введенные) клятвенную запись съ удѣльнаго князя Андрея Ивановича,

Иваномъ Грознымъ въ 1556 г. Онъ уменьшилъ уложенную службу съ вотчинъ и помѣстій: „со 100 четвертей доброй земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ, а въ дальній походъ о двуконь." Съ точки зрѣнія службы, для государства было все равно, владѣетъ служилый человѣкъ вотчиной или помѣстьемъ, а потому царь Иванъ и установилъ одинакую мѣру службы, какъ для вотчинниковъ, такъ и для помѣщиковъ.

Установленіе обязательной службы не лишило, однако, служилыхъ людей ни одной изъ тѣхъ милостей, которыми они пользовались прежде. Они продолжаютъ получать льготы, кормленія, земли и пользоваться исключительной подсудностью. Но все это зависитъ единственно отъ доброй воли московскихъ государей, протестовать противъ которой нельзя уже.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣтно даже расширеніе прежнихъ привилегій. Требуя обязательной службы отъ служилыхъ людей и дѣтей ихъ, московское правительство брало на себя тѣмъ самымъ обязанность устроить служилыхъ людей такъ, чтобы они, дѣйствительно, могли служить. Это совершенно послѣдовательно. Древнѣйшій актъ, въ которомъ видна эта заботливость московскаго правительства, относится къ 1550 году. Мы знаемъ, что больные служилые люди сидѣли въ своихъ отчинахъ, иногда весьма удаленныхъ отъ Москвы. А служба требуетъ нерѣдко посылокъ внезапныхъ, для которыхъ не всегда бываетъ возможно вызвать служилыхъ людей изъ ихъ отдаленныхъ вотчинъ. Для того чтобы согласить требованія службы съ возможностью, царь Иванъ приказалъ дать „боя-

ромъ и другимъ слугамъ, которымъ быти готовымъ въ посылки," помѣстья въ московскомъ уѣздѣ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть уже вотчины близъ Москвы и которые, слѣдовательно, и безъ того могутъ быть готовы во всякія посылки. Такихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и помѣщено было тогда около Москвы тысяча человѣкъ. Они, по всей вѣроятности, и составили зерно особаго, весьма потомъ извѣстнаго, московскаго списка служилыхъ людей.

Эта мысль объ обязанности государства надѣлять служилыхъ людей землями, само собою разумѣется, весьма понравилась обязанными слугами; она нашла себѣ полное выраженіе въ челобитьѣ ратныхъ людей, стоявшихъ станомъ подъ Москвой въ 1611 г., и поданномъ ими воеводамъ ополченія, кн. Трубецкому, Заруцкому и Ляпунову. Первымъ двумъ челобитье не полюбилось, но Ляпуновъ принялъ сторону челобитниковъ и настоялъ на приговорѣ въ смыслѣ челобитья (Р. И. VIII, 166). Въ этомъ приговорѣ съ большею послѣдовательностью проводится мысль о надѣленіи помѣстьями тѣхъ служилыхъ людей, у которыхъ нѣтъ помѣстій, или у кого помѣстья разорены отъ литовскихъ людей. Для надѣленія этихъ безпомѣстныхъ, малопомѣстныхъ и разоренныхъ слугъ грамота требуетъ отобрать земли у тѣхъ, кто завладѣлъ новыми помѣстьями въ добавокъ къ старымъ, или кому новыя помѣстья были пожалованы къ старымъ именемъ королевича Владислава. Вдовы и дѣти убитыхъ литовцами должны сохранить помѣстья мужей и отцовъ своихъ. Для исполненія этого приговора, въ Помѣстный приказъ надо бы-

ло посадить лицъ по выбору всей земли. Они должны прежде всего „исполчествити слугъ бѣдныхъ, разоренныхъ, безполчественныхъ и малополчественныхъ." (Кар. XII, пр. 793.) Такимъ образомъ, всѣ должны быть надѣлены, а вдовы и дѣти обезпечены, и все это на счетъ государства. А такъ какъ въ полчества должная не только дворцовыя, но и черныя земли, то вся земля Московскаго государства разсматривается служилыми людьми, какъ предназначенная имъ въ раздачу. Она, дѣйствительно, и раздается щедрою рукой. Служилые люди недаромъ утратили свои вольности: они продали ихъ за льготы и земли. Въ ихъ же интересъ совершилось и прикрѣпленіе крестьянъ. Купивъ свободу служилыхъ людей, правительство охотно уступило имъ свободу рабочаго населенія. Оно еще разъ подѣлилось съ ними властью.

Старая вольность была принесена въ жертву экономической обезпеченности на счетъ государства; но эта обезпеченность достигнута всѣми лицами служилаго класса и съ нисходящимъ ихъ потомствомъ изъ рода въ родъ.

Отнятая вольности подкрадывалась такъ медленно и незамѣтно, она такъ обильно подслащалась пожалованіями, что служилые люди долго не сознавали всего значенія происшедшей перемѣны. Въ ихъ поведеніи нерѣдко встрѣчаются черты, свидѣтельствующія о глубокомъ ихъ заблужденіи относительно окружающаго ихъ порядка вещей. Служба стала для нихъ обязательной, только на этомъ условіи могутъ они пользоваться милостями московскихъ государей.

Въ старое время служебная ревность, какъ мы видѣли не составляла ихъ добродѣтели. Тогда великимъ князьямъ приходилось мириться съ этимъ. Но эти привычки вольности остались у служилыхъ людей и въ XVI в. Они также не спѣшатъ на службу, какъ и въ XIV-мъ, и многіе оказываются въ „нѣтяхъ." Но теперь это уже не терпится. Дѣтей боярскихъ, не являющихся на службу, или съѣзжающихъ ранѣе срока, приказываютъ бить батогами и кнутомъ, а затѣмъ сажать въ тюрьму и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока они не представятъ за себя поруку въ томъ, что имъ впредь со службы не бѣгать. (Р. Ист. Сб. II, 197.) Усердные слуги московскихъ государей ревностно исполняли эту экзекуцію надъ нерадивыми. По Уложенію, кнутъ за самовольный уходъ со службы составляетъ уже общее правило (VII, 8.)

Среди новыхъ нагроможденій, дѣлаемыхъ рукою московскихъ государей, вездѣ еще видны остатки старины. И эта старина находитъ себѣ пріютъ не въ сознаніи только подданныхъ, которые выражаютъ такимъ образомъ свой протестъ новымъ порядкамъ; ее можно наблюдать въ государевыхъ указахъ. Старое отмѣняется только постольку, поскольку оно противно интересамъ власти моск. государей. Если же оно не имѣетъ никакого отношенія къ этимъ интересамъ, оно остается, хотя бы при новыхъ условіяхъ быта, это старое и не имѣло никакого смысла. Въ 1562 г. января 5-го, царь и великій князь приговорилъ вотчины въ Твери, Торжскѣ, въ Ярославлѣ, въ Рязани, на Бѣлѣ-озерѣ и на Вламовѣ, покупать, продавать, давать въ приданое и мѣнять такъ, какъ это

было цустари. А цустари въ этихъ городахъ иногородцы отчины не покупали. Поэтому приказано у всѣхъ иногородцевъ, купившихъ въ Твери и пр. отчины лѣтъ за 15 и за 20, отобрать эти покупки на государя безденежно; а кто купилъ лѣтъ за пять или за шесть, отъ тѣхъ долозрить государю. За новыми пріобрѣтателями было дозволено оставить отчины только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ на покупку царскія грамоты (Лазар. и Ут., стр. 307).

Это, конечно, старина, но что за безсмыслица, и какая вопіющая несправедливость озирилять ее въ XVI в.! Запрещенія покупать иногородцамъ въ XV в. и ранѣе имѣли смыслъ, потому что Тверь, Торжокъ, Рязань и пр. были тогда особыми государствами, и такія покупки выводили землю изъ службы мѣстному правительству; вотъ почему онѣ допускались только въ томъ случаѣ, если мѣстное правительство ихъ дозволяло. Въ XVI же всѣ тѣхъ Тверь, Рязань и пр. составляютъ одно государство и нѣтъ разумной причины запрещать покупки иногородцамъ. А онѣ не только впредь запрещаются, но безсрамно обираются въ пользу государя всѣ пріобрѣтенія за 15 и 20 лѣтъ. Таковы московскіе порядки. Что это — правительственная мудрость въ видахъ обогащенія казны? Нѣтъ — это наивная преданность старинѣ, дѣтской смыслъ, который болѣе никому не понятенъ. Запрещеніе иногородцамъ сохраняется въ царскихъ указахъ, еще въ XVII в.. Удивительный родъ исторіи и, конечно, не нашей только. Событія совершаются, какъ бы въ глубокихъ потемкахъ. Ни правительственный классъ, ни сами государи не видятъ ясно, куда они идутъ и что ихъ ждетъ

сдѣлано, — и не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что̀ изъ стараго должно умереть и что̀ можетъ жить.

Въ старое время подсудность служилыхъ людей самому государю или близкому къ нему боярину составляла важную ихъ привилегію. Это была особая милость князей, и, дѣйствительно, она обезпечивала права бояръ и дѣтей боярскихъ. Князья нуждались въ служилыхъ людяхъ и должны были судить ихъ по правдѣ, иначе рисковали потерять своихъ вольныхъ слугъ. И теперь при царѣ Иванѣ, самъ государь судитъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Но во что обратилась эта привилегія съ уничтоженіемъ права отъѣзда? Въ оружіе самоуправства и въ легкій способъ отдѣлаться отъ людей подозрительныхъ или просто неудобныхъ.

Вотъ какъ описываютъ русскіе лѣтописцы судъ Ивана Вас. надъ Новгородцами, подозрѣваемыми имъ въ измѣнѣ, состоявшій будто бы въ томъ, что они хотѣли передаться Литвѣ. Судъ этотъ происходилъ въ Январѣ 1570 г. на Городищѣ. „Царь и великій князь съ сыномъ своимъ сѣдъ на судилище и повелѣ приводити изъ Великаго Новгорода владычныхъ бояръ и служилыхъ дѣтей боярскихъ, и гостей и всякихъ городскихъ и приказныхъ людей, и жены и дѣти, и повелѣ предъ собою люте мучити и по многихъ неисповѣдимыхъ мукахъ тѣлеса ихъ нѣкоею составною мудростію огненною поджигати, иже именуется поджаръ. И повелѣваетъ государь своимъ дѣтямъ боярскимъ тѣхъ мучимыхъ и поджаренныхъ за руки и за ноги и за головы вязати различно тонкими ужи, по человѣку къ санемъ, и быстро за саньми-

влещи на Великій Волховскій мостъ и повелѣ ихъ съ мосту метати въ рѣку. (младенцевъ къ матерямъ привязывали и также бросали въ Волховъ ... И бысть убо таковаго неисповѣдимаго пролитія крови, грѣхъ ради нашихъ, неукротимыя ярости царевы по вся дни безпрестани яко до пяти седмицъ и больши; и на всякъ убо день ввергнутъ и потопятъ человѣкъ яко до тысящи, а иногда и по полуторы тысящи; а тотъ день убо облегченъ и благодаренъ, иже ввергнутъ въ воду до 500 и до 800 человѣкъ." Въ другомъ источникѣ перечислены изобрѣтенныя царемъ Иваномъ средства правосудія: „сковрады, пещи, бичеванія жестокая, ногти острыя, клещи разженныя, терзанія ради тѣлесъ человѣческихъ, иголъ за ногти вонзенія, рѣзанія по составамъ, претренія верьми на полы, не токмо мужей, но и женъ благородныхъ и иные безчисленные и неслыханные виды мукъ на невинныхъ, умышленные отъ него."

Допустимъ, что всѣ дни царскаго суда для новгородцевъ были легкіе и счастливые, и получимъ для 35 дней 17,500 человѣческихъ жертвъ, варварски лишенныхъ жизни.

6-го Января царь прибылъ на Городище, а съ 8-го началась описанная лѣтописцемъ расправа. Когда же было производить судъ и розыскъ о 17,500 казненныхъ? Царь и не производилъ розыска. Вотъ какъ, по описанію лѣтописи провелъ онъ день 8-го Января: поутру въѣхалъ онъ въ Новгородъ, и на мосту былъ торжественно встрѣченъ архіепископомъ Пименомъ; затѣмъ слушалъ литургію, а по ея окончаніи отправился въ палату архіепископа

гдѣ съѣзъ за обѣденнымъ столомъ съ боярами, и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ. Архіепископъ и бояре его были схвачены, имущество ихъ ограблено, а немедленно затѣмъ открылся судъ на Городищѣ. Варварскія жестокости обрушились на головы новгородцевъ совершенно неожиданно, если не считать убійствъ и грабежей, произведенныхъ царемъ по дорогѣ въ Новгородъ, въ Клинъ, въ Городокъ, Тверь, Торжекъ, Вышній-Волочекъ и др. мѣстахъ, достаточнымъ предувѣдомленіемъ.

А розыскъ по поводу измѣнническаго новгородскаго дѣла дѣйствительно былъ произведенъ,* только послѣ казни новгородцевъ! Что же такое судъ царя и вел. князя на Городищѣ и другія его неистовства? Это бурный, все истребляющій разливъ власти, не знающій себѣ болѣе никакихъ границъ. Никакія формы суда и сыска не были нужны для этой власти, все потопившей. Царь подозрѣвалъ этого довольно, чтобы отнять жизнь у тысячи людей.

---

*) Къ дѣлу объ измѣнѣ новгородцевъ (Кар. IX, пр. 299) привлечены были и близкіе царю люди: боярина Алексѣй Басмановъ и сынъ его, крайчій Ѳедоръ, оружничій кн. Аѳанасій Вяземскій и др. Розыскъ этотъ начался и окончился послѣ „суда" на Городищѣ. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что нѣкоторые изъ поименованныхъ чиновныхъ людей во время новгородскаго избіенія находились еще при своихъ должностяхъ; такъ, Ѳедоръ Басмановъ отмѣченъ въ боярскихъ книгахъ выбывшимъ изъ должности крайчаго послѣ 1го сентября 1570 г., а кн. Ѳ. Вяземскій отставленнымъ отъ боярности оружничаго послѣ 1го Сент. 1571 г. (Новиковъ, IX, 51 прм.)

Только переживъ царствованіе Грознаго, при которомъ ничто не было обезпечено: ни собственность, ни жизнь, ни честь, московскіе служилые люди разглядѣли ту пропасть, къ которой привела ихъ предшествующая исторія. Только послѣ Грознаго настало для нихъ время подумать о новомъ обезпеченіи своихъ правъ. Первая попытка въ этомъ родѣ относится, по всей вѣроятности, ко вступленію на престолъ Бориса, но ей не было суждено вылиться въ опредѣленныя формы. Вторая, относящаяся къ воцаренію Шуйскаго, получила точное выраженіе и сохранилась въ памятникахъ. Царь обязывался: не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, а вотчинъ и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ и у дѣтей не отнимати, буде которые съ ними въ мысли не были...; да и доводовъ ложныхъ не слушать, а сыскивати всякими сыски на крѣпко, чтобы въ томъ православное христіанство безвинно не гибло." (А. Э. II, № 44). Какая умѣренность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой укоръ Грозному, неистовства котораго продиктовали выписанную статью.

Служебные чины.

Вольные слуги не были все одинаково близки или одинаково далеки отъ князя, которому служили. Потребности общаго и придворнаго управленія дѣлали необходимымъ поручать тѣмъ изъ нихъ, которые пользовались особымъ довѣріемъ князя, отдѣльныя должности по этимъ вѣдомствамъ и такимъ образомъ приближать ихъ еще болѣе къ особѣ государя. Путемъ такого приближенія къ князю и образовались всѣ тѣ многочисленные служебные чины, которые мы наблюдаемъ въ Московскомъ государствѣ. Первые зародыши такихъ чиновъ относятся еще къ домосковскому времени. Но тогда такихъ чиновъ было немного и численный составъ каждаго чина былъ не великъ, а поэтому рядомъ съ служилыми чинами было множество вольныхъ слугъ, не имѣвшихъ никакой опредѣленной должности и чина. Ходъ развитія московскаго государства и указанныя уже измѣненія въ положеніи вольныхъ слугъ это отношеніе должностныхъ-чиновныхъ людей къ нечиновнымъ совершенно измѣняется. Всѣ обязанные службою люди сортируются по разнымъ чинамъ, большинство которыхъ получаетъ свое происхожденіе отъ придворныхъ должностей. Никогда свободная землевладѣльческая аристократія чрезъ приближеніе къ особѣ князя въ придворныхъ должностяхъ переродилась вся въ придворно-чиновную аристократію. Значеніе отдѣльныхъ чиновъ очень различно и исключительно зависитъ отъ мѣры довѣрія князя. Чѣмъ ближе къ князю, тѣмъ и важнѣе чинъ и лицо, имъ облеченное.

Въ основѣ каждаго чина лежитъ опредѣленная должс-

ность, почти всегда придворная. Избранное лицо возводилось въ извѣстную должность по словесному указу вел. князя. На языкѣ древняго времени это называлось „сказкой", потому что должность публично „сказывалась" (объявлялась посаженному. Но это не значитъ, что человѣкъ, возведенный въ извѣстный чинъ, только и отправляетъ ту должность, отъ которой чинъ получилъ свое наименованіе (окольничій, постельничій, крайчій и пр.) Какъ лицо, облеченное довѣріемъ государя, онъ считается годнымъ во всякія должности, а потому назначается воеводой, намѣстникомъ, посломъ и т.д.)

На указанное здѣсь преобразованіе потребовался трудъ цѣлыхъ столѣтій. Дворяне въ качествѣ спеціальныхъ органовъ суда встрѣчаются въ памятникахъ XIII в., къ тому же времени относится и первое упоминаніе о печатникѣ; въ памятникахъ XIV в. встрѣчались бояре введенные, окольничаго, дворскаго, чашника; но всѣ служилые люди обратились въ дворянъ, стольниковъ, стольниковъ, стряпчихъ и пр. только къ началу XVII вѣка.

При дворѣ вел. кн. московскомъ замѣчается, въ общихъ чертахъ, слѣдующая постепенность въ развитіи высшихъ чиновъ. Въ древнѣйшихъ записяхъ о назначеніи въ чины (со второй половины XV в.) рѣчь идетъ только о боярахъ введеныхъ, дворецкихъ и окольничихъ. Въ концѣ XV в. къ нимъ прибавляются: казначій, постельничій, ясельничій и конюшій; въ первой половинѣ XVI в. ловчій, оружничій, крайчій, сокольничій; во второй — дворянинъ въ думѣ.*

---

* Дѣлаемъ это заключеніе на основаніи фактовъ, сообща-

Официальные списки чиновъ дошли до насъ только отъ XVII в. Это такъ называемые боярскія книги, въ которыхъ „писаны бояре и окольничіе, и думные люди, и стольники государевы и великаго государя Святѣйшаго Патріарха, и стрянчіе и дворяне московскіе, и дьяки, и дворяне городовые, и уѣзжіе." Для каждаго года велась особая книга. Въ началѣ книги обозначался наличный составъ служилыхъ чиновъ къ 1-му сентябрю. Затѣмъ въ порядкѣ времени приписывались новыя назначенія.

Разсортированные починалъ служилые люди, всѣ

мыхъ выпиской изъ боярскихъ книгъ, напечатанной у Новикова, XX, стр. 2, 8, 14, 15, 17, 37, 52. Подлинныя боярскія книги сохранились только отъ XVII в. (древнѣйшая отъ 7135 г.) Изъ сравненія ихъ съ выписками, напечатанными у Новикова, оказывается, что авторъ выписокъ 1) ограничивается только важнѣйшими чинами, о мелкихъ же все вовсе не упоминаетъ, 2) вновь возникающіе чины онъ иногда приводитъ не подъ тѣмъ годомъ, когда они въ первый разъ появились въ боярской книгѣ, а позднѣе. Напримѣръ, стрянчій съ ключемъ появляется у него только подъ 7154 г., думные дьяки — подъ 7163; а въ боярскихъ книгахъ и тотъ и другіе упоминаются все въ 7135 г. Можетъ быть и выписки изъ книгъ XV и XVI в. тоже запаздываютъ. Вотъ почему приводимую въ текстѣ послѣдовательность возникновенія чиновъ можно считать вѣрною только въ общихъ чертахъ, а не въ томъ смыслѣ, что каждый новый чинъ возникъ именно въ томъ году, когда о немъ впервые упоминаетъ выписка.

имѣютъ право на казенное содержаніе въ видѣ денежнаго жалованья, или помѣстнаго оклада. Въ боярскихъ книгахъ противъ каждаго лица отмѣчается размѣръ его содержанія. Встрѣчаются и такіе, которымъ идетъ еще старый окладъ, по прежней должности, или которымъ оклада еще вовсе не назначено.

Денежное жалованье чиновнымъ людямъ, по всей вѣроятности, возникло у насъ впервые при Иванѣ Грозномъ. Подъ 1556 г. лѣтописецъ говоритъ, что онъ сталъ давать „на уложенные люди" (вѣроятно, на людей, записанныхъ въ чиновные списки) денежное жалованье. (Рус. лѣт. VII, 261) Въ XVII в. это уже общее правило. Люди каждаго чина получаютъ опредѣленное содержаніе, которое за особые труды можетъ быть еще увеличено.

Перейдемъ къ обзору отдѣльныхъ чиновъ.

I Бояре введеные

Терминъ введеные бояре встрѣчается въ памятникахъ XVI и XV вв., есть достаточное основаніе думать, — XIV вѣка (А. Э. I № 44, 46, 111, 120, 132, 149, 215, 379; № 46 отъ 1450 г. есть только повтореніе жалованной грамоты Ивана Даниловича, слѣдовательно восходитъ къ XIV в. А. И. I № 115, 180; Сводн. Чудов. № 28, 32, 75). Во всѣхъ этихъ памятникахъ введеные бояре всегда выступаютъ въ одной и той же должности: они назначаются вѣдать альтернативно съ княземъ тѣ судныя дѣла, которыя восходятъ до самого князя.

Такихъ дѣлъ было очень много. Въ древнѣйшія времена князь разсматривалъ, какъ лучшій судья. Поэтому, въ жалованныхъ грамотахъ служилымъ людямъ и судебнымъ учрежденіямъ предоставляется, обыкновенно,

какъ особая милость право судиться предъ самимъ княземъ или бояриномъ его введенымъ.

Кромѣ того, мѣстные судьи во всѣхъ случаяхъ, которые превышали ихъ компетенцію, или въ разрѣшеніи которыхъ они встрѣчали затрудненіе, должны были обращаться съ докладомъ къ князю или его боярину.

До насъ дошло нѣсколько такихъ дѣлъ, о которыхъ судьи „рѣклися доложить вел. князю," а въ дѣйствительности доложили „Даніилу Васильевичу" или Дмитрію Володиміровичу" и пр. Докладъ въ этихъ случаяхъ идетъ тоже альтернативно къ князю, или близкому къ нему человѣку, который пользовался такой извѣстностью въ служебной сферѣ, что нерѣдко обозначался только по имени и отечеству, безъ прибавки титула и фамиліи. Роль этихъ близкихъ людей, очевидно, та-же, что и введеныхъ бояръ, но кто они такіе, какой ихъ чинъ?

Выписка изъ боярскихъ книгъ, напечатанная Новиковымъ, представляетъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ совершенно удовлетворительно. Всѣ они суть бояре, которымъ „сказано"* боярство. Это даетъ пра-

---

* Вотъ имена тѣхъ жалованныхъ бояръ; которымъ дѣлался докладъ вмѣсто государя. Щеня Даніилъ Васильевичъ, боярство сказано въ 1476 г., докладъ послѣ 1485 г. - Сабуровъ Юрій Констант., б. ск. въ 1505, док. въ 1506 - кн. Пѣнко Ярославскій Даніилъ Александр. б. ск. въ 1500; отъ княженія вел. кн. Ивана Вас. сохранилось къ нему пять докладовъ, но всѣ безъ года. Одинъ изъ нихъ напечатанъ въ Акт. Юрид. подъ № 5 и отнесенъ издателями ко времени около 1490 г. Это, конечно, не вѣрно. Въ этомъ году боярство еще не было ему сказано, а потому не могло быть и докладовъ. Всѣ доклады могли имѣть мѣсто

во сдѣлать такое заключеніе: введеные бояре и сказаные - одно и тоже.

Въ жалованной грамотѣ вел. кн. Ивана Вас. Троице Сергіеву монастырю отъ 1546 г. читаемъ: „А кому будетъ чего искати на игуменѣ на Іонѣ съ братіею... ино ихъ сужу язъ кн. великій, или мой бояринъ, и дворецкій Большаго дворца." Эта грамота была подтверждена въ 1551 г., но вмѣсто бояринъ и дворецкій" тамъ написано „бояринъ введеный." Ѳедот. Чехов. V. 75

Для объясненія слова „введеный" укажемъ слѣдующія два мѣста источниковъ: „а кн. Михайло Тверскій приневоли брата своего, кн. Мих. Вас. Кашинскаго, въведе его во всю свою волю," П. С. Р. Л. VIII, 19, 1373 г; „а что въвелъ зять твой, кн. Александръ Ивановичъ, отцу моему четыре села... въ долгу въ 500 руб., и тобѣ то отправити по докончанію" Р. С. I. стр. 126, 1436

Сказать боярство и значило ввести боярина въ непосредственную близость къ князю, причемъ такому боярину представлялось право въ дѣлахъ личнаго княжескаго суда замѣнять князя. Въ рукахъ князя сосредоточивалось множество судныхъ дѣлъ. Онъ не имѣлъ возможности рѣшать ихъ всѣ самъ. Явилась,

---

только послѣ назначенія его бояриномъ. Кн. Ростовскій Дмитрій Владиміровичъ, б. ск. въ 1501, док. въ томъ же году. Давыдовъ Григорій Ѳедоровичъ, б. ск. въ 1505, док. въ 1518. Юрьевъ Данило Романовичъ, б. ск. въ 1548, судъ судитъ въ 1549, док. безъ года. Яковлевъ Семенъ Ивановичъ, б. ск. въ 1558, док. въ 1562. Волынскій Михаилъ Ив., б. ск. въ 1558, док. въ 1562 г. Годуновъ Григорій Васильев. б. ск. въ 1584 г, док. въ 1585. А. Ю. № 3, 5; Ѳед. Чех. IV 7, 13, 19, 21, 41, 63, 66, 75, 76, 83. Рус. Ист. сб. V, 13.

поэтому необходимость назначить къ этому дѣлу особыя лица. Они брались изъ среды вольнаго служилаго боярства и продолжали называться боярами, но съ опредѣленіемъ „выдные", чѣмъ и отличались отъ бояръ вообще. Они, дѣйствительно, вводились къ князю, т. е. должны были состоять при немъ, такъ какъ отправленіе ихъ должности требовало постояннаго общенія съ главою государства.

Для суда, по дѣламъ подсуднымъ князю, посылались, обыкновенно, особые судьи (изъ мелкихъ чиновъ дворянъ), которые производили судъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) на мѣстѣ. Эта стадія процесса заключалась тѣмъ, что судьи, выяснивъ дѣло, объявляли сторонамъ, что они доложатъ великому князю или его боярину, и затѣмъ, дѣйствительно, докладывали тому или другому. Если докладъ дѣлался выденному боярину, то онъ, выслушавъ стороны, которыя должны были для этого пріѣхать въ Москву, или давалъ приказъ о вершеніи дѣла, если оно не представляло для него затрудненій, или, поставивъ истца и отвѣтчика предъ вел. кн., сказывалъ имъ свой докладъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, государь самъ уже давалъ указъ, какъ вершить дѣло. (См. предш. прим.

Выдные бояре, по должности своей, находятся, такимъ образомъ, въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ съ вел. кн.. Они придворные сослуживцы, конечно, занимаютъ при дворѣ первое мѣсто. Что они находятся не въ своихъ вотчинахъ, а при особѣ князя, это подтверждается и княжескими договорами, въ которыхъ для нихъ сдѣлано исключеніе изъ общей обязанности бояръ садиться въ осаду по мѣсту жительства: они не садятся по мѣсту жительства, по-

тому, конечно, что народятся при князь (Р.С. I № 58)

Первоначально, когда сказывалось введеное боярство, суть дѣла состояла не въ пожалованіи титула боярина, ибо титулъ этотъ пошелъ не отъ князей и не отъ службы, а въ приближеніи боярина къ князю и въ предоставленіи ему права судить именемъ князя.

Мы сказали выше, что титулъ введенаго боярина, по всей вѣроятности, встрѣчается выше въ памятникахъ XIV в., но самое дѣло, конечно, еще древнее. Московскіе князья выше едва ли могли обходиться безъ введеныхъ бояръ. Но въ небольшихъ княженіяхъ число ихъ не могло быть значительно. Оно начинаетъ возростать съ объединеніемъ Москвы. Вас. Вас. оставилъ сыну своему вел. кн. Ивану только трехъ введеныхъ бояръ. Въ годъ смерти Ивана Вас. ихъ было-13; при его преемникѣ число ихъ возростаетъ до 20 и затѣмъ до конца XVII в. оно колеблется между этой цифрой и 30, лишь изрѣдка выступая за ихъ предѣлы.*

Обычай-выдѣлять изъ общей массы бояръ нѣкоторыхъ лицъ и приближать ихъ къ князю въ качествѣ судей, не остался безъ вліянія на дальнѣйшее употребленіе слова боярин. Среди громадной и довольно разномѣстной массы бояръ образовался небольшой кругокъ.

---

* При Грозномъ 1-го Сентября 1552 (7061) ихъ было 32, въ теченіи года вновь сказано-4; но къ концу царствованія осталось всего только 10. При Ѳедорѣ Ивановичѣ-18. Эта цифра удерживается и при Борисѣ. При вступленіи на царство Михаила Ѳедоровича-20; по боярскимъ книгамъ къ 1-му Сентябрю: 1627 и 1629 г.-21, 1640-29, 1668-27, 1676-23.

лицъ, облеченныхъ княжескимъ правомъ суда. Въ число этихъ судей, обыкновенно, назначались знаменитѣйшіе и богатѣйшіе люди. Титулъ ихъ тотъ же, бояре, но они существенно отличаются отъ остальныхъ бояръ правомъ княжескаго суда: это лучшіе бояре. Наименованіе „боярин" въ официальныхъ памятникахъ начинаетъ, поэтому, прилагаться къ нимъ; другіе же слуги получаютъ наименованіе отъ иныхъ должностей, къ отправленію которыхъ они, въ свою очередь, призываются. Но никакого указа, какъ думалъ И. Д. Бѣляевъ, о переименованіи старыхъ бояръ въ дворянъ не было издано ни Иваномъ Грознымъ, ни его преемниками. И потому даже въ памятникахъ XVII в. продолжаетъ иногда встрѣчаться титулъ боярина въ старомъ смыслѣ, въ приложеніи ко всѣмъ большимъ людямъ, а не однимъ только сказаннымъ боярамъ.

Званіе боярина въ этомъ новомъ смыслѣ дается и князьямъ. Послѣ образованія при дворѣ московскихъ государей этого новаго чиновнаго класса бояръ, князья не бояре перестаютъ занимать первое мѣсто среди слугъ московскихъ государей. На первомъ мѣстѣ всегда упоминаются бояре; князья же имѣютъ мѣсто не въ качествѣ потомковъ Рюрика или Гедимина, а по должности; они встрѣчаются, поэтому, и среди бояръ и среди другихъ низшихъ чиновъ.

Бояре-судьи въ первое время ихъ существованія не составляли коллегіи. Каждый изъ нихъ представлялъ полный судъ, и имѣлъ право вершить всякое дѣло. Но если встрѣчалъ затрудненіе, онъ докладывалъ государю (см. выше привед. уставъ и судн. грамоту)

Первое общее определение боярского суда находимъ въ судебникахъ. Бояре судятъ судъ царя и вел. князя. Они должны давать управу всякимъ челобитчикамъ во всякихъ дѣлахъ. Вел. князю докладываютъ они только въ томъ случаѣ, когда сами не найдутъ возможнымъ рѣшить дѣло. На неправое рѣшеніе бояръ стороны могутъ жаловаться вел. князю (Суд. 1497 ст. 2, 19; Цар. ст. 1-7). И по судебникамъ судные бояре не составляютъ коллегіи, каждый изъ нихъ составляетъ особый судъ. Составленіе судебниковъ относится къ тому времени, когда началось уже возникновеніе отдѣльныхъ вѣдомствъ управленія. Первый судебникъ говоритъ уже о людяхъ, которые приказаны кому либо въ вѣдомство. Боярскій, такимъ образомъ, кромѣ царскаго суда представляетъ изъ и спеціальный судъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ.

Другая новость конца XV в. состоитъ въ томъ, что бояре не одни судятъ подлежащій ихъ вѣдомству судъ, а вмѣстѣ съ дьякомъ. Этого требуютъ оба судебника. Это уже умаленіе той роли чиновнаго боярства, которая принадлежала ему до судебниковъ. Дьякъ, какъ увидимъ, не писецъ, не секретарь, не пассивный исполнитель приказаній боярина, а всегда членъ того учрежденія, въ составѣ котораго упоминается. Это умаленіе власти чиновнаго боярства совершенно въ духѣ общаго движенія нашей исторіи XV в., которая ведетъ къ образованію абсолютной власти московскихъ государей. Починъ этого возвышенія не именитыхъ людей, дьяковъ, на одинъ уровень съ боярами принадлежитъ вел. кн. Ивану Васильевичу, а не внуку его, какъ думаютъ потомки этого князя.

Бояре получают съ своего суда пошлину и весьма значительную. По первому судебнику она равняется 6% съ суммы иска; царский судебникъ увеличиваетъ ее до 11%. Если же дѣло рѣшал поединкомъ, боярин получалъ по первому судебнику сумму равную цѣнѣ иска. Второй судебникъ не повторяетъ этого правила, и можно думать, что оно вышло изъ употребленія, какъ вышли изъ употребленія самые поединки, хотя стороны и продолжаютъ еще предлагать поле. Шесть, а съ половины XVI в. одиннадцать % составляли весьма хорошее вознагражденіе боярь, въ руки которыхъ попадало большинство крупныхъ дѣлъ.

Въ Судебникахъ выраженіе „судъ боярскій" употребляется въ значеніи опредѣленнаго термина, хотя и нельзя сказать, что-бы этотъ терминъ всегда обозначалъ одно и тоже. Право „суда боярскаго" давалось, иногда и мѣстнымъ начальникамъ (намѣстникамъ и волостелямъ), которые не были возведены въ званіе введеныхъ бояръ. Оба судебника говорятъ о юрисдикціи намѣстниковъ и волостелей, которые „держатъ кормленія съ боярскимъ судомъ" и „безъ боярскаго суда". Юрисдикція первыхъ шире. Они вѣдаютъ, по первому Судебнику, и холопьи дѣла, т.е. могутъ постановлять рѣшенія объ отыскиваемыхъ свободу рабахъ и о бѣглыхъ; намѣстникамъ же и волостелямъ, которые держали кормленіе безъ боярскаго суда, это право не предоставлялось (20, 43). Второй Судебникъ съуживаетъ нѣсколько боярскій судъ кормленщиковъ. Они не рѣшаютъ уже холопьихъ дѣлъ безъ доклада, но могутъ утверждать сдѣлки частныхъ лицъ о посту-

ліи въ холопство (полныя и докладныя), что не было предоставлено кормленщикамъ безъ боярскаго суда (63. 66.)

Боярскій судъ кормленщиковъ второй половины XVI в. значительно уже разнится (уже) отъ суда бояръ введеныхъ. Можно, однако, думать, что эти двѣ юрисдикціи не совершенно совпадали и въ періодъ дѣйствія перваго судебника. Намѣстники съ боярскимъ судомъ, по всей вѣроятности, никогда не принимали докладовъ по дѣламъ лицъ, пользовавшихся привилегированной подсудностью предъ самимъ княземъ. Думаемъ такъ потому, что въ дѣлахъ этого рода челобитныя подавались самому князю и имъ назначались спеціальные судьи для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ; эти судьи привозили докладъ въ Москву къ князю, или состоявшему при немъ боярину, а не къ мѣстному начальнику. Итакъ понятіе боярскаго суда различно въ примѣненіи къ боярамъ введеннымъ и кормленщикамъ съ судомъ боярскимъ; по отношенію къ первымъ оно всегда шире. Эти различія и указанныя измѣненія во времени преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: централизацію, все стягивается по немногу къ Москвѣ.

Первоначальное назначеніе введеныхъ бояръ есть судъ и терминъ „судъ боярскій." Не смотря на это назначеніе введеныхъ бояръ, не подлежитъ сомнѣнію, что они до половины XVI в. не составляли судебной коллегіи. Каждый изъ бояръ, въ отдѣльности взятый, есть уже достаточный для рѣшенія всякаго рода дѣлъ судья; съ судебниковъ бояринъ судитъ вмѣстѣ съ дьякомъ.

Первое законодательное определение, устанавливающее судебную коллегию не старше половины XVII в. Оно находится въ Уложеніи, гдѣ читаемъ: "А спорныя дѣла, которыя въ приказѣхъ за чѣмъ вершити будетъ не можно, вносити въ докладъ къ Государю и къ его бояромъ, окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣлати всѣмъ вмѣстѣ." (X, 2).

Приведенная статья формулирована не совершенно точно и нуждается въ объясненіи. Она предписываетъ вносить дѣла въ докладъ государю и къ его бояромъ, какъ это понимаютъ. Доклады дѣлаются всегда государю и бояромъ вмѣстѣ. Едва ли. Это значило бы обязать государя всегда сидѣть вмѣстѣ съ боярами, что, конечно, невозможно. Смыслъ статьи такой: бояре и пр. составляютъ постоянное присутствіе, куда и вносятся дѣла изъ приказовъ. Это присутствіе рѣшаетъ ихъ, если не найдетъ затрудненія, въ случаѣ же затрудненія докладываетъ государю. Такъ именно понималась эта статья и практикой XVII в. На челобитьи Чудова монастыря сдѣлана такая помѣтка въ 1671 году: "мы, вел. государь, пожаловали велѣли то дѣло изъ Помѣстнаго приказа взять въ приказъ Уложской Чети и указъ учинити думному нашему дворянину Ивану Севастьяновичу Хитрово по Уложенію; а будетъ указъ учинити зачѣмъ не можно, и то дѣло вознесть къ бояромъ нашимъ." (Вед. Черов. № 134.) Бояре же поступаютъ такова, какъ прежде поступалъ введенный боярин; если можно, они рѣшаютъ сами, если находятъ затрудненіе, они докладываютъ царю.

Особенность нашего древняго законодательства состоялась то, что новыя общія мѣры приготовляются, обыкновенно, практикой и потомъ уже, послѣ того, какъ они нѣкоторое время практиковались, выражаются въ формѣ общаго предписанія и заносятся въ Судебники и въ Уложеніе. То-же было и съ постояннымъ присутствіемъ бояръ и другихъ чиновъ. Въ дѣйствительности оно существовало ранѣе Уложенія. Совѣтъ бояръ и другихъ чиновъ при особѣ государя, имѣетъ очень древнее происхожденіе. Но здѣсь рѣчь идетъ не объ этомъ совѣтѣ, а о высшей судной коллегіи. Происхожденіе ея весьма позднее. Оно не восходитъ далѣе первой половины XVII в. Любопытные документы, напечатанные еще въ 1863 г. проф. Владимірскимъ-Будановымъ и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не вышедшіе еще въ свѣтъ, даютъ возможность подтвердить нашу мысль.

Изъ напечатанныхъ тамъ судныхъ дѣлъ видно, что приказные судьи въ первой половинѣ XVII в. или рѣшаютъ дѣла сами, или докладываютъ ихъ непосредственно самому государю (№ 94, 97, 98, 100, 101, 105, 106, 110, 115, 118) Это старый порядокъ, имѣвшій мѣсто въ XVI в. и ранѣе. Продолжается онъ до Уложенія. Но рядомъ съ нимъ начинаетъ иногда практиковаться и другой порядокъ. Это видно изъ судного дѣла 1646 г., которое было ведено въ Московскомъ Судномъ приказѣ. Приказные бояринъ и дьякъ не нашли возможнымъ рѣшить дѣла сами, а приготовили дѣло въ докладъ. На докладной же ихъ выпискѣ читаемъ такую помѣтку: „указалъ государь и бояре приговорили." (№ 116) Государевъ указъ, значитъ, состоялся въ присутствіи

бояръ, которые тоже не нашли возможнымъ приговорить безъ доклада Государю. Судъ въ мѣстническихъ дѣлахъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича нерѣдко поручается боярамъ вообще (Двор. Розр. I ст. 118, 135, 138, 158, 177, 231; кн. Роз. I ст. 726), а не одному боярину съ дьякомъ, что тоже случается. (Двор. Роз. I ст. 576; кн. Роз. I 932, 1282). Путемъ этой новой практики и была подготовлена уже при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ постоянная судная коллегія, о которой и говоритъ Уложеніе. Но состоитъ она не изъ бояръ только, а изъ окольничихъ другихъ думныхъ чиновъ. Одни же бояре никогда не составляли судной коллегіи.

Находясь обыкновенно при князѣ, введеные бояре присутствуютъ при отправленіи имъ лично правосудія. Въ судныхъ спискахъ XVI в. и ранѣе всегда упоминаются лица, которыя находились при докладѣ князю спорнаго дѣла. Въ большинствѣ случаевъ это бояре, которымъ сказано боярство. Какая же ихъ роль на судѣ князя? Не можетъ подлежать сомнѣнію, что они не судятъ вмѣстѣ съ княземъ, а только помогаютъ ему судить, даютъ нужныя разъясненія. Если каждый боярин составлялъ достаточный судъ, тѣмъ болѣе князь. Но князь могъ не знать существующихъ обычаевъ и порядковъ. Бояре, предполагается всегда ихъ знаютъ и для разъясненія возможныхъ недоразумѣній князя они и присутствуютъ на его судѣ. Число, приглашаемыхъ къ докладу бояръ, весьма различно. Встрѣчаемъ трехъ, двухъ и даже одного. При одномъ боярин приглашается еще иногда, окольничій, а иногда и дьякъ (Ряд. Чел. № 34, 70, 74; Ал. Ю. № 4, 7, 12, 13, 17; Ал. до Ю. Б. № 52, III № 103, I)

Бывали случаи доклада и въ присутствіи „всѣхъ бояръ" (Собр. Чех. № 74) Это разнообразіе чина бояръ опять наводитъ на мысль, что и присутствующіе на судѣ князя бояре не составляли постоянной боярской коллегіи

Древнее время не знало специализаціи чиновъ. Хотя каждый чинъ возникалъ для удовлетворенія какой-либо опредѣленной потребности управленія; но лица, возведенныя въ этотъ чинъ, назначались и къ другимъ дѣламъ, въ силу того, конечно, что они пользовались довѣріемъ (царя) князя. Такъ точно и дѣятельность бояръ введеныхъ не ограничивается однимъ судомъ, а далеко выходитъ за предѣлы этого первоначальнаго ихъ назначенія.

Дѣятельность чиновныхъ бояръ чрезвычайно разнообразна. Она обнимаетъ все управленіе и проникаетъ даже въ домашнюю жизнь царя. Но во всѣхъ видахъ этой дѣятельности мы имѣемъ дѣло не съ постоянной коллегіей бояръ, а только съ отдѣльными боярами, призываемыми княземъ къ извѣстному дѣлу въ такомъ числѣ, какое ему нравится, и въ сообществѣ съ лицами другихъ чиновъ, если онъ найдетъ это нужнымъ.

Бояре призываются къ отправленію всѣхъ высшихъ должностей по военному и гражданскому управленію Они назначаются предводителями войскъ; имъ поручаются центральныя учрежденія - приказы; они же посылаются и для управленія областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ. Кромѣ этихъ постоянныхъ должностей, на бояръ возлагается исполненіе нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ порученій, вызываемыхъ временными и преходящими условіями государ-

ственной жизни. Въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ пословъ, они ведутъ съ ними переговоры; въ случаѣ выѣзда государя изъ Москвы, что случалось нерѣдко, они оставляются въ Москвѣ въ качествѣ временныхъ представителей отсутствующей центральной власти.

Находящіеся при дворѣ Московскаго государя бояре принимаютъ участіе во всѣхъ торжественныхъ событіяхъ двора и составляютъ въ этихъ случаяхъ блистательную обстановку царя. Они сидятъ въ золотомъ платьѣ подлѣ государя при пріемѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ. Въ торжественные выѣзды государей, когда они жаловали людей разныхъ чиновъ къ рукѣ, подлѣ государя также стояли бояре, а одинъ изъ нихъ подсерживалъ руку, которую царь давалъ цѣловать. Во время вѣнчанія государей на царство бояре стояли на „чертежномъ мѣстѣ", особомъ возвышеніи въ 12 ступеней, приготовляемомъ въ Успенскомъ соборѣ для совершенія обряда вѣнчанія. Бояре сопровождаютъ государя въ его поѣздкахъ по монастырямъ, загороднымъ дворамъ, производятъ смотры служилымъ людямъ и пр.

Какъ лица, пользующіеся довѣріемъ государей, они назначаются воспитателями царевичей и сосѣдятъ при нихъ „дядьками"; жены ихъ назначаются къ царскимъ дѣтямъ „мамами." При совершеніи обряда вѣнчанія на царство бояре-дядьки ведутъ подъ правую руку наслѣдника престола въ церковь.

Но не одни малолѣтніе царевичи нуждаются въ особой заботливости бояръ, въ ней нуждается сама государыня въ случаѣ временныхъ отлучекъ государя супруга-государя изъ Москвы. Для охраны ея на время отсутствія государя всегда назначается

особый боярин. Это делается даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государь выходитъ изъ дворца для посѣщенія городскихъ монастырей въ самой Москвѣ, или къ обѣднѣ въ Соборную Успенскую церковь.

Чиновные бояре не всѣ находились въ одинаковой степени близости къ государю. Назначеніе въ бояре зависѣло не отъ одного только усмотрѣнія князя, но условливалось въ извѣстной степени отеческой честью служилаго человѣка; близость же къ князю исключительно зависѣла отъ степени личнаго расположенія государя къ боярину. Въ силу этого уже въ XVI в., а можетъ быть и ранѣе, среди чиновныхъ бояръ образовалось различіе: они распались на бояръ ближнихъ и просто бояръ. Ближніе бояре въ силу болѣе интимныхъ ихъ отношеній къ государю и права свободнаго доступа къ его особѣ, называются еще комнатными боярами.*

Въ 1674 г. Патріархъ Іоакимъ наложилъ запрещеніе на духовника государя и любимца его, бла

---

*Приведемъ два мѣста источниковъ, объясняющихъ значеніе слова ближній человѣкъ. Александро-невская лѣтопись говоритъ, что царь Иванъ, узнавъ о неправдахъ княгини Евфросиньи и сына ея Владиміра Андреевича, велѣлъ быть у Влад. Андр. своимъ боярамъ.... его же бояръ,.... которые при немъ близко жили, взялъ на свое имя...." (182) Тотъ же царь далъ такой наказъ своему гонцу въ Литву на случай, если его будутъ спрашивать объ опричнинѣ: опричнины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ и которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ живутъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ го-

говѣщенскаго протопопа, Андрея Сѣнковича. Хотя протопопъ и не отличался святостью жизни, но царь былъ очень огорченъ распоряженіемъ Патріарха. Онъ пригласилъ его къ себѣ во дворецъ, встрѣтилъ на крыльцѣ и провелъ къ себѣ въ комнату. Здѣсь началось совѣщаніе о протопопѣ. Кромѣ царя и патріарха въ комнатѣ были только близкіе бояре, кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. (Двор. Роз. IV, ст. 1155).

Когда царь предпринималъ какую либо поѣздку изъ Москвы, рядомъ съ нимъ въ каретѣ садились комнатные бояре; а бояре просто гдѣ-нибудь сзади. Въ случаѣ болѣзни государя, близкіе бояре подавали ему лѣкарство.

Наконецъ, бояре призываются въ думу царя. Этой дѣятельности совѣтниковъ царскихъ мы посвятимъ особый очеркъ.

Близость къ государю давала, конечно, важныя преимущества, по половицѣ: „близъ царя, близъ милости;" но различіе близкихъ и просто бояръ было дѣло частное, домашней жизни, а не публичное, офиціальное. Составители разрядныхъ книгъ знали близкихъ бояръ и, при случаѣ, они называютъ ихъ по именамъ, но въ это званіе бояре не возводятся, „близость" или „комната" не „сказываются", а пріобрѣтаются самымъ дѣломъ. Имена бояръ, которые называются въ Дворцовыхъ Разрядахъ близкими, встрѣчаются и въ Новиковской выпискѣ изъ боярскихъ книгъ, но безъ титула ближній, или комнатный. Находимъ ихъ и въ офиціальныхъ книгахъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Мин. Юстиціи, но такъ же

безъ титула ближнимъ. „Близость", составляя естественное послѣдствіе личнаго расположенія государя къ боярину, не состоитъ ни въ какой связи со старшинствомъ боярской службы и съ знатностью породы. Старые бояре Алексѣя Михайловича, Петръ Вас. Шереметевъ и кн. Иванъ Борисов. Репнинъ, въ 1675 г. не были близкими, а сравнительно молодые, Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ и Артамонъ Сергѣев. Матвѣевъ, были ими.

Завѣтная мысль каждаго боярина, въ XVII в. по крайней мѣрѣ, сдѣлаться ближнимъ, комнатнымъ боярином. Достоинство человѣка опредѣлялося въ Москвѣ близостью къ царю. Удаленіе отъ царя разсматривается, какъ наказаніе, хотя бы оно послѣдовало въ почетной формѣ назначенія на одно изъ воеводствъ.

20 Декабря 1674 г. боярину, кн. Алексѣю Андреевичу Голицыну, было сказано въ воеводы въ Кіевъ. До этого назначенія кн. Голицынъ былъ комнатнымъ боярином, и ѣздилъ съ царемъ въ каретѣ, сидя по лѣвую руку (Двор. Роз. III, стр. 1099 по правую сидѣлъ кн. Иванъ Алексѣев. Воротынскій.)

Кіевское воеводство представлялось ему далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Онъ увидалъ въ этомъ назначеніи государеву опалу и при „сказкѣ", глазовъ на свою прежнюю вѣрную службу, объявилъ, что если за нимъ есть какая вина, пусть бы государь приказалъ ему объ этомъ сказать, что бы вина его была всѣмъ вѣдома: ему лучше понести заслуженное наказаніе, хотя бы и самую смерть, чѣмъ терпѣть царскую немилость безъ всякой вины. — Но насильно милъ не будешь. За непослушаніе „великій государь

на него боярина гнѣвъ свой и опалу положилъ положилъ и съ дѣтьми; и велѣлъ послать тайныхъ дѣлъ дьяку, Даніилу Полянскому, подъячего къ нему на дворъ: и не указано ему, боярину, до указа вел. государя, со двора съѣзжать и дѣтямъ его тожъ не велѣно съ двора съѣзжать и при своей государской милости быти и у государя царевича" (Двор. Розр. III, стр. 1144 гл)

Все вырабатываемое придворной жизнью, хотя бы и въ области интимныхъ отношеній, имѣетъ наклонность къ переходу на официальную почву. Это случилось и съ близкими боярами. Въ самомъ концѣ XVII в., при послѣднемъ московскомъ царѣ Өедорѣ Алексѣев, комнатное боярство начинаетъ уже сказываться, какъ особый чинъ. Первое такое извѣстіе находимъ въ Розр. книгѣ 1682 г. (напечатана у Солов. XIV, 391.) 16 Апрѣля пожаловалъ вел. государь въ комнату боярина, кн. Ивана Андреевича Хован-скаго.

Но вмѣстѣ съ этимъ близкое боярство должно было утратить искренность своего первоначальнаго интимнаго характера, когда оно не сказывалось "официально, на крыльцѣ при свидѣтеляхъ, а являлось естественнымъ послѣдствіемъ взаимнаго расположенія. На близкомъ боярствѣ только повторилась исторія введеныхъ бояръ. Введеными, первоначально, были дѣлались только близкіе люди. Но когда потребности государства довели ихъ число до нѣсколькихъ десятковъ, среди нихъ обособляется нѣкоторый болѣе тѣсный кружокъ людей подъ именемъ близкихъ; въ концѣ XVII в. и эти близкіе получаютъ, въ свою очередь, только формальное значеніе. Для дѣйствительно

ря близкимъ приходилось изобрѣтать новый титулъ. Онъ и изобрѣтался по мѣрѣ надобности. Князь Василій Вас. Голицынъ, стоявшій такъ близко къ царевнѣ Софіи, именуется „боярином и обладателемъ" (Бояр. кн. 1686 г.).

Чиновное боярство жалуется государями. Само собой разумѣется, что больной случайный человѣкъ могъ не принять такого пожалованія, а разъ принявши, могъ впослѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, отказываться отъ него. Но вопросъ о пріобрѣтеніи и сложеніи боярскаго званія едва ли когда имѣлъ у насъ большое практическое значеніе. Приближеніе къ князю, за которымъ слѣдовали всякія милости открывало такія радужныя перспективы служилымъ людямъ, что трудно предполагать съ ихъ стороны какое либо упорство при открывшейся возможности переступить порогъ княжескаго двора. Случаи выхода изъ боярства встрѣчаются даже въ XVII в., когда о свободѣ службы и помину не было, но они всегда объясняются какими либо чрезвычайными обстоятельствами: отвращеніемъ отъ мірской скуки и поступленіемъ въ монашество, или, какъ при Иванѣ Грозномъ, опасеніемъ сдѣлаться безъ вины виноватымъ; выбытіе изъ боярства въ этомъ послѣднемъ случаѣ сопровождалось бѣгствомъ въ Литву.

Въ напечатанной Новиковымъ выпискѣ изъ боярскихъ книгъ, противъ именъ нѣкоторыхъ бояръ дѣлается такая помѣта: „выбылъ", т. е. выбылъ изъ боярскаго званія. Но подъ этимъ терминомъ никакъ нельзя понимать одно только добровольное оставленіе боярскаго званія. Составители боярскихъ книгъ скрыли подъ нимъ самыя разнообразныя причины выхода изъ боярства,

большинство которыхъ они изъ почтенія, можетъ быть, къ боярскому званію, не рѣшались называть собственнымъ именемъ. Случалось, что бояре навлекали на себя царскую опалу и изъ высшей ступени государственныхъ почестей переходили на лобное мѣсто. О такихъ боярахъ тоже пишется, что они выбыли изъ боярства.

Въ 1471 году вел. кн. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ въ бояре Дмитрія Ивановича Горецкаго, сына Марѳы Горецкой. Въ этомъ же году началось въ Новгородѣ движеніе въ пользу признанія власти короля польскаго и вел. кн. Литовскаго Казимира. Въ немъ принялъ участіе и новопожалованный боярин. Московскій вел. князь разбилъ новгородскія войска и удержалъ Новгородъ за собой. Горецкій былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Въ боярской же книгѣ слѣдующаго года отмѣчено: „выбылъ боярин Дмитрій Иван. Горецкой." Кн. Иванъ Ѳедоровичъ Овчина Телепневъ Оболенскій, любимецъ вел. княгини Елены, былъ убитъ безъ суда своими политическими противниками, а въ боярской книгѣ слѣдующаго года отмѣчено „выбылъ". Паденіе кн. Ив. Ѳедоровича Бѣльскаго отмѣчено тѣмъ же многознаменательнымъ „выбылъ". Эта официальная стыдливость, скрывающая отъ потомства варварскую расправу съ боярами, продолжается у насъ и въ XVII в. Въ книгѣ 1634 г. противъ имени боярина Михаила Борисовича Шеина отмѣчено „выбылъ", а 2-го Марта того же года онъ находился уже подъ слѣдствіемъ, которое привело его къ смертной казни.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что государи, ѣдалуя боярство, могли и лишать этого зва-

ния. Уложеніе установляетъ даже спеціальное наказаніе, отнятіе чести "за преступленіе по должности: чести лишался боярин-судья, который по недружбѣ или послушь обвинитъ правого, а виноватого оправитъ (X, 5). Въ 1658 г. честь была отнята у боярина и дворецкаго Никиты Алексѣевича Зюзина (Нов. XX, 103.)

Чиновные бояре награждались всѣми тѣми милостями, и пожалованіями, которыя, обыкновенно, выпадали на долю служилыхъ людей, но, конечно, въ большей мѣрѣ. Кромѣ того, имъ назначалось еще особое денежное жалованье. Наименьшій размѣръ боярскаго жалованья составлялъ, казалося, окладъ въ 300 р.; впослѣдствіи, по мѣрѣ заслугъ, онъ увеличивался и достигалъ до 1000 р. и болѣе. Но опредѣленныхъ боярскихъ штатовъ не было. Назначеніе жалованья всякій разъ зависѣло отъ усмотрѣнія государя. Вновь сказанному боярину онъ могъ назначить не 300, а 400 р., а могъ и ничего не назначить. Точно также отъ усмотрѣнія государя зависѣли и прибавки къ жалованью. Старый боярин, поэтому, могъ получать меньше молодого, но болѣе взысканнаго милостями государя*

* По книгамъ 1627 (7135) г. кн. Влад. Тимоѳѣев. Долгорукій получалъ 300 р., бояриномъ же онъ былъ сдѣланъ въ 1607 г. Болѣе его получали въ тотъ же годъ младшіе по старшинству назначенія бояре: Черкасскій Ив. Борис. (б. съ 1613 г.) – 600 р., Пожарскій Дмитрій Михаил. и Сицкій Алексѣй Юрьевичъ (оба съ 1615 г.) – по 400 р.; Салтыковъ же Юрій Елисеевичъ, имѣя сверстникъ, – не имѣлъ никакого оклада. Морозовы, Борисъ Иванов. и Иванъ Васильев., оба пожалованы въ бояре въ 1634 г.

Первый въ 1640 г. имѣлъ уже боярскій окладъ въ 500 р., а второй былъ еще верстанъ боярскимъ окладомъ и противъ его имени прописано старое содержаніе стольника. Кн. Никита Иван. Одоевскій въ 167[illegible] г. получалъ 130 р., да потомъ получилъ въ два раза по 100 р. прибавки; по книгамъ 1686 г. онъ получалъ 1150 р. По книгамъ 1686 г. боярин и оружничій Петръ Шереметевъ получалъ 1040 р., боярин и оберегатель кн. Василій Васильевичъ Голицынъ 850 р. За вѣчный миръ съ Польскимъ королемъ первый получилъ 100 р. рядовой придачи, а второй за службу и за миръ съ Польскимъ королемъ 250 р., да рядовой придачи за тотъ же миръ 100 р. (Моск. Арх. Мин. Юстиціи.)

Понятіе о чинѣ въ Московскомъ государствѣ не тождественно съ современнымъ о немъ понятіемъ. Въ старину слово „чинъ" употреблялось въ очень широкомъ смыслѣ. Оно не исчерпывалось кругомъ служилыхъ людей, а прилагалось ко всѣмъ лицамъ, несущимъ какія-либо государственныя обязанности. Въ этомъ смыслѣ люди посадскіе, крестьяне и др. были также чинами. Только рабы не составляли чина. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слово чинъ примѣняется для обозначенія разныхъ разрядовъ служилыхъ людей. Это - служебные чины. Мы займемся исключительно разсмотрѣніемъ послѣднихъ.

Въ Москвѣ, какъ и въ наше время, существовали какъ высшіе, такъ и низшіе чины, по правильной послѣдовательности, опредѣленной лѣстницы, подобно нашему дѣленію на классы, между тогдашними чинами не было. Обыкновенно подъ чиномъ разумѣлась какая-либо должность, отъ которой чинъ и получалъ свое наименованіе. Первый, высшій чинъ въ Московскомъ государствѣ составляли „введеные бояре", о которыхъ было подробно сказано въ прошломъ году.

Лучшіе люди, землевладѣльцы, въ Московское время носили наименованіе „бояръ". Изъ среды ихъ возникалъ и первый чинъ, получившій названіе „введеного боярина" въ отличіе отъ простого „боярина". Первоначальное назначеніе этой должности состояло въ производствѣ суда; но, будучи по преимуществу судо-

ями, введенные бояре несли и другія обязанности, возлагавшіяся на нихъ по усмотрѣнію государя.

Московскіе государи производили въ этотъ чинъ не произвольно, а сообразуясь какъ съ личными заслугами даннаго лица, такъ и съ достоинствомъ его боярскаго рода. Котошихинъ* въ книгѣ своей „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича" перечисляетъ сначала важнѣйшіе роды бояръ, которые бывали только въ самыхъ высшихъ чинахъ, а затѣмъ приводитъ боярскіе роды поменьше. Но у насъ есть и другіе источники по этому предмету. Для времени до Котошихина важенъ списокъ бояръ, отпечатанный въ „Древней Россійской Вивліоѳикѣ" Новикова, 2-е изданіе, въ 20 томѣ. Но онъ напечатанъ въ нѣсколько измѣненномъ и сокращенномъ противъ оригинала видѣ, почему проф. Ключевскій и относится къ нему съ недовѣріемъ. Списокъ, напечатанный у Новикова, начинается съ 1462 г.; подъ каждымъ годомъ показано, кто назначенъ въ бояре и кто выбылъ. Списокъ доводится до 1676 года. Въ годы вступленія на царство новыхъ государей всѣ наличные бояре перечисляются поименно. Такимъ образомъ списокъ Новикова очень возможно восполнить. Въ предисловіи къ списку Новиковъ говоритъ: „Послужебникъ списокъ старинныхъ бояръ и дворецкихъ, окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновъ, со-

* Котошихинъ былъ подьячій, бѣжавшій въ Польшу, а потомъ перебравшійся въ Швецію, гдѣ и написалъ вышеназванное сочиненіе, которое служитъ для насъ матеріаломъ для изслѣдованій общественнаго быта Россіи въ XVII вѣкѣ.

6972 по 7184 годъ, и такъ чрезъ 214 лѣтъ продолжающійся, изъ полнаго.... сокращенъ такимъ образомъ, что изъ сего сокращенія, есть ли кто пожелаетъ, самой тотъ полной удобно возстановить и вновь сочинить можетъ."

Кромѣ этого источника, имѣется еще другой - рукописный, оффиціальный. Это - подлинныя „боярскія книги", находящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Ихъ всѣхъ 12. Первая книга 1627 г., послѣдняя 1692 года. Другой рядъ документовъ носитъ названіе „боярскихъ списковъ." Ихъ всѣхъ 60 и начинаются съ 1668 года. И тѣ, и другіе документы представляютъ списки не только бояръ, но и другихъ чиновъ. Но въ самомъ веденіи книгъ и списковъ есть разница. Въ книгахъ показано содержаніе, получаемое чинами, а въ спискахъ этого нѣтъ. Ивановымъ составленъ алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ, который значительно облегчаетъ пользованіе ими. Съ помощію этихъ источниковъ можно провѣрить свѣдѣнія, сообщаемыя Котошихинымъ.

Вотъ фамиліи, приводимыя Котошихинымъ. Назначались только въ бояре: князья Черкасскіе, Трубецкіе, Воротынскіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы (возвысились въ XVII ст., а въ XVI назначались и въ окольничіе), Шереметевы (тоже), Одоевскіе, Пронскіе, Шеины (тоже), Салтыкова (тоже), Рѣпнины, Прозоровскіе (тоже), Буйносовы, Урусовы (тоже), Хилковы, Урусовы (даже въ XVII назначались въ окольничіе). Замѣтки, сдѣланныя въ скобкахъ, составлены на основаніи данныхъ Новиковскаго списка. Онѣ показываютъ,

что фамилии, относимыя Карамзинымъ къ высшимъ, не были таковыми въ XVI в. Наоборотъ, у Новикова можно найти нѣсколько фамилій, главы которыхъ назначались только въ чинъ бояръ, а Карамзину онѣ вовсе не извѣстны. Это значитъ, что фамиліи эти къ его времени захудали или вымерли. Это будутъ: Бороздинскіе, князья Булгаковы, Воронцовъ-Вельяминовскіе, князья Горбатые, Микулинскіе, Патрикѣевы, Колтовскіе, Челядниновы и нѣкот. другіе.

Слѣдующій чинъ - дворецкій. Но нельзя сказать, чтобы всякій дворецкій былъ непремѣнно боярина. Въ памятникахъ обыкновенно называется „дворскій" или „дворьскій", а также и „дворецкій". Такой чинъ могъ быть у всякаго состоятельнаго господина. Онъ завѣдывалъ дворомъ, дворомъ, отсюда и получилъ свое названіе. Самое древнѣйшее упоминаніе о дворецкомъ относится къ концу XII вѣка. Именно въ первый разъ употребленно это наименованіе въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1171 годомъ (дворскій Олеха). Въ Никоновской лѣтописи, правда, еще подъ 1097 годомъ встрѣчается слово „дворскій". Но это, кажется, ошибка писца. Слово „дворскій" употребленно здѣсь для объясненія непонятнаго писцомъ слова „дѣтскій" (дѣтскій сирѣчь дворскій).

Изъ памятниковъ болѣе поздняго времени видно, что дворецкій вѣдаетъ не только княжескій дворъ, но также княжескіе доходы и разныя хозяйственныя статьи (Акты экспедиціи, томъ I, № 222) и управляетъ недви-

жимыми имуществами (тамъ же № 169). Дворецкій, натурально, вѣдаетъ всѣхъ слугъ, живущихъ во дворѣ князя. Онъ — начальникъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ подчиненнаго ему дворцоваго вѣдомства.

Въ завѣщаніи Серпуховскаго князя Владиміра Андреевича (Рум. Собр. I, № 40, 1450 г.) находится перечисленіе дворцовыхъ чиновъ, состоявшихъ подъ дворецкимъ. Здѣсь упоминаются: „бортники," вѣдавшіе „борти" — пчельники, „садовники," „псари," „бобровники," „бараши" (съ персидскаго фэррашъ), вѣдавшіе шатры и все, относившееся къ нимъ, какъ-то: войлоки, ковры и т. п., и, наконецъ, „дѣлюи" или „делюи", значеніе которыхъ остается неизвѣстнымъ. Къ этому перечню изъ другихъ памятниковъ можно прибавить: ключниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ, сытниковъ, ловчихъ, стрѣлковъ, сокольниковъ, подлазчиковъ, рыболововъ, подледчиковъ, неводчиковъ, конюховъ, дьяковъ и всякихъ другихъ „приспѣшниковъ".

До XVII вѣка всѣ перечисленные чины находились въ исключительномъ вѣдѣніи дворскаго; но, съ развитіемъ Московскаго государства, составъ дворцоваго вѣдомства осложняется, и рядомъ съ дворскимъ возникаютъ чины, раздѣляющіе съ нимъ власть надъ нѣкоторыми дворцовыми слугами, какъ напримѣръ, конюшіе — надъ конюхами. Равнымъ образомъ и число низшихъ дворцовыхъ чиновъ увеличивается.

Всѣ эти мелкіе чины находились въ осо-

бенномъ положеніи; назначенные для охоты, рыбной ловли, пчеловодства и т.д., они разселялись въ удобныхъ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ ихъ занятіямъ: псари, сокольники и т.п. должны были заботиться о разведеніи собакъ, соколовъ, кречетовъ и т.д.; рыбники селились близъ рѣкъ и озеръ, изобилующихъ рыбой; бортники - гдѣ было возможно разведеніе пчелъ и пр.

Но всѣ эти люди, будучи свободными (иногда бывали и рабы), жили не на своихъ земляхъ, а на земляхъ княжескихъ. Это выражено въ грамотѣ Владиміра Андреевича, по которой, они лишаются этихъ земель и угодьевъ, если вздумаютъ оставить княжескую службу. Въ этомъ заключалось существенное различіе этихъ чиновъ отъ высшаго разряда вольныхъ слугъ, которые, съ оставленіемъ службы и даже съ переходомъ къ другому князю, какъ мы видѣли, не теряли своихъ земель. Эта черта сохранилась и въ XVII в.

Котошихинъ говоритъ: „и съ нихъ (съ торговыхъ и ремесленныхъ людей) подати берутъ противъ того жъ, что и с-ыныхъ посадцкихъ людей, да и они жъ повинни работать всякія дѣла на царскомъ дворѣ, что прилучится, безденежно." (стр. 99, гл. VII, 4). Такимъ образомъ они отбываютъ подати, что и посадскіе люди, + работу. За что же эти люди, кромѣ повинностей, обязаны еще работой? За то, что они живутъ въ княжескихъ дворахъ и пользуются княжескими землями и угодьями.

Но этимъ не ограничиваются права и обязанности этихъ нисшихъ дворовыхъ слугъ князя. При устройствѣ гдѣ-либо княжеской охоты или рыбной ловли привлекалось къ содѣйствію и все окружное мѣстное населеніе. Въ этомъ случаѣ мѣстные жители призывались обыкновенно нисшими дворовыми чинами, которые и слѣдили за ихъ работами. Точно также конюхи, заботясь о содержаніи княжескихъ лошадей, отправляются въ мѣстности, гдѣ есть княжескіе луга, и слѣдуетъ за уборкой сѣна, которая лежала на обязанности мѣстныхъ крестьянъ. Находясь въ главномъ вѣдѣніи дворскаго или конюшаго, они, слѣдовательно, сами являются чинами, имѣющими извѣстную власть, начальствомъ. Это доказывается сохранившимися грамотами, содержащими въ себѣ жалобы на ихъ злоупотребленія.

Съ присоединеніемъ къ Москвѣ другихъ княжествъ и областей постепенно увеличивалось число княжескихъ дворовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и число дворецкихъ. Такъ образовались: Большой Московскій дворецкій, Тверской, Новгородскій и т.д. Это-старшіе дворцовые чины, а подъ ними есть еще дворскіе, сидящіе въ небольшихъ городахъ, селахъ и деревняхъ. Итакъ дворецкій — большой чинъ, а дворскій — малый. Большой дворецкій судитъ подвластныхъ ему лицъ, а дворскіе только присутствуютъ на судѣ.

Какое отношение дворецкаго къ введеннымъ боярамъ? Трудно опредѣлить, кто выше-дворецкій или боярин. Положеніе того и другаго одинаково высоко. Какъ боярин могъ быть назначенъ въ дворецкіе, такъ и наоборотъ - изъ дворецкихъ могло было попасть въ бояре. Одно званіе не мѣшало другому. Вотъ фамиліи, которыя встрѣчаются въ должности дворецкихъ: Кутузовы, князья Долгорукіе, Кубенскіе, Куракины, Пронскіе, Оболенскіе, Сабуровы, Салтыковъ, Хованскій, Телятевскіе, Шереметьевы, Хорвевы.

Въ XVII вѣкѣ дворецкіе играли особую роль при торжественныхъ выходахъ князей, при пріемѣ иностранныхъ пословъ, на обѣдахъ. Дворецкій сидѣлъ за особымъ поставцемъ (родъ буфета) и долженъ былъ пробовать кушанья, подававшіяся царю. Процедура отвѣдыванья кушаній была довольно сложная. Прежде всего кушанье пробовалъ поваръ, въ присутствіи дворецкаго, а потомъ уже дворецкій, передававшій затѣмъ блюдо стольнику, который долженъ былъ нести его на царскій столъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ прочимъ чинамъ, надо разсмотрѣть слово „путь". Это слово и теперь употребляется въ смыслѣ путь-дорога. Путь уже дорога есть нѣчто упорядоченное, удобное для движенья. Отсюда „непутёвый", т.е. негодный, некорошій; такъ говорятъ: „будетъ ли въ немъ путь", т.е. проч что либо хорошее. Такимъ образомъ слово

„путь" означаетъ удобство, выгоду, пользу. Въ древнихъ памятникахъ ~~смыслъ~~ слово „путь" встрѣчается въ значеніи порядка, а также обычая. Такъ въ одномъ документѣ XVII вѣка (Ѳед. Чех., II) читаемъ: „и та деревня по старому пути словетъ Бороздинскою". Здѣсь выраженіе „старый путь" равносильно выраженію: установившееся употребленіе, т.е. принятый порядокъ, обычное наименованіе. Кромѣ этого терминъ „путь" обозначаетъ административный округъ, волость. Такъ въ одной грамотѣ (Акт. Эксп. №48) князь говоритъ начальнику волости: „предоставляю пріимати тебѣ крестьянъ въ волость твою, въ твой путь". Здѣсь волость названа путемъ. Далѣе, путь можетъ означать самую должность и сопряженныя съ нею выгоды. Такъ въ одной грамотѣ жалуется „дворчество съ путемъ": „а въ путь пожаловано ему всякихъ дворецкихъ доходовъ половина". Такимъ образомъ путь есть должность, а также и доходъ. Путь означаетъ еще право. Въ одной льготной грамотѣ (Акты Юрид. №175) сказано: .... „а отдали ему (участокъ земли) съ путики, и съ ловищи, и езовищи (езъ - или язъ - колья для ловли рыбы), и со всѣми угодьями." (Путикъ и теперь означаетъ проторенный слѣдъ для ловли звѣря, а также приспособленія къ ней и самый участокъ, на которомъ происходитъ ловля). Далѣе въ грамотѣ говорится: „Да въ томъ ему и путь дали". Затѣмъ идутъ подписи послуховъ,

и наконецъ писца: „А путь писалъ (такой-то)". Такимъ образомъ самая грамота есть путь и право, которое дается грамотой, также путь. Въ духовныхъ Василія Дмитріевича и другихъ князей часто употребляется выраженіе „волости съ путьми и селами", т.е. съ доходами. Наконецъ, встрѣчаемся и съ видами путей: сокольничій путь, ловчій, рыбный и др. Т.е. подъ путемъ разумѣется самое поселеніе извѣстнаго рода дворцовыхъ слугъ. Итакъ путемъ можетъ быть названа цѣлая деревня. „Ты коси по конюшій путь;" здѣсь путь въ смыслѣ границы. Путемъ, въ смыслѣ выгоды, называется всякое преимущество. Такъ „князю дается на старѣйшій путь" какой либо лишній доходъ или лишняя волость. Здѣсь „старѣйшій путь" означаетъ преимущество князя. Сыновья Ивана Калиты заключили договоръ, по которому въ пользу старшаго брата Семена, „на старѣйшій путь", отказались отъ сокольничаго и конюшеннаго пути.

Итакъ сокольничій, ловчій и конюшенный путь и пр. суть статьи княжескаго (рода) имущества. Нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ организаціи даетъ Котошихинъ. Къ ловчему пути вообще относилась всякая охота: ловля птицъ, ловля рыбы и охота на звѣрей. Соколиная охота въ частности составляла особый сокольничій путь. Въ XVII вѣкѣ онъ состоялъ въ вѣдѣніи Приказа Тайныхъ Дѣлъ, и въ Москвѣ для него былъ устроенъ цѣлый потѣшный дворъ, въ которомъ числилось до

100 сокольниковъ. Они пользовались почетомъ и получали жалованье, поместья и вотчины. Кроме того какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, а также въ Сибири, было до 100 кречетниковъ, обязанность ихъ состояла въ доставленіи ловчихъ птицъ. Для голубей, которые были нужны для прокормленія ловчихъ птицъ, былъ устроенъ въ Москвѣ особый дворъ. (Котош., гл. VII, 1.) Подъ ловчимъ же путемъ разумѣлась и охота на всякаго звѣря. Для этого подъ Москвою были отведены особыя рощи и въ нихъ устроены дворы, въ которыхъ помѣщалось до 100 псарей и охотничьихъ собакъ. Конюшій путь въ XVII в. находился въ вѣдѣніи Конюшеннаго Приказа (Котош., VI, 6). Конюшій путь, какъ показываетъ самое названіе, состоялъ въ разведеніи и содержаніи лошадей. Въ Москвѣ вѣдомство этого пути было громадныхъ размѣровъ; къ нему были приписаны цѣлыя деревни и въ немъ содержалось болѣе 40,000 лошадей.

Съ теченіемъ времени число дворовыхъ слугъ княжескихъ увеличилось до того, что служба многихъ изъ нихъ оказалась лишней, и потому такіе слуги ставились въ иное положеніе: они уже спеціальной своей службы не несли, а только платили князю оброкъ, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ и даже пользуясь извѣстными льготами. Такъ есть грамота Василія Ивановича Галицкимъ рыболовамъ, которою пожалованы Галицкое озеро, гдѣ они прежде ловили рыбу на дворецъ, съ тѣмъ, чтобы они платили

князю оброку 12 руб. 50 коп. въ годъ. Также грамота Переяславскимъ сокольникамъ. Въ Переяславлѣ было 20 сокольниковъ мужчинъ и 4 вдовы, и всѣ они уже оставили соколиную охоту, а занимались сапожнымъ ремесломъ и торговлею - печеніемъ хлѣба на продажу. Грамотой дается имъ привиллегированный судъ: они освобождаются отъ суда намѣстника и подчиняются суду великаго князя или сокольничаго. Такимъ образомъ существовала разница между дѣйствительными и уже неслужащими дворцовыми низшими чинами. Послѣдніе, какъ бы въ награду за прежнюю свою службу, оставались въ непосредственномъ вѣдомствѣ царя и, пользуясь разными преимуществами, удерживали за собой и прежнія свои наименованія.

Въ связи съ путями стоитъ терминъ „путные бояре." Карамзинъ ставитъ ихъ въ связи съ путемъ - дорогою и видитъ въ нихъ людей, которымъ жаловались земли съ правомъ собирать пошлины при дорогахъ. Соловьевъ же, принимая путь въ смыслѣ дохода, думаетъ, что путные бояре завѣдывали доходами, вѣдали разныя княжескія доходныя статьи - разные пути; и потому они суть придворные чины - конюшій, ловчій, сокольничій и т.д. Наше мнѣніе: путный бояринъ - это человѣкъ, имѣющій вообще доходное мѣсто, доходную должность. Путные бояре стоятъ рядомъ съ кормленщиками. На это есть указаніе еще отъ XIV вѣка. Такъ въ Румянц. Собр., т. I, № 33, читаемъ: „а если мнѣ придется взять

дань на своихъ на большихъ и на путныхъ боярехъ; ино мнѣ взять по кормленіемъ и по путемъ." Здѣсь путь такой же доходъ путнаго боярина, какъ кормленіе доходъ кормленщика. Что же касается лицъ, вѣдавшихъ пути ловчій, конюшій, сокольничій и т. д., то онѣ, вѣроятно, были ниже путныхъ бояръ.

Но съ XVI вѣка конюшенный путь возвышается; въ конюшенномъ вѣдомствѣ появляется особый Конюшенный Приказъ, во главѣ котораго стоитъ самый важный бояринъ - конюшій. Подъ нимъ находятся „столповые прикащики," которые заботятся о цѣлости конюшеннаго имущества, принимаютъ и раздаютъ овесъ и сѣно и надзираютъ за содержаніемъ лошадей; при выѣздахъ царя, они ѣдутъ передъ его лошадьми „для береженья." Ихъ всего человѣкъ 15ть. Затѣмъ слѣдуютъ „стремянные конюхи." Эти ѣздятъ позади царя, принимаютъ изъ подъ него коня и, стоя у стремени, подаютъ коня царю. Они „днюютъ и ночюютъ на Конюшня." Ихъ всего человѣкъ 50тъ. Далѣе „задворные конюхи." Это - товарищи столповыхъ прикащиковъ, а потому и обязанности ихъ тѣже, что и обязанности послѣднихъ съ тою только разницею, что они не ѣздятъ впереди князя, а носятъ „покровецъ," которымъ покрываютъ лошадей для царя. Задворныхъ конюховъ было около 40 человѣкъ. Были еще „стряпчіе конюхи." Названіе ихъ происходитъ отъ слова стряпать, дѣлать что-либо. Они кормятъ и поятъ лошадей, чистятъ ихъ, сбрую и экипажи. Всѣхъ ихъ около 200 чело-

вѣкъ. Всѣ эти чины, по выраженію Котошихина, были „люди честные, и пожалованные годовымъ денежнымъ жалованьемъ, и помѣстьями, и вотчинами". Въ Московскомъ государствѣ былъ особый сборъ съ продажи лошадей „пятенныя деньги"; когда лошадь продавалась, то ее „пятнали" и за это бралась особая пошлина. Для сбора этой пошлины на „площадкахъ", гдѣ происходилъ торгъ лошадьми, посылались перечисленные чины. Такимъ образомъ, они являлись дѣйствительными княжескими чиновниками, нѣкотораго рода властью. Былъ еще „ухабничій," который поддерживалъ на ухабахъ царскій экипажъ. Онъ былъ также помѣщикъ. Наконецъ, ниже всѣхъ стояли „стадные конюхи," которые пасли лошадей; ихъ было около 200 человѣкъ. Кромѣ того, разныхъ ремесленныхъ людей, принадлежавшихъ къ конюшенному вѣдомству (каретники, шлейники, сѣдельники, коновалы, кузнецы, сыромятники, колесники), насчитывалось до 100 человѣкъ. (Котош., VI, 6).

Въ званіе конюшаго возводились только введеные бояре. Вотъ, боярскія фамиліи, изъ среды коихъ брались конюшіе: Годуновы, князья Оболенскіе, князья Ушатые, Челяднины, Глинскіе, Федоровы и Нагіе. Конюшій въ качествѣ перваго придворнаго чина — это явленіе позднѣйшаго времени. Что же касается простыхъ конюховъ, то о нихъ упоминается еще въ Русской Правдѣ. Такъ, напримѣръ, 21 ст. Акад. списка говоритъ: „... а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ

своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци!

Слѣдующій придворный чинъ былъ окольничій. Извѣстный историкъ Татищевъ, дѣятель временъ Петра I и Анны Ивановны, думаетъ, что это слово происходитъ отъ слова околичность, окольница въ смыслѣ границы, и потому говоритъ, что окольничій былъ человѣкъ, вѣдавшій судъ въ пограничныхъ спорахъ. Но это не совсѣмъ точно. Важно опредѣлить, что́ вызвало этотъ чинъ и какая его дѣятельность? Карамзинъ думаетъ, что окольничій — человѣкъ, бывшій около князя. Но каково его первоначальное значеніе, что онъ дѣлалъ около князя — остается нерѣшеннымъ. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ оказывается, что онъ имѣлъ двѣ должности: 1, въ случаѣ поѣздки князя, онъ долженъ былъ ѣхать впередъ и приготовить все нужное для его помѣщенія во время остановокъ (столъ, постель и т. п.); 2, онъ имѣлъ особое мѣсто и должность при пріемахъ и отпускахъ иностранныхъ пословъ. При отпускѣ, напр., „Персидскихъ купчинъ" пословъ Персидскаго шаха въ окольничихъ былъ, „въ засѣдкѣ сидѣлъ," Бутурлинъ и пословъ „являлъ," т. е. называлъ ихъ по именамъ, докладывалъ о нихъ государю. Послѣдняя обязанность спеціально принадлежала окольничему; это вытекаетъ изъ того, что въ памятникахъ нерѣдко говорится: „вмѣсто окольничаго сидѣлъ (такой-то)." Все это видно изъ Разрядныхъ книгъ. Сначала окольничихъ было немного. Въ началѣ XVI вѣка былъ всего 1 окольничій, а потомъ 5 и 6; въ XVII ст. 4, затѣмъ 7 и, въ концѣ вѣка число

ихъ возрастаетъ до 20.

Котошихинъ считаетъ окольничаго ниже введенаго боярина. У него перечислены всѣ боярскіе роды, которые бывали и въ боярахъ и въ окольничихъ. Но при этомъ перечисленіи онъ сдѣлалъ двѣ ошибки, помѣстивъ здѣсь князей Куракиныхъ, которые никогда не были окольничими, и Измайловыхъ, не бывавшихъ въ боярахъ (Гл. II, 2).

Надо обратить вниманіе на то, что ни одинъ чинъ въ древности не ограничивался только спеціально принадлежавшими ему правами и обязанностями; напротивъ, онъ часто отправлялъ и другія обязанности — по порученію князя. Такъ и окольничіе бывали судьями, воеводами, сидѣли въ приказахъ и пр. Окольничіе всегда ниже вв. бояръ. Окольничихъ возводятъ въ званіе вв. боярина, но не обратно.

Наконецъ, послѣдній высшій придворный чинъ — крайчій. Должность его состояла въ томъ, что на торжественныхъ обѣдахъ онъ бралъ у стольниковъ кушанья и напитки и передавалъ ихъ на царскій столъ, а въ XVII в. и отвѣдывалъ ихъ. Соотвѣтственно крайчему, у царицы была „крайчая". Крайчему, кромѣ спеціальной его обязанности, поручался иногда судъ и другія дѣла, напримѣръ, засѣданіе въ царской думѣ. Обыкновенно крайчій былъ ниже окольничаго. Только въ одной боярской книгѣ за 1676 г. чинъ крайчаго поставленъ выше окольничаго; въ остальныхъ онъ ниже. Но назначались въ эту должность всегда люди хорошихъ фамилій: кн. Глинскіе, Голицыны, Булгаковы, Ростовскіе, Буйносовы, Шуйскіе и пр. Всѣ фамиліи, въ средѣ которыхъ бывали крайчіе, были боярскія фамиліи.

Ниже перечисленныхъ чиновъ стояли: стольники, стряпчіе и др. Между этими сравнительно низшими придворными чинами первое мѣсто занимаетъ постельничій. Онъ вѣдалъ постельное бѣлье и вообще все то, что касалось спальни царя; спалъ съ нимъ, раздѣвалъ, прислуживалъ при умываньи его и одѣваньи и ходилъ съ нимъ въ баню. Но, не смотря на такое близкое, интимное отношеніе къ царю, лица, попадавшія въ эту должность были не изъ важныхъ фамиліи. Вотъ фамиліи постельничихъ, встрѣчающіяся въ спискѣ Новикова: самый первый по времени — Юрій (или Ерій по чтенію Миллера), затѣмъ идутъ: Безобразовъ, Брюховъ, Буруновъ, Вешняковъ, Игнатьевъ, Мансуровъ, Михалковъ, Ададуровъ, Аничковъ, Шапкинъ, Еропкинъ и др. Всѣ они не были ни въ боярахъ, ни въ окольничихъ. Но среди постельничихъ было двѣ фамиліи, возвышавшіеся до чина окольничаго, Волынскіе и Ртищевы, и одна, возвышавшаяся до чина боярина, Годуновъ — послѣдняя фамилія поднялась случайно и весьма поздняго происхожденія. Вообще должность постельничаго стояла ниже должности крайчаго и др., но, по близости своей къ государю, считалась завидною. Постельничій былъ только одинъ; онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторое число спальниковъ и стряпчихъ.

Затѣмъ идетъ многочисленный по составу чинъ стольниковъ, находившихся отчасти въ вѣдѣніи дворецкаго, отчасти — крайчаго. Въ 1627 году ихъ было 185, въ 1629 году — 139, а черезъ 40 лѣтъ число ихъ значительно увеличилось: во второй половинѣ XVII в. ихъ насчитывалось уже болѣе 300 человѣкъ.

Лит. Гробовой Петроб. стар. Малый проск. д. № 28.

Съ разрѣшенія Профессора Сергѣевича

Они подавали на царский стол кушанья. Но, кроме главной своей должности, они часто отправляли и другія обязанности: бывали судьями, сидѣли въ приказахъ и тогда освобождались отъ придворной службы, назначались воеводами, были въ посольствахъ, въ походахъ, принимали участіе въ пріемѣ иностранныхъ пословъ и т. д., даже назначались вмѣсто кучеровъ при поѣздкахъ государей.

Къ противоположность стольникамъ, хотя послѣдніе и близже стояли къ царю, въ стольники назначались обыкновенно молодые люди изъ лучшихъ фамилій, и потому должность стольника считалась весьма почетною. Они такоже стояли въ государевой палатѣ у крюка, отворяя и затворяя двери, при впускѣ представлявшихся царю, для цѣлованія у него руки. Въ XVII в. стольники Салтыковъ и князь Хилковъ не только отправляли спеціальныя обязанности стольниковъ, но и сидѣли за кучера, а потомъ сдѣлались боярами. Въ увеличеніемъ числа стольниковъ, они, по степени своей близости къ царю, стали раздѣляться на просто стольниковъ и „ближнихъ" или „комнатныхъ" стольниковъ.

Слѣдующій чинъ, еще болѣе многочисленный, составляли стряпчіе. Число ихъ во второй половинѣ XVII в. достигаетъ до 640 человѣкъ. Самое названіе „стряпчій" происходитъ отъ глагола „стряпать", который на Руси въ XVII в. означалъ вообще что-нибудь дѣлать. Стряпчіе — это люди, которые состояли при царѣ и почти

дѣлали: носили царскій посохъ, шапку, платокъ, стулъ, возили за царемъ его доспѣхи и т.д. Однимъ словомъ, стряпчими назывались лица, употреблявшіяся для разныхъ услугъ царю, это домашніе его слуги. Самыя вещи, находившіяся въ ихъ вѣдѣніи, назывались тогда „стряпней"; отсюда говорилось: „стряпчій несетъ стряпню." Но, кромѣ домашнихъ услугъ, стряпчимъ давались и другія порученія; такъ они часто посылались гонцами, назначались на войну и т.п. Они также занимались раздачей напитковъ изъ царскихъ погребовъ, число которыхъ въ Москвѣ доходило до 30. Конечно, стряпчіе, состоявшіе при погребахъ, были ниже стряпчихъ, служившихъ при особѣ царя, точно также, какъ ближній стольникъ былъ выше другихъ стольниковъ. Былъ особый видъ стряпчаго „стряпчій съ ключемъ," который имѣлъ очень важное значеніе и стоялъ выше всѣхъ прочихъ стряпчихъ. Онъ завѣдывалъ гардеробомъ и постройкою новаго платья и находился во главѣ Мастерской Палаты. Котошихинъ говоритъ, что стряпчій съ ключемъ честью былъ равенъ окольничему (гл. VII, 12). Но это едва ли точно сказано, такъ какъ между этими чинами стояли думные дворяне, крайчій и „у ѣствы" (всегда одно лицо, находившееся при кушаньяхъ).

Далѣе слѣдуетъ чинъ дворянъ. Уже самое названіе дворянъ показываетъ, что они имѣли близкое отношеніе къ двору государя. По мнѣнію Миллера, дворянами назывались тѣ, которые всегда имѣли свободный доступъ ко двору царя. Но это не точно. Дворяниномъ первоначально

назывался не только тотъ, кто жилъ во дворѣ царя, но и тотъ, кто жилъ во дворѣ всякаго состоятельнаго человѣка.

Первое указаніе о дворянахъ находимъ въ извѣстіи лѣтописи конца XII вѣка, въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго. Суздальская лѣтопись говоритъ, что, по убіеніи князя въ селѣ Боголюбовѣ, дворъ его во Владимірѣ былъ разграбленъ гражданами боголюбскими и дворянами; въ Ипатьевской лѣтописи, вмѣсто дворянъ, сказано: „слугами княжескими"; слѣдовательно, дворяне и слуги одно и тоже. Намѣстники и другія знатныя лица также имѣли своихъ дворянъ; такъ въ Софійской лѣтописи, подъ 1429 годомъ, упоминается, что у воеводы Добрынскаго „свой дворъ". Надо полагать, что среди дворянъ были и люди несвободные, такъ какъ рабы, живя во дворѣ господина, могли также называться дворянами.

На дворянъ съиздавна возлагались разныя должности и порученія. Въ Уставной Двинской Грамотѣ дворяне являются въ роли судебныхъ приставовъ. Въ договорахъ Новгорода съ разными князьями дворяне посылаются съ вѣстями, назначаются судьями и т. п. Но съ теченіемъ времени положеніе дворянъ весьма существенно мѣняется. Іоаннъ III, по присоединеніи Новгорода, отобралъ у нѣкоторыхъ сильныхъ бояръ ихъ дворянъ и, поселивъ ихъ на земляхъ, взятыхъ у Новгородцевъ, сдѣлалъ ихъ помѣщиками и такимъ образомъ обратилъ ихъ изъ слугъ частныхъ лицъ въ слугъ государевыхъ. Изъ разрядной книги Бекетова, приводимой у Карамзина, видно, что дво-

ряне были взяты у князя Ряполовского, у Тучкова и одного изъ Шереметевыхъ. Вообще, по мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ другихъ княжествъ, дворъ государя увеличивается и переполняется удѣльными слугами; въ тоже время увеличивалось и количество присоединенныхъ свободныхъ земель, на которыхъ и помѣщались дворяне.

До XVII вѣка дворяне занимали вообще весьма невысокое положеніе; они стояли ниже столпниковъ и другихъ второстепенныхъ чиновъ; они были гораздо ниже не только бояръ, но и дѣтей боярскихъ; въ Судебникахъ бояре и дѣти боярскіе назначаются воеводами и получаютъ назначенія; о дворянахъ же въ роли кормленщиковъ не упоминается. Въ XVII столѣтіи, съ развитіемъ помѣстной системы, дворяне совершенно вытѣсняютъ класс дѣтей боярскихъ и титулъ дворянина начинаетъ вытѣснять титулъ боярина въ смыслѣ землевладѣльца.

Лучшими дворянами считались тѣ, которые были ближе къ царю, которые жили въ Московскомъ уѣздѣ. Поэтому всякій дворянинъ особенно стремился имѣть „подмосковную." Особый списокъ Московскихъ дворянъ-вассаловъ въ царствованіе Ивана Грознаго, приказавшаго въ 1550 году тѣмъ дворянамъ, которые нерѣдко для посылокъ, дать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, за некоторое время дворянъ, уже помѣщенныхъ тамъ такового. Всѣ прочіе дворяне, кромѣ Московскихъ, назывались городовыми; они въ награду за службу заносились въ Московскій списокъ. Городовые дворяне раздѣлялись на служившихъ съ городомъ и

дворянъ по выбору, но различіе это неясно.

Въ началѣ XVII в., въ ополченіе Трубецкаго, Заруцкаго и Ляпунова, была высказана мысль, что всѣ дворяне должны имѣть помѣстья. Эта мысль не теряется. Изъ года въ годъ происходитъ верстаніе дворянъ: всѣ они съ 15 лѣтъ несутъ военную службу и надѣляются землею, соразмѣрно отеческой ихъ чести. Надѣлы, по величинѣ своей, раздѣлялись на 5 разрядовъ; въ низшемъ разрядѣ полагалось отъ 40 до 100 четвертей (четверть = ½ десятины) въ каждомъ полѣ, а въ трехъ — отъ 120 до 300 четвертей пахатной и, сверхъ того, отъ 60 до 80 луговой земли; въ высшемъ разрядѣ — до 350 четвертей въ полѣ. Кромѣ того, выдавалось денежное жалованье: для низшаго разряда — отъ 3 до 5 руб., а для высшаго — отъ 7 до 12 руб. въ годъ.

Вышеприведенные надѣлы давались новикамъ, т. е. молодымъ людямъ, призываемымъ на службу, которую они и несли за эти надѣлы; затѣмъ дѣлались имъ постепенно прибавки надѣловъ. Но, при жизни отца, не всѣ дѣти получали надѣлы: если у кого было большое семейство, то младшіе сыновья, живя въ помѣстьѣ отца, на его же счетъ вооружались на войну.

На службу являлись на конѣ, вооруженные панцыремъ, саадакомъ, саблей, шлемомъ и копьемъ; служащій являлся не одинъ, а долженъ былъ выставить нѣсколько конныхъ людей, съ такимъ же вооруженіемъ; въ высшемъ разрядѣ полагалось 3 человѣка съ 4 лошадьми при господинѣ тоже на конѣ.

Московскіе дворяне составляли, какъ сказано, высшій слой дворянскаго сословія. Число дворянскихъ фамилій, внесенныхъ въ Московскій списокъ

въ XVII в. доходило до 934. Въ составъ этого дворянства вошли всѣ древніе боярскіе роды и дѣти боярскіе. Затѣмъ идетъ низшій слой дворянства — городовые дворяне. Но среди дворянъ былъ извѣстенъ еще классъ думныхъ дворянъ, т.е. дворянъ, которымъ сказано быть въ думѣ. По списку Новикова, древнѣйшіе думные дворяне появляются съ 1572 года. Въ этомъ году былъ назначенъ въ думу нѣкто Олферьевъ, затѣмъ въ 1573 г. — Безнинъ, въ 1577 г. — Воейковъ и Черемисинъ, въ 1579 г. — Пивовъ, въ 1581 г. — нѣсколько Татищевыхъ, въ 1587 г. — Писемскій. —

Списокъ Новикова не должно считать совершенно точнымъ. Очень можетъ быть, что дворянъ начали назначать въ думу нѣсколько ранѣе 1573 года. Въ Мартѣ 1553 г. болѣзнь Ивана Грознаго такъ усилилась, что думали, что онъ умретъ, и вотъ онъ захотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ престола своего пятимѣсячнаго сына. Многимъ боярамъ это не понравилось, и нѣкоторые изъ нихъ обнаружили такой взглядъ, что государь долженъ быть взрослый, который могъ бы жаловать и награждать за заслуги. Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій сказалъ царю: „я не цѣлую креста потому, что государя предъ собой не вижу." Адашевъ и другіе говорили, что они готовы повиноваться царю, а не Захарьинымъ-Юрьевымъ. На царя все это подѣйствовало непріятно, и онъ, по выздоровленіи, сталъ недовѣрчиво относиться къ старымъ боярскимъ фамиліямъ и началъ на счетъ ихъ выдвигать дворянъ, дѣлая послѣднихъ думными, т.е. вводя ихъ въ царскую думу.

Итакъ возвышеніе дворянъ начинается съ

Ивана Грозного. Но до половины XVI в. въ посольства продолжали назначаться только бояре и дѣти боярскіе, съ этого же времени, рядомъ съ ними, назначаются и дворяне. Названіе дворянина начинаетъ прилагаться уже ко всѣмъ лицамъ высшаго сословія, т.е. не только къ дворянамъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но и къ лицамъ старыхъ боярскихъ родовъ и даже княжескихъ фамилій, не получившимъ особыхъ назначеній.

Въ памятникахъ XVII в. различаются большіе дворяне и просто дворяне. Но наименованіе „большой дворянинъ" не есть чинъ; оно не указывается, а составляетъ соціальное отличіе лицъ именитыхъ родовъ отъ прочихъ дворянъ. Названіе дворянина не нравилось стариннымъ боярскимъ фамиліямъ и потому они стали даже въ оффиціальныхъ актахъ именоваться полскимъ названіемъ мляхты, шляхетствомъ, что продолжалось и въ XVIII в. Екатерина II жалованной грамотой дворянству 1785 г. дастъ окончательное право гражданства новому наименованію высшаго сословія дворянствомъ.

Слѣдующій и послѣдній классъ лицъ, о которомъ нужно теперь сказать — это дѣяки. Слово „дѣякъ" греческаго происхожденія (διάκος) и означаетъ слугу, служителя. Дѣяки появляются у насъ съ древнѣйшихъ временъ. Они занимались письмоводствомъ и отправляютъ различныя хозяйственныя должности: взиваютъ сборы пошлинъ, храненіе казны и т.д. Изъ духовныхъ грамотъ видно, что дѣяками были и рабы. Значеніе ихъ возвышается съ объединеніемъ Москов-

скаго княжества и усиленіемъ абсолютной власти Московскихъ государей. Въ это время дьяки оказываются пригоднѣе бояръ для удовлетворенія многихъ нуждъ возникающаго государства. Члены старинныхъ фамилій требовали за свои труды значительнаго вознагражденія и, кромѣ того, мѣстничались, что не согласовалось съ цѣлями государственной власти; дьяки обходились гораздо дешевле и могли быть приставлены къ чему-угодно. Возвышеніемъ своимъ послѣдніе особенно обязаны Ивану Грозному, вообще покровительствовавшему мелкимъ людямъ. Это видно изъ словъ князя Курбскаго: „государь вѣритъ писарямъ, а избираетъ ихъ не изъ шляхетства, но изъ поповичей и изъ простаго всенародства". Подобное же этому высказывалъ и Тетеринъ.

Со второй половины XVI и затѣмъ въ XVII в. дьяки являются классомъ, проникающимъ во всѣ сферы правительственной дѣятельности. Нѣтъ ни одного мѣста управленія, гдѣ бы дьякъ ни являлся или самостоятельнымъ правителемъ или помощникомъ послѣдняго. При воеводахъ непремѣнно назначались и дьяки, за самыми рѣдкими исключеніями, когда воевода посылался въ какое-либо незначительное мѣсто. При этомъ дьякъ есть не простой письмоводитель или секретарь, а товарищъ мѣстнаго правителя; при докладахъ онъ сидитъ рядомъ съ воеводой.

Въ приказы, которые въ то время представляли нѣчто въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ министерствъ, вмѣстѣ съ высшими служебными

чинами, назначаются также и дьяки. Такъ читаемъ: „... назначенъ (членомъ приказа) окольничій Стрѣшневъ, а въ товарищахъ дьякъ Башмаковъ, а въ другихъ (т.е. другимъ товарищемъ) дьякъ Вешняковъ!" Такимъ образомъ и въ приказахъ дьяки являются не простыми секретарями, а товарищами членовъ. Указы обыкновенно писались не только на имя правителя или воеводы, но вмѣстѣ и на имя дьяка, съ тою лишь разницею, что правитель или воевода именовался въ нихъ, кромѣ фамиліи, по имени и отчеству съ вичемъ, а дьякъ только по имени и фамиліи.

Въ посольства, вмѣстѣ съ вельможами, назначаются дьяки; при переговорахъ съ иностранными послами, они говорятъ отъ своего имени, только послѣ боярина, и имъ послы отвѣчаютъ. Иногда переговоры поручались однимъ дьякамъ.

Но не только въ судѣ, управленіи и посольствѣ участвуютъ дьяки; они принимаютъ участіе и въ военныхъ дѣлахъ: назначаются въ помощь къ ратному воеводѣ, объявляютъ походъ и т.д. Наказъ давался также вмѣстѣ ратному воеводѣ и дьяку. Производство смотровъ предъ войною поручалось боярамъ или окольничимъ вмѣстѣ съ дьяками, а иногда и однимъ дьякамъ. Вообще не было дѣла, въ которомъ не участвовалъ бы дьякъ.

На дьяковъ нерѣдко возлагались и чрезвычайныя порученія. Напримѣръ, въ XVII в. въ Боровскѣ случилось большое скопленіе уголовныхъ дѣлъ, виновные по которымъ сидѣли въ тюрмѣ. Для

„верхния тюремныхъ сидѣльцевъ" посланы были
двякъ Кузьминцевъ съ старыми подъячими и нѣкото-
рыми молодыми подъячими, съ обязанностью от-
писывать о ходѣ порученнаго имъ дѣла думному
дьяку въ Москву. Въ томъ же столѣ тѣмъ былъ
учрежденъ Приказъ Тайныхъ дѣлъ, во главѣ ко-
тораго былъ поставленъ дьякъ. Надзору этого
приказа подлежали прочіе приказы, управ-
лявшіеся боярами.

Случалось нерѣдко, что дьяки зазнавались
и злоупотребляли своею властью. Въ 1626 г.
въ Астраханѣ всѣ дьяка стали, такъ какъ
дьяки перессорились съ воеводами. По произве-
денному слѣдствію оказалось, что, сидя въ прика-
ной избѣ и читая указы, даже при произнесеніи
имени государя, дьяки не снимали шапокъ, а так-
же были виновны и въ другихъ преступленіяхъ.

Какъ среди дворянъ были думные дворяне,
такъ и между дьяками встрѣчаются думные
дьяки. По списку Новикова первымъ думнымъ
дьякомъ былъ нѣкто Заборовскій въ 1655 г. Но,
какъ уже сказано, Новиковъ запаздываетъ.
Думные дьяки существовали еще въ 1610 г. (Р. С.
I, № 191). Есть даже указаніе, что думные дьяки
были въ половинѣ XVI в.; именно въ 1566 г. дья-
ки сидѣли „у бояръ въ судѣ" (Р. С. I № 192). Надо
полагать, что они и здѣсь были не простыми
секретарями, а членами думы, въ рукахъ ко-
торыхъ была и письменная часть. Такъ изъ
производства суда по одному частному дѣлу — по челобитью служилаго человѣка Пи-
жакова — видно, что, думные дьякъ Данило Лу-

ховской предлагает отъ себя истцу вопросы. Разсмотревъ дѣло, бояре приговорили Тихачева, за неправильное челобитье, бить кнутомъ. Тогда думный дьякъ Луговской, сказавъ: „долго этого ждать", выхватилъ у Тихачева палку и началъ бить его. Примѣромъ думнаго дьяка увлекся думный боярин Романовъ и тоже началъ бить Тихачева.

Думные дьяки стояли выше стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ Московскихъ; простые же дьяки стояли ниже московскихъ дворянъ, но выше городовыхъ. Въ разрядныхъ книгахъ есть указаніе, что дьяки выше стряпчихъ, такъ какъ въ наказаніе дьяки приводились въ стряпчіе. Назначались дьяки обыкновенно изъ подъячихъ, гостей и дворянъ. Иногда думные дьяки назначались думными дворянами и окольничими. Во второй половинѣ XVII в. дьяки начинаютъ мѣстничаться съ другими чинами: въ 1663 г. разрядный думный дьякъ Семенъ Заборовскій билъ челомъ на окольничаго Сукина. Это происходило за царскимъ столомъ, къ которому приглашались и дьяки (далеко чаще бояръ); Заборовскій ушелъ отъ царскаго стола. Царь сначала разсердился, объявилъ Заборовскому свою опалу, но черезъ 3 дня помиловалъ его и приказалъ разобрать, чья честь выше.

Ниже дьяковъ стояли подъячіе, которые раздѣлялись на старыхъ и молодыхъ. Старымъ подъячимъ давались болѣе важныя порученія, и они иногда замѣняли дьяковъ.

Въ приказахъ по книгѣ 1627 г. было 40 человѣкъ дьяковъ, а вообще число ихъ свыше 71 че

выходило. Такимъ образомъ администрація находилась въ немногихъ рукахъ и стоила весьма недорого.

Всѣ лица служебныхъ чиновъ состояли на денежномъ и на помѣстномъ жалованьи. Каждому чину присвоивался особый окладъ; но отдѣльное лицо получало иногда окладъ и по преимуществу. Боярскій самый низшій окладъ былъ 400 рублей, которые, смотря по заслугамъ, восходили до 700-800 и даже до 900 рублей. Окольничіе начинали службу съ оклада въ 200 руб.; думные дворяне - съ 200 же рублей, думные дьяки и крайніе такіе начинали съ 200 руб.; постельничіе и стряпчіе съ ключемъ - со 120-150 руб.; стольники и простые стряпчіе съ 80 р. и менѣе и, наконецъ, простые дьяки - съ 70-80 руб.

Разряды.

Сказываніе въ чины и посылки къ дѣламъ выдались въ Москвѣ, въ Разрядномъ Приказѣ. Сначала всѣ назначенія записывались на столбцахъ, а потомъ заносились въ книги. Тѣ и другія можно видѣть въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Что же именно записывалось въ столбцы и книги? При бракосочетаніяхъ лицъ царскаго дома, при начатіи походовъ и тому подобныхъ событіяхъ назначались разныя лица для исполненія различныхъ порученій и имена ихъ вносились въ эти столбцы и книги. Такихъ столбцовъ имѣется болѣе 7000, а книгъ болѣе 1000; всѣ они не разобраны и не изданы. Въ Архивѣ Министер. (Бывш.) Иностранныхъ Дѣлъ тоже хранятся подобные документы.

Книги имѣютъ черновой характеръ, представляя собой собраніе отпусковъ исполнительныхъ бумагъ, со вставками и поправками. Въ Разрядномъ Приказѣ дѣла вѣдались отдѣльными столами. Такихъ столовъ было нѣсколько: Московскій, Новгородскій, Владимірскій, Ржевскій, Приказный и т.д. Въ этихъ столахъ и велись упомянутыя столбцы и книги; но какъ именно они велись, намъ почти неизвѣстно.

Кое-что изъ содержанія этихъ книгъ напечатано, а именно: 1, Ивановымъ (бывшимъ Директоромъ Моск. Арх. Мин. Юст.) въ Русск. Истор. Сборникѣ 1838 г. т. II и 1848 г. т. V, подлинныя дѣла по мѣстническимъ спорамъ, заявлявшимся при назначеніи на должность. 2, тамъ же, въ Описаніи Государств. Разряд. Архива, сдѣланы извлеченія изъ записныхъ книгъ Московскаго стола, касающіяся также мѣстническихъ споровъ. 3, Указъ трезвонамъ во весь годъ" или указъ, какъ быть звонамъ во весь годъ, помѣщенный въ Русс. Истор. Библіотекѣ, т. III, № 1; въ этомъ указѣ напечатано описаніе всѣхъ церковныхъ церемоній. 4, у Новикова въ XIV томѣ его Древ. Росс. Библіотекѣ, описаніе чина погребенія царевича Алексѣя Алексѣевича и царевны Татіаны Михаиловны, а въ XIII томѣ — чинъ бракосочетанія всѣхъ царскаго дома.

Но, кромѣ этихъ книгъ, которымъ усвоено названіе записныхъ книгъ, въ Разрядномъ Приказѣ велись еще боярскіе списки и книги и разрядныя книги или разряды.

Боярскія книги, не смотря на свое названіе,

содержать въ себѣ не только списки однихъ бояръ, но вообще служебныхъ чиновъ. Эти книги тоже не напечатаны. Ивановымъ изданъ алфавитный указатель фамилій, упоминаемыхъ въ этихъ книгахъ. Онъ, въ предисловіи, говоритъ, что начало боярскихъ списковъ надо отнести къ царствованію Іоанна III. Но, кромѣ этихъ оффиціальныхъ списковъ, относящихся къ XVII вѣку, мы имѣемъ, какъ извѣстно, списокъ Новикова, сокращенный изъ полнаго списка, сообщеннаго Марьей Петровной Шереметевой Вольному Россійскому Обществу. Этотъ списокъ идетъ съ 1462 г. и начинается съ перечисленія бояръ, бывшихъ на лицо во время смерти Василія Васильевича. Значитъ, списки вели и до Ивана Васильевича III. Боярскія книги хранятся въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи; ихъ всего 12 книгъ; древнѣйшая изъ книгъ относится къ 1627 г.; затѣмъ книги, съ нѣкоторыми перерывами идутъ до 1692 г. Книги эти также не отличаются особенною чистотою и порядкомъ: въ нихъ много поправокъ и приписокъ на поляхъ, и только двѣ книги (6-я и 9-я) имѣютъ оффиціальную скрепу дьяковъ. По внѣшнему своему виду книги новиковы: четверо первыя переплетены въ четверто долю листа, а остальныя восемь въ листъ. Кромѣ этихъ книгъ, въ томъ же архивѣ хранятся 60 боярскихъ списковъ, которыхъ Ивановъ не принималъ въ соображеніе при составленіи указателя; списки эти идутъ параллельно книгамъ, а именно съ 1668 по 1713 годъ. Разница между книгами и списками та, что въ книгахъ означалось содержаніе, получавшееся чинами, а въ спискахъ этого нѣтъ.

Что касается разрядныхъ книгъ или разрядовъ, то это суть погодныя и повседневныя записки о разныхъ происшествіяхъ, въ нихъ содержится вся исторія дворцовой жизни; нося оффиціальный характеръ, эти книги имѣли важное значеніе и для частныхъ лицъ, въ особенности при разборѣ мѣстническихъ споровъ. Нѣкоторыя изъ разрядныхъ книгъ были напечатаны II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеріей* въ двухъ изданіяхъ: 1, одно - подъ названіемъ собственно разрядныхъ книгъ - въ двухъ томахъ; 2, другое - подъ названіемъ дворцовыхъ разрядовъ - четыре тома. По мнѣнію издателей, разрядныя книги стали вестись съ Ивана III, но нужно думать, что онѣ велись и ранѣе. Мы имѣемъ такія книги отъ XV вѣка. Карамзинъ извлекъ нѣкоторыя свѣденія изъ Бекетовской разрядной книги, относящейся къ 1476 году. Валуевъ говоритъ, что Карамзинымъ взяты эти свѣденія изъ разрядной книги № 3 Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Изъ Бекетовской же книги Карамзинъ (въ примѣч. 205) приводитъ замѣчательную выписку о испомѣщеніи боярскихъ служилыхъ людей въ Вотской пятинѣ.

Разрядныхъ книгъ сохранилось немного. Большинство ихъ погибло особенно отъ пожаровъ. 3 Мая 1626 г. въ Москвѣ былъ большой пожаръ; онъ начался въ Китаѣ-городѣ и перешелъ въ Кремль, гдѣ находился Разрядный Приказъ, изъ коего очень немногое удалось спасти. Имѣется записка о томъ, что спасено, напечатанная Ивановымъ. Въ ней сказано, что вынесены изъ Приказа родословная книга, въ коей 43 главы, разрядная книга Василія Ивановича съ 1526 г. и перечисляются другія книги до Году-

нова. Въ запискѣ говорится, что въ смутное время книги не были ведены. Итакъ, вынесены были книги, начиная съ 1526 г. Но и изъ этого многое не сохранилось. Издателями въ казенныхъ архивахъ найдены только книги съ восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Но есть изданія, въ коихъ отпечатаны книги, относящіяся къ XVI вѣку, но эти изданія сдѣланы съ неоффиціальныхъ подлинниковъ: 1, XIII и XIV тома Древней Росс. Вивліоѳики Новикова, въ которыхъ напечатаны разрядныя книги XVI в. съ 1556 г. 2, Симбирскій сборникъ Валуева 1845 г., гдѣ отпечатаны книги съ 1559 по 1604 годъ.

Обратимся теперь къ вышеупомянутымъ оффиціальнымъ изданіямъ разрядныхъ книгъ, къ изданіямъ II Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Какъ уже сказано, этихъ изданій два: разрядныя книги, въ 2 томахъ, и дворцовые разряды, въ 4 томахъ. Издатели говорятъ, что разрядныя книги велись въ Разрядномъ Приказѣ, а дворцовые разряды — въ Приказѣ Большаго дворца. Но послѣднее едва ли вѣрно. Изъ указа 1669 г., приводимаго самими издателями въ предисловіи, слѣдуетъ заключить, что тѣ и другія книги велись въ Разрядномъ Приказѣ; указомъ 1669 г. велѣно подъячимъ Московскаго стола одному вѣдать боярскіе списки и полковую запись и дѣлать разрядную книгу, а другому — выѣзды В. Государя изъ Москвы, походы, столы, пріемы пословъ и т. п. Какъ Книги, такъ и Дворц. разряды XVII вѣка. Книги идутъ съ 1614 по 1678 годъ, разряды — съ 1612-1700. Но чѣмъ объяснить, что книги и разряды, относясь къ одному и тому же времени, по содержанію своему различны?

Лит. Гробовой Петерб. стор. Малый просп. д. № 28.

Съ разрѣшенія Профессора Сергѣевича

Кромѣ записныхъ книгъ, которыя, какъ уже было сказано, содержатъ въ себѣ матеріалъ, касающійся разныхъ назначеній, въ Разрядномъ Приказѣ велись еще книги, въ которыхъ подробно записывались только извѣстнаго рода событія, въ послѣдовательномъ порядкѣ, погодно, напр., столы царскіе, или похоронные, или пріемы пословъ и т. п. Но, кромѣ такихъ книгъ, существовали краткія записки того же самаго, что содержится въ книгахъ; въ этихъ запискахъ, (при назначеніи, напр. намѣстн., воеводъ), только перечислялись посылаемыя лица, а даваемыя имъ наказы не вносились. Итакъ были различныя книги. Были, напр., еще книги станичныя, въ коихъ записывались воеводы и другіе чины, посылаемые въ украинскіе города.

Намъ неизвѣстно, сколько и какія именно существовали у насъ книги, такъ какъ многія изъ нихъ лежатъ ненапечатанныя въ разныхъ архивахъ. Въ запискѣ, изданной Ивановымъ, о книгахъ, вынесенныхъ изъ Разрядного Приказа въ пожаръ 1626 года, сказано, что въ числѣ этихъ книгъ были книги разрядныя перечневыя и книги разрядныя подлинныя. Различіе между ними тоже самое, какое было между только-что разсмотрѣнными подробными книгами и краткими записками Разрядного Приказа. Подлинныя книги - это черновыя книги, которыя велись въ столахъ Приказа, каждая для извѣстнаго рода событій; въ нихъ имѣется вся подлинная переписка. Перечневыя книги - это краткія выписки изъ подлинныхъ книгъ по всѣмъ предметамъ.

По внимательномъ обзорѣ книгъ, изданныхъ-

II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярiи, можно сдѣлать заключеніе, что книги разрядныя суть, по всей вѣроятности, подлинныя книги, а дворцовые разрядные книги перечневыя. Такъ въ разрядной книгѣ 7125 года (I Др. 211) содержится назначеніе ратныхъ воеводъ подъ Смоленскъ и въ Псковъ съ перечисленіемъ посылаемыхъ съ книги служилыхъ людей. Между тѣмъ въ дворцовыхъ разрядахъ того же года (т. I Др. 249) объ этомъ назначеніи упомянуто коротко, безъ перечисленія служилыхъ людей; а рядомъ съ этимъ извѣстіемъ помѣщены и другія, военныя и придворныя, но тоже коротко. Это различіе наводитъ на мысль, что книга 7125 г., напечатанная въ Разр. кн., содержитъ подлинную полковую запись 7125 г., а книги того же года Дворц. разр. - перечневую - всякихъ происшествій. Такимъ образомъ содержаніе дворцовыхъ разрядовъ по предметамъ гораздо полнѣе содержанія разрядныхъ книгъ, но все въ нихъ изложено короче.

Но не всѣ книги Дворцовыхъ разрядовъ одинаковы по своей полнотѣ: въ однихъ изъ нихъ записаны всѣ событія, случившіяся въ году, а въ другихъ не всѣ. Самая полная книга дворцовыхъ разрядовъ 7183 г. (1674 г.) помѣщена въ III томѣ и занимаетъ около 700 столбцевъ (973-1644) печатнаго изданія, между тѣмъ, какъ есть книги дворцовыхъ разрядовъ, занимающія лишь 30-40 столбцевъ.

Перечневыя книги составлялись, надо думать, также въ Разрядномъ Приказѣ и представляютъ извлеченія изъ основныхъ книгъ. Велись онѣ довольно небрежно: мѣсяцы нерѣдко перепутаны.

Цѣль составленія разрядныхъ книгъ и дворц-

ловых разрядов издатели видят в сведении всех случаев местничества, для разрешения местнических споров; это сказано в предисловии. Но, кажется, цель эта гораздо обширнее; она могла состоять в желании иметь историю всей дворцовой среды.

Местнические споры.

Всякий чин в Моск. госуд., по общему правилу, жаловался государем, но при этом принималась в расчет отеческая честь жалуемого лица, которая не у всех была одинакова. Сообразно с отеческой честью, все роды можно разделить на пять слоев: 1, роды, члены которых могли быть назначаемы только боярами; 2, роды, члены коих назначались как в бояре, так и в окольничие; 3, роды, члены которых назначались в окольничие, но не назначались боярами; 4, четвертый слой составляли роды, из которых назначались чины ниже окольничего: стольники, стряпчие и т.п.; 5, наконец, к пятому слою относились все лица, служившие „с городов", по городскому списку.

Существовал особый термин: „быть с кем-либо безсловно", употреблявшийся в том смысле, что известное лицо, по своей отеческой чести, не могло спорить с другими и, при назначении на низшую, в сравнении с последними, должность, обязано принять ее без возражений. Так, напр., князь Львов служил „безсловно" с кн. Одоевским, сознавая, что „Одоевские выше нас жалуют в Разряды", т.е. занимают высшие места, получают от Разряда высшие назна-

ченія. Это - счетъ разрядномъ или счетъ по Разряду.

Но былъ еще счетъ лѣствицею, т.е. счетъ по родству, въ предѣлахъ одного и того же рода. Такъ отецъ былъ всегда выше сыновей; постороннее лицо, равное по чести отцу, считалось также выше сыновей послѣдняго. Приведемъ нѣсколько примѣровъ на выраженіе „безсловно". Шереметевъ, напр., считаетъ себя выше кн. Данилы Долгорукова, доказывая это слѣдующимъ образомъ: „Долгоруковы кн. Данилѣ можно быть меньше меня, Бор. Шерем., п. что отецъ его, кн. Иванъ бывалъ меньше тѣхъ, которые бывали безсловно съ дѣдомъ моимъ". Кн. Дмитрій Пожарскій, узнавъ о спорѣ Долгорукова съ Шереметевымъ, говорилъ: „Напрасно Данило Долгорукій споритъ съ Шереметевыми, такъ какъ мы, Пожарскіе, были съ Шеремет. всегда безсловно, а съ Долгорукими мы въ версту (т.е. равны) и даже повыше ихъ."

Что касается счета разрядномъ, то въ XVII в. даже нѣкоторыя княжескія фамиліи не считались по разряду высокими. Такъ, напр., князья Касаткины считались городовыми и нигдѣ въ разрядахъ не были. Тоже надо сказать о князяхъ Мещерскихъ. Когда въ 1624 г. кн. Никиф. Мещерскій былъ назначенъ вторымъ воеводой въ Тулу, то никто изъ подчиненныхъ не захотѣлъ съ нимъ служить. Въ 1616 (1618) г. князь Волынскій, по прозванію Меринъ, отказался служить вмѣстѣ съ Головиневымъ, но ему указали, что люди безродные по государеву указу не должны тягаться съ родовитыми.

Когда одна фамилія стояла „безсловно" выше другой, то члены послѣдней не могли спорить

съ членами первой. Въ этомъ случаѣ говорилось: „имъ не сошлось". Мѣстническіе споры могли происходить лишь между тѣми, кому „сошлось", которые другъ другу „въ версту", кто были между собой равны „глазъ въ глазъ". Такіе люди суть „мѣстники", и только такимъ давался счетъ. Если, по разборѣ дѣла, оказывалось, что они дѣйствительно равны другъ другу по чести, то имъ дѣлался разводъ, давалась „разводная грамота". Но такъ какъ разобрать дѣло иногда представлялось очень трудно и долго, то въ такихъ случаяхъ выдавалась „невмѣстная грамота", по которой лицо, получившее низшее назначеніе и считавшее это для себя безчестьемъ, обязано было принять его до окончанія спора съ тѣмъ, что это назначеніе не будетъ считаться при разборѣ отеческой чести. Такія грамоты обыкновенно оканчивались такъ: „.... и ты былъ бы безъ мѣстъ" или „и ты бы на нашей службѣ былъ, а та тебѣ служба невмѣстна".

Вопросъ: кто же родословенъ, если даже князья были неродословны? Въ XVII в. человѣкъ считается родословнымъ не по одному только происхожденію отъ славнаго предка; къ этому должна присоединяться и служба всѣхъ членовъ его фамиліи въ высшихъ рядахъ чиновной лѣстницы. По разборѣ мѣстническаго спора нѣкоего Погожева съ Барятинскимъ, дьякъ объявилъ такую резолюцію: „вы, Погожевы, неродословные люди; ни въ какихъ высшихъ чинахъ вашъ родъ не бывалъ".

Итакъ на мѣстническіе счеты „на мѣстническую честь нельзя смотрѣть, какъ на тормазъ

индивидуальной дѣятельности. Способные люди новыхъ фамилій могли выдвигаться и при мѣстничествѣ и наоборотъ недѣятельные члены старинныхъ фамилій непремѣнно оставались въ тѣни и старыя фамиліи, вслѣдствіе этаго, теряли по разрядамъ передъ новыми.

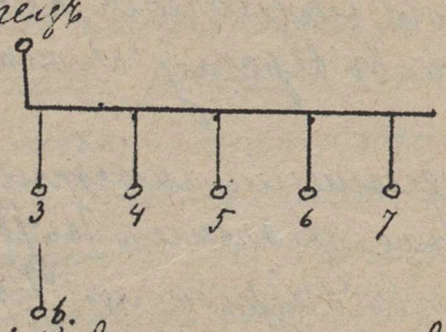
Что въ мѣстническихъ спорахъ была нѣкоторая доля чванства, что они свидѣтельствовали объ отсутствіи солидарности среди боярства, этого отрицать, конечно, нельзя.

Въ большинствѣ случаевъ мѣстническіе споры были относительными. Обыкновенно не мѣсто не нравилось, а нежелательно было служить подъ другимъ лицомъ, которое считалось ниже по родовой чести. Впрочемъ, были случаи и безотносительныхъ споровъ. Такъ, Головинъ отказывался отъ чина окольничаго потому, что предки его ниже боярина должностей не занимали. Въ 1625 г. князь Пронскій отказался ѣхать вмѣсто окольничаго, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что Пронскіе и въ прямыхъ окольничихъ не бывали. Точно также кн. Хованскій и Пушкинъ, назначенные въ Вязьму для собиранія запасовъ, отказались отъ этого назначенія потому, что никто изъ людей имъ „въ версту" съ такимъ порученіемъ не ѣздилъ.

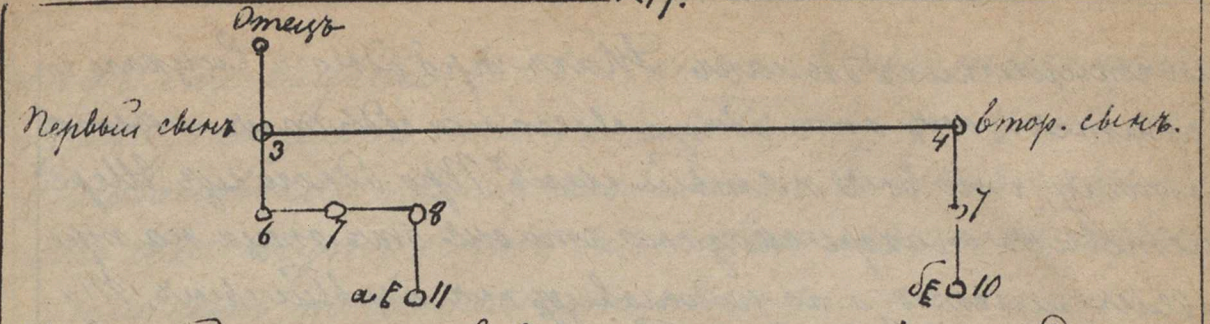
При разрѣшеніи мѣстническихъ споровъ имѣлъ важное значеніе „Государевъ-Родословецъ", который велся въ Разрядномъ Приказѣ и въ который записывались всѣ высшіе роды, члены коихъ занимали первыя должности въ государствѣ. Этотъ „Родословецъ", вѣроятно, вошелъ въ „Родословную

книгу" (или такъ называемую „Боркатую книгу"), которая начала составляться съ 1682 г. Она до сихъ поръ еще не розыскана, хотя извѣстно, что во время Московскаго пожара 1626 г. она была вынесена изъ Разрядного Приказа.

Счетъ мѣстничествъ, какъ уже сказано было, употреблялся при разрѣшеніи мѣстническихъ споровъ или между членами одного и того же рода, или между членами разныхъ родовъ, родоначальники коихъ находились въ извѣстномъ взаимномъ отношеніи по разряду. Въ этихъ случаяхъ дѣлались особаго рода исчисленія, предполагавшія опредѣленное положеніе каждаго члена рода на мѣстницкой родовой чести. Какъ же опредѣлялись эти мѣста родовой чести? Князь Пожарскій, въ спорѣ своемъ съ кн. Лыковымъ, говоритъ: „всякій сынъ отъ отца своего занимаетъ четвертое мѣсто." Но это не совсѣмъ точное выраженіе. Изъ разсмотрѣнія многихъ другихъ мѣстническихъ дѣлъ можно вывести слѣдующія правила: сыновья не равны честью; они по старшинству рожденія одинъ другаго меньше на одно мѣсто; старшій же сынъ отъ отца своего считается на третьемъ мѣстѣ, второй сынъ — на четвертомъ, третій — на пятомъ и т.д.



По этому старшій внукъ отъ перваго сына равенъ четвертому своему дядѣ и выше пятаго своего дяди однимъ мѣстомъ, шестаго — двумя и т.д.



Изъ этой росписи видно, что поколѣніе младшаго сына по родовой лѣствицѣ можетъ быть выше нѣкоторыхъ членовъ поколѣнія старшаго сына. Внукъ бЕ старше однимъ мѣстомъ внука аЕ, хотя этотъ послѣдній принадлежитъ къ старшей линіи. Про этого послѣдняго, т.е. одиннадцатаго (по счету отъ дѣда) обыкновенно говорилось, что онъ „къ чужому роду малъ," что значило: если кто-либо изъ чужеродцевъ ниже по разряду этого одиннадцатаго, то онъ будетъ ниже и всѣхъ другихъ членовъ рода, къ которому принадлежитъ этотъ одиннадцатый. Выраженія: „онъ къ чужому роду великъ" и „онъ къ чужому роду малъ" суть синонимы выраженій: „онъ въ нашемъ родѣ великъ" и „онъ въ нашемъ родѣ малъ." Изъ приведенныхъ примѣровъ можно видѣть, что, съ одной стороны, младшіе по степени родства члены фамиліи могли быть выше честью старшихъ членовъ, а съ другой - члены младшихъ линій могли опередить членовъ старшихъ линій. Только первородные отъ первородныхъ по старшей линіи всегда стояли выше членовъ остальныхъ линій рода.

Какъ установилось правило, что старшій сынъ имѣетъ отъ отца третье мѣсто, а братья одинъ другаго меньше на одно мѣсто, - намъ неизвѣстно; но существованіе этого правила доказывается многими указаніями въ

мѣстническихъ дѣлахъ. Такъ про одного Сицкаго говорится: „онъ отъ отца своего на седьмомъ мѣстѣ потому, что онъ пятый сынъ". Про одного изъ Шереметевыхъ также сказано, что онъ отъ отца на третьемъ мѣстѣ, а по родословцу онъ первый сынъ. Такимъ образомъ Пожарскій выразился не точно, говоря, что всякій сынъ занимаетъ четвертое мѣсто отъ своего отца. Счетъ разрядами тоже можно представлять себѣ въ видѣ лѣстницы, такъ какъ въ разрядныхъ спискахъ заносилось, кто занималъ какія мѣста, а послѣднія, по степени своей важности, также представляли какъ бы лѣствицу. Какъ на примѣръ, укажемъ, что въ XVII в., по разряднымъ спискамъ, Тверская архіерейская каѳедра лѣствицею считалась ниже Вологодской, но выше Коломенской; слѣдовательно, каѳедры эти шли въ такомъ порядкѣ: Вологда, Тверь, Коломна.

Мѣстническое право слагалось дѣйствіемъ двухъ источниковъ — обычнаго права и княжескихъ уставовъ. Князья вмѣшивалась въ мѣстническіе счеты въ видахъ упрощенія ихъ. За все время своего существованія мѣстничество находилось въ періодѣ сложенія и не достигло полнаго завершенія: кое-что было опредѣлено, кое-что нѣтъ. Мѣстники иногда сами не знали, вліяетъ извѣстное назначеніе на отеческую честь, или нѣтъ. Такъ въ 1616 г. князь Тюфякинъ билъ челомъ, чтобы его не поставили ниже кн. Волконскаго, объясняя, что онъ звалъ Мерика къ столу, а Волконскій сказывалъ (представилъ) его царю. Царь велѣлъ записать въ разрядахъ, что стольнику, который зоветъ, до окольничаго, который представляетъ, дѣла нѣтъ (т.е. между ними мѣстъ

нѣтъ). Еще случай: въ 1625 г. князю Ромодановскому было приказано звать посла, а кн. Татеву угощать его; Ромодановскій подалъ челобитную въ томъ смыслѣ, что если тутъ нѣтъ мѣстъ, то онъ готовъ позвать, а если есть, то боится стать ниже.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно уже, что не всѣ назначенія или должности находились въ опредѣленныхъ между собой отношеніяхъ старшинства.

При назначеніи нѣсколькихъ лицъ въ одну и ту-же должность-боярина, окольничаго, воеводы, рынды и пр.-кто прежде названъ, тотъ и старше слѣдующаго за нимъ.

Старшинство каждаго полковаго воеводы опредѣлялось не только тѣмъ мѣстомъ, которое онъ занималъ по порядку назначенія въ данный полкъ, но и старшинствомъ полка, въ которомъ онъ состоялъ.

Въ отношеніи мѣстничества разныхъ воеводъ очень важенъ указъ Ивана Грознаго 1550 г., который содержитъ въ себѣ опредѣленіе порядка счета полковыхъ воеводъ и нѣкоторыхъ другихъ военныхъ чиновъ. Подробности указа 1550 года даютъ, однако, поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ обозначая воеводъ большаго полка буквами $а^1, а^2 \ldots$, передоваго-$б^1 \ldots$, правой руки-$с^1 \ldots$, лѣвой руки-$д^1 \ldots$ и сторогреваго полка-$е^1 \ldots$ (по этому указу) имѣемъ такое отношеніе ихъ старшинства по указу:

$а^1 > б^1, с^1, д^1, е^1$.

$а^2$ нѣтъ дѣла до $с^1$.

$б^1$ и $е^1$ не $< с^1$, т.е. $б^1$ и $е^1 = с^1$.

$д$ не $< б$, т.е. $д = б$;

$д < с$.

Итак получаемъ д=с и д<с, въ чемъ и заключается существенное противорѣчіе этого указа. Можно думать, что онъ и не имѣлъ практическаго значенія, частію въ силу этого противорѣчія, а частію и потому, что не согласовался съ обычными воззрѣніями служилыхъ людей.

Одно изъ лучшихъ изслѣдованій о мѣстничествѣ принадлежитъ перу Вилуева, оно помѣщено въ Симбирскомъ сборникѣ. Такъ напечатана слѣдующая таблица воеводскаго старшинства, выведенная на основаніи заявленій на судѣ въ мѣстническихъ спорахъ.

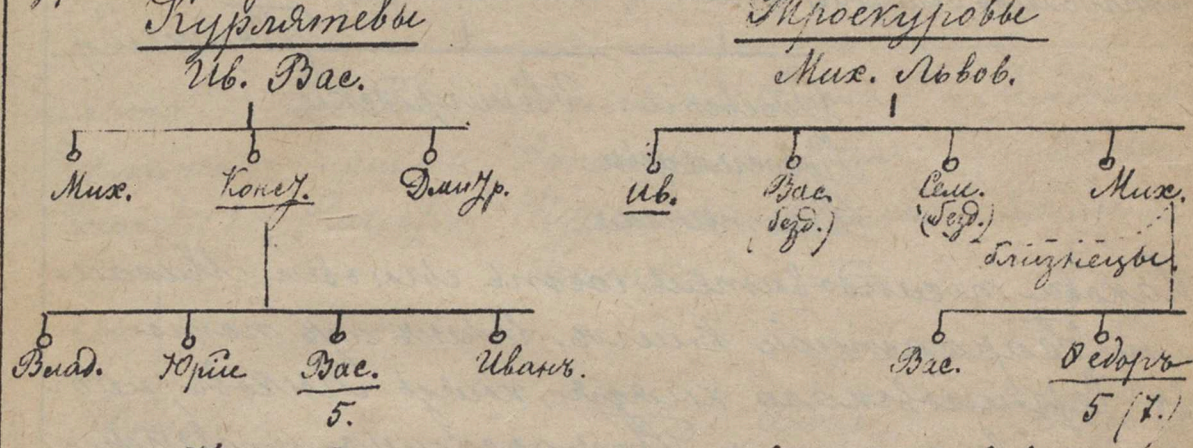
Первые воеводы.				Вторые.			
б. п.,	пр. р.,	пер.=стор.,	лѣв. р.	а,	в,	с=е,	д
0	1	2	3.	4	5	6	7
1	0	1	2	3	4	5	6
2	1	0	1.	2	3	4	5

При сравненіи этой таблицы съ мѣстническими дѣлами, она оказывается не всегда соотвѣтствующею заявленіямъ спорщиковъ. Такъ, кн. Лыковъ, въ спорѣ своемъ съ кн. Д.М. Пожарскимъ, говоритъ, что первый воевода сторожеваго полка больше втораго воеводы большаго полка только однимъ мѣстомъ, между тѣмъ какъ по таблицѣ первый больше послѣдняго двумя мѣстами.

Не смотря на нѣкоторыя несоотвѣтствія таблицы съ отдѣльными заявленіями мѣстниковъ, въ общемъ она несомнѣнно выражаетъ обычные взгляды служилыхъ людей на воеводское старшинство. Эти обычные взгляды совершенно расходятся съ правилами указа 1550 г.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ споровъ

мъстнических. Въ концѣ XVI в. были назначены воеводами: въ правую руку кн. Юрій Курлятевъ, въ сторожевой полкъ кн. Иванъ Курлятевъ, а въ лѣвую руку кн. Ѳедоръ Троекуровъ. Послѣдній остался этимъ недоволенъ и подалъ челобитную. Родословная Курлятевыхъ и Троекуровыхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:



Иванъ Глухой намѣстникъ: дядя челобитчика, Иванъ, былъ равенъ по разряду Константину Курлятеву; слѣдов., Ѳедоръ долженъ былъ равенъ третьему сыну Константина-Василію, заключеніе: Ѳедоръ долженъ принять службу. Считая по мѣстнымъ родословцамъ, находимъ, что Василій отъ Константина стоитъ на пятомъ мѣстѣ, Ѳедоръ же отъ Ивана, если считать безотчинныхъ Василія и Семена, на седьмомъ мѣстѣ. Значитъ, безотчинныхъ царь не считалъ, и только потому Ѳедоръ оказался равенъ Василію. Но на грамотѣ есть приписка, въ которой сказано, что грамота эта дана по дружбѣ дьяка Щелкалова къ Ивану Шереметеву, которому Ѳедоръ былъ шуринъ. Изъ этого можно заключить, что, по всей вѣроятности, и безотчинные должны были приниматься въ разсчетъ.

Особенно много вазненскихъ фамилій произошло отъ Михаила Черниговскаго, замученнаго въ ордѣ. Къ его потомкамъ принадлежатъ: кн. Одоев-

скіе, Воротынскіе, Звенигородскіе, Новосильскіе, Оболенскіе, Долгорукіе, Курлятевы, Тростенскіе, Мезецкіе, Барятинскіе, Масальскіе, Елецкіе, Козельскіе, Щербатовы, Лыковы, Нагіе, Ногтевы и др. Вотъ сыновья Михаила Черниговскаго: Ростиславъ, Романъ, Симеонъ, Мстиславъ, Юрій.

(Тарусскій)

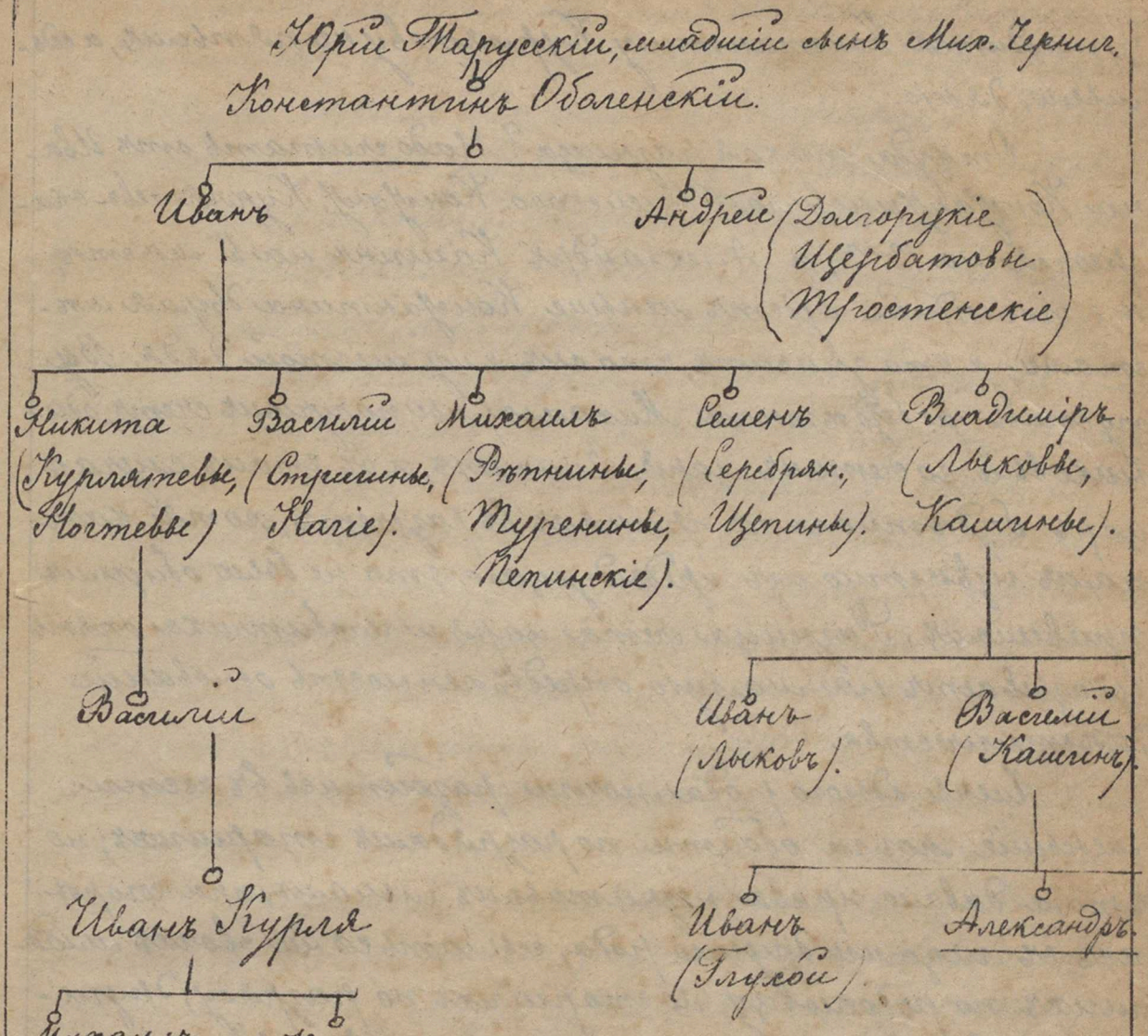
Одоевскіе Звенигородскіе

Новосильцевы.

Воротынскіе.

Такова послѣдовательность сыновей Михаила по Бархатной книгѣ. Одинъ изъ потомковъ Черниговскаго князя, князь Лыковъ, наоборотъ, въ спорѣ съ Пожарскимъ, утверждаетъ, что Мстиславъ старше Симеона. Историки расходятся. Соловьевъ, согласно Бархатной книгѣ, считаетъ Симеона старше Мстислава; Карамзинъ утверждаетъ противное. Указываетъ на это разнорѣчіе, чтобы сдѣлать понятнымъ, какъ намъ трудно разбираться въ мѣстническихъ спорахъ. Если послѣдовательность сыновей Михаила Черниговскаго спорна, то кто поручится за достовѣрность другихъ родословныхъ росписей? А на нихъ основанъ весь счетъ лѣствицей.

Въ 1573 г. Шереметевъ Иванъ Меньшой Васильевичъ предъявилъ споръ противъ Юрія Курлятева, изъ рода князей Оболенскихъ. Для наглядности, представимъ родословную таблицу:



Въ 1573 г. Шереметевъ былъ назначенъ вторымъ воеводою въ правую руку, а Юрій Конст. Курлятевъ первымъ воеводою въ передовой полкъ. Шереметевъ говорилъ, что на свадьбѣ отца большаго князя, Василія Ивановича, отецъ его, Шереметева, былъ большимъ княземъ Александра Камынина, а Константинъ Курлятевъ онъ дядя и при томъ пятый; слѣдовательно, онъ, Шереметевъ, не можетъ быть меньше Юрія.

Царь, разсмотрѣвъ дѣло по челобитной Шереметева на Курлятева, нашелъ, что Александръ Камынинъ

приходится Константину Курлятеву не пятым, а седьмым дядею.

Откуда такая разница? Надо считать от Ивана Константиновича Оболенского. Константин Курлятев окажется на 13-м месте, а Александр Камынь на 6 местах, т.е. последний будет меньше Константина двумя местами, а это значит, что он ему местной дядя. Выпустив преждеумершего Михаила, мы получим счет, одинаковый со счетом царя. Значит, и в этом случае царь бездетного не принял в расчет, хотя, как нам известно из предыдущего, это не было общим правилом. Разница счета царя и челобитчика опять указывает на малую определенность основания местничества.

Члены одного рода могли разойтись в чести: меньшие могли обойти по разрядам старших; но это не давало права незнатным членам, при спорах с лицами другого рода, ссылаться на своих младших по родословцу, но старших по разряду; другими словами, они не могли „утягивать" такими младшими посторонних лиц. Это видно, напр., из спора Лыкова с Пожарским.

Род кн. Пожарских происходил от Всеволода Юрьевича, сына Юрия Долгорукого. Вот его родословная:

Всеволодъ Юрьевичъ

Иванъ

Михаилъ + 1315.

Иванъ

Осдоръ убитъ въ Орде

Андрей

Василий (Пожарские)	Осдоръ (Стародубские)	Иванъ (Ряполовские)	Давидъ. (Палецкие).

Пожарскій ссылался на Стародубскихъ, Ряполовскихъ и Палецкихъ, а не на своихъ близкихъ (Пожарскихъ). Лыковъ отвѣчалъ ему, что они, Пожарскіе, со своими дальними давно разошлись. При этомъ Лыковъ указывалъ на князей Звенигородскихъ, которые никого не утягиваютъ своими младшими линіями — Одоевскими и Воротынскими.

Имѣются и другія подобныя заявленія, что слѣдуетъ приводить только „ближніе случаи." Такъ въ 1627 г. Колтовскому было отказано въ спорѣ его съ княземъ Волконскимъ потому, что случаи, на которые онъ ссылался, „устарѣли." Такимъ образомъ, при разрѣшеніи мѣстническихъ споровъ служба ближайшихъ родственниковъ имѣла огромное значеніе: для поддержанія чести рода нужно было, чтобы всѣ члены его стояли на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы; иначе новые люди легко могли обогнать членовъ старинной фамиліи. Причины упадка знатныхъ родовъ были весьма разнообразны; главнѣйшія изъ нихъ были: 1, жизнь въ деревняхъ и „служба съ городомъ," 2, отказъ отъ службы или отъѣздъ къ другому князю.

Какія послѣдствія имѣлъ отъѣздъ, можно видѣть изъ мѣстническихъ дѣлъ. Въ 1576 году происходилъ споръ у Зюзина съ Нагимъ; послѣдній привелъ разрядъ 1536 года, въ которомъ одинъ изъ Нагихъ былъ выше одного изъ Зюзиныхъ. Зюзинъ возразилъ, что этотъ родственникъ его отъѣзжалъ и потому мѣсто свое проѣздилъ. Пожарскій, желая утянуть Лыкова, также говорилъ, что двое Лыковыхъ отъѣзжали и что отъѣздчикамъ государи счета въ своемъ роду не давали. Итакъ, хотя отъѣздчики, по возвра-

Литографія Гробовой. Пр. Ст. Малый пр. Д. № 22.

щеніи своемъ и могли получать должности, но они теряли передъ своими родственниками мѣста.

Были и еще причины упадка родовъ. Такъ, въ 1598 году Рѣпнинъ-Оболенскій, по дружбѣ съ Сицкимъ, принялъ должность, которая была для него невмѣстна. Родственники Рѣпнина подали царю челобитную, прося не вмѣнять имъ этого случая, и получили удовлетвореніе. Самъ же Рѣпнинъ и его линія умалились какъ предъ Сицкими, такъ и предъ другими линіями его рода.

Все сказанное до сихъ поръ о мѣстничествѣ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ. Мѣстничество беретъ свое начало отъ родовой, отеческой чести, но при этомъ принимается во вниманіе и служба: члены одного и того же рода могутъ разойтись въ чести, незнатные люди могутъ обогнать знатныхъ. Что касается правилъ, регулирующихъ мѣстническія отношенія, то онѣ не были строго опредѣлены. Царскіе Указы стремятся ограничивать случаи мѣстническихъ споровъ: такъ, по указу Ивана Васильевича передовой и сторожевой полки уравнены, а служилыми людьми первый считался лучше послѣдняго. Хмыровъ неправильно думаетъ, что правительству принадлежала иниціатива мѣстничества.

Кромѣ ограничительнаго указа царя Ивана имѣется еще указъ Бориса Ѳедоровича, также значительно ограничивающій случаи мѣстническихъ споровъ. По этому указу, нѣтъ мѣстъ при встрѣчахъ иноземныхъ царевичей и пословъ и при сказкахъ, т.е. при назначеніи въ чины. Борисъ запретилъ также мѣстничаться сидящимъ за разными столами. (большимъ и кривымъ) на царскихъ обѣдахъ. Иногда

цѣлый походъ объявлялся безъ мѣстъ. Также объявлялись безъ мѣстъ цѣлыя церемоніи, происходившія во дворцѣ, напр., свадьбы и т.д.

Интересенъ вопросъ о чести царскихъ родственниковъ и свойственниковъ, которые не всегда могли сослаться на древность своего рода. Въ разрядныхъ книгахъ сказано: „Борисъ своихъ по свойству выносилъ", т.е. давалъ имъ такія мѣста, которыхъ они по своей отеческой чести и при другихъ условіяхъ не могли бы получить. При Романовыхъ дѣлалось тоже. Такъ, Борисъ Лыковъ былъ поставленъ ниже Ивана Никитича Романова. Лыковъ, считая себя выше Романова, сказалъ, что онъ готовъ скорѣе принять смертную казнь, чѣмъ унизиться, но если царь желаетъ сдѣлать это по родству, то онъ согласенъ уступить Романову. Царь нашелъ, что Романовъ не по родству, а „по многимъ мѣрамъ" выше Лыкова.

Татарскимъ царямъ и царевичамъ также давались мѣста выше членовъ старинныхъ русскихъ фамилій. Часто главнокомандующимъ назначался какой-нибудь царевичъ, а воеводами лица знатныхъ русскихъ родовъ. Для примѣра приведемъ споръ кн. Шереметева съ Сулешовымъ. Первый говорилъ, что изъ тѣхъ, кто ему „въ версту", никто не былъ меньше Сулешова. Послѣдній возражалъ, что онъ въ своемъ отечествѣ стоялъ высоко. Шереметевъ отвѣчалъ, что ему нѣтъ дѣла до его Крымскаго отечества. Царь рѣшилъ, что „по иноземству" Сулешова, Шереметеву можно „быть съ нимъ". „Быть съ нимъ" на языкѣ того времени означало: быть подъ нимъ. Точно также Бутурлины, Плещеевы и Троекуровы часто назначались съ Сулешовыми, такъ-что по-

служіе были выше этих старинных грамотей.

Назначавшіеся на должность, если последняя им нравилась, должны были благодарить царя. Кто же считал себя обиженным чувствительным назначеніем, тот должен был, чтобы не потерять чести, немедленно протестовать, т.е. подать челобитную; точно также и ответчик, если не желал уменьшить себя, подавал встречную челобитную. Челобитныя эти были двух родов: об обороне и о суде. Лицо, стоявшее неодинаково ниже другого (т.е. кому не достало), подавало челобитную об обороне; тот же, кто не уступал другому в отеческой чести (т.е. кому сошлось), подавал челобитную о суде.

Для разбора местнических дел не было постояннаго суда. Иногда эти дела судил сам царь. Большею же частью для этого назначался особый суд, состоявшій обыкновенно изъ боярина и дьяка, къ которым иногда присоединялся еще окольничій. Когда же спорное дело ограничивалось предками одного рода, то суд назначался изъ родственников спорящих лиц. Съ XVII в. местническія дела стали разсматриваться в боярской думе.

Въ судъ, разбиравшемъ местническіе споры, как и в прочих судах того времени, производство происходило словесно. Писалась только одна челобитная. Затем шли устныя объясненія, которыя потом проверялись судом. Такой порядок разсмотренія местническихъ делъ былъ не совсем удобен по трудности проверить приводимыя сторонами факты, а иногда и по невозможно-

сти сделать изъ нихъ опредѣленные выводы. Каждая сторона приводила только такіе случаи, которые были ей въ пользу, и ничего не знали о тѣхъ, которые были противъ нея. Судъ не всегда находилъ возможность сдѣлать точные выводы изъ такихъ противорѣчивыхъ заявленій. Этимъ, кажется, и надо объяснять, что дѣла по иностраннымъ спорамъ нерѣдко оставались безъ всякаго рѣшенія.

Трудность судного порядка для разбора иностранныхъ дѣлъ имѣла слѣдствіемъ то, что мало помалу для разбора ихъ возникъ другой порядокъ, что видно изъ разрядовъ XVII в. Получивъ челобитную, царь приказывалъ боярамъ не судить, а „сидѣть", т.е. имѣть предварительное засѣданіе, выслушать стороны и дать направленіе дѣлу. Иногда они давали судъ, иногда прямо отказывали, иногда же приказывали рѣшить на основаніи иска. Сыскомъ назывался процессъ, напоминающій слѣдственное производство. Онъ состоялъ въ томъ, что правительство, не входя въ повѣрку доказательствъ, представленныхъ сторонами, разсматривало дѣло по имѣющемуся у него оффиціальнымъ даннымъ. Судьи приказывали дьяку справиться съ разрядными книгами. Что дьякъ изъ нихъ выписывалъ, на томъ и основывалось рѣшеніе дѣла. Здѣсь, конечно, возможенъ былъ произволъ, а потому такой порядокъ, естественно, не могъ нравиться иностранцамъ. Такимъ же характеромъ произвола отличались вторая и третья стадіи рѣшенія дѣла, т.е. отказъ въ челобитной и назначеніе наказанія безъ суда.

Если обратимъ вниманіе на число жалобъ и результаты ихъ, то окажется, что правительство

не было особенно затруднено разрѣшеніемъ мѣстническихъ дѣлъ. Такъ, въ теченіи 1627 г. было подано только 10 челобитныхъ: по 5^ти^ челобитьямъ было отказано; въ 3 случаяхъ былъ объявленъ судъ послѣ смерти (это объявленіе, обыкновенно, не исполнялось, и смерть уговоркой, для успокоенія спорящихся); въ одномъ случаѣ назначена была челобитчику тюрьма, и, наконецъ, въ одномъ случаѣ приказано записать дѣло въ вѣдомо въ разрядахъ. Въ 1628 г. изъ 6 случаевъ во 2 отказано, въ одномъ данъ судъ по окончаніи смерти и въ одномъ приказано записать дѣло въ вѣдомо въ разрядахъ. У Валуева собраны статистическія свѣдѣнія о числѣ и рѣшеніяхъ мѣстническихъ дѣлъ.

Въ каждомъ случаѣ мѣстническихъ споровъ заключалось: оскорбленіе воли царя и оскорбленіе лица, противъ котораго возбуждался споръ. Поэтому и послѣдствія споровъ бывали двоякаго рода. На первый разъ, обыкновенно, подтверждалось исполнять царскій приказъ, а потомъ шли уже наказанія, изъ коихъ самое минимальное было заключеніе въ тюрьму на весьма непродолжительное время (день, два, три). Можно думать, что для такихъ ослушниковъ существовала особая тюрьма. Изъ памятниковъ видно, что въ Москвѣ были слѣдующія тюрьмы: опальная, холопья, разбойная, сибирка, татарка и греческая. Вѣроятно, спорливые люди, осужденные при разборѣ мѣстническихъ дѣлъ, сидѣли въ опальной тюрьмѣ. Опальные бояре и окольничіе отправлялись въ тюрьму пѣшкомъ. Разъ одинъ спорливый человѣкъ отправился въ тюрьму въ саняхъ, и по этому поводу возникло новое дѣло. Слово „опала" означало въ то

время не одно только назначеніе въ тюрьму, а вообще всякую немилость царскую, въ чемъ бы она ни заключалась. Такъ, напримѣръ, назначеніе лица, прибли-женнаго къ государю, на невыгодную или отдаленную должность, считалось такоже опалою. Такія назна-ченія, принятыя подъ опалою не вліяли на честь лица, не дѣлали „поруки" его чести. Было принято за прави-ло, что на мѣстническую честь вліяла только служба добровольная, а не опальная.

За тюрьмой слѣдовали болѣе тяжкія нака-занія: 1) батоги; 2) отнятіе имущества (всякаго, какъ-то: вотчины, помѣстья и т.д.) и ссылка въ дальніе города.

Нельзя утверждать, чтобы строго соблюдалась эта постепенность наказаній. Все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія судьи. Въ невыгодныхъ случа-яхъ обыкновенно назначалась тюрьма, но она могла быть назначена и въ случаяхъ выгодныхъ, смотря по настроенію царя въ данное время и вообще по отношенію его къ мѣстничеству. Такъ, Иванъ Грозный внимательно разсматривалъ мѣ-стническіе споры и былъ очень къ нимъ снисходите-ленъ. Федоръ Ивановичъ, напротивъ, отличался стро-гостью въ отношеніи этихъ споровъ, конечно, подъ влія-ніемъ Годунова. Самъ же Годуновъ, дѣлавшій въ царѣ, былъ очень мягокъ при разборѣ мѣстническихъ дѣлъ. Отношенія Романовыхъ къ этимъ дѣламъ весьма разнообразны. Въ это время замѣчается и нѣкоторое насиліе: приглашеннаго и нехотѣвшаго явиться къ царскому столу насильно привозили и заставля-ли сидѣть за столомъ; того же назначеннаго стоять съ сѣкирой и нехотѣвшаго это дѣлать

силою заставляли исполнить царское приказаніе. Примѣровъ такихъ не мало. Такъ, Троекурова скованнаго послали въ Калугу для исполненія царскаго порученія. Отсюда слѣдуетъ вывести, что мѣстничество у насъ въ XVII в. отживаетъ свое время и постепенно вымираетъ.

Оффиціальная отмѣна мѣстничества совершилась въ 1682 г. Это произошло слѣдующимъ образомъ. 24 Ноября 1681 г. Ѳедоръ Алексѣевичъ поручилъ кн. Голицыну и выборнымъ изъ служилыхъ людей (стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ) разсмотрѣть „ратныя хитрости," выдуманныя иноземцами, и выработать новую организацію нашихъ войскъ. Выборные предложили, вмѣсто сотенъ, завести роты, по шести въ каждомъ полку, полагая въ ротѣ 60 человѣкъ, такъ-что полкъ долженъ былъ состоять изъ 360 человѣкъ. Въ роту предполагалось собирать по человѣку съ каждыхъ 25 дворовъ. Начальниками ротъ, вмѣсто прежнихъ головъ, явились ротмистры, а подъ ними стояли поручики. Ѳедоръ Алексѣевичъ согласился и поручилъ составить списокъ ротмистрамъ. По составленіи этого списка, оказалось, что изъ многихъ знаменитыхъ родовъ никто не попалъ въ этотъ списокъ, такъ какъ въ родахъ этихъ не было въ то время годныхъ по возрасту членовъ. Выборные, опасаясь невыгодныхъ для себя послѣдствій, просили царя, чтобы члены этихъ знатныхъ родовъ были включены въ списокъ, когда войдутъ въ возрастъ, и чтобы въ войскахъ, судахъ и приказахъ быть безъ мѣстъ. Царь спросилъ духовенство; послѣднее согласилось; согласились также и бояре. Тогда царь постановилъ уничтожить мѣстни-

чество и разрядныя книги предать сожженію. Указъ объ этомъ былъ подписанъ самимъ царемъ. Сожжена была масса книгъ и дѣлъ, и это является главною причиною трудности изслѣдованія мѣстничества.

Мѣстничество, конечно, затрудняло правительство, но вредъ его обыкновенно слишкомъ преувеличиваютъ. И безъ мѣстничества возможны нелады между должностными лицами и важныя ошибки въ выборѣ ихъ. Въ Москвѣ всегда назначалось по нѣскольку воеводъ; если одинъ отказывался, другой оставался. Отказъ дѣлался въ моментъ назначенія, а потому отказавшагося можно было тотчасъ же замѣнить другимъ, безъ ущерба для службы. Въ городахъ воеводы сидѣли съ дьяками, которые могли замѣнять ихъ: слѣдовательно, власть всегда была въ мѣстности. Польза мѣстничества заключалась въ томъ, что, оказывая уваженіе къ мѣстнической чести, правительство выражало этимъ уваженіе къ самой службѣ и лицамъ служилымъ. Оно этимъ привязывало ихъ къ службѣ. Мѣстничество нельзя считать тормазомъ государственной жизни. У правительства было достаточно средствъ для устраненія вредныхъ слѣдствій мѣстничества.

„Родословецъ" не былъ уничтоженъ, и Ѳедоръ Алексѣевичъ, взамѣнъ сожженныхъ разрядныхъ книгъ, велѣлъ его пополнить такими фамиліями, которыя не были въ него внесены. Для этого, кромѣ стараго родословца, были заведены еще четыре книги, въ которыя заносились: въ 1-ю фамиліи, члены которыхъ назначались въ бояре, окольничіе, думные дворяне или бывали въ знатныхъ

посылках; во 2-х фамилiи, члены коих служили въ воеводахъ и были не въ знатныхъ посылкахъ и въ десятняхъ 1-ой статьи; въ 3-х - служившiе въ среднихъ и меньшихъ статьяхъ, и, наконецъ въ 4-х пожалованные въ московскiе чины.

Эта старая родословная книга подъ названiемъ „Бархатной книги", издана Новиковымъ по частнымъ спискамъ, доставшимся отъ Миллера. Книга эта состоитъ изъ двухъ частей (или собственно книгъ), дѣлящихся на главы по фамилiямъ. Въ ней нельзя узнать прежнихъ родословца и четырехъ добавочныхъ къ нему книгъ. Родословiе начинается здѣсь съ Рюрика, выводимаго отъ потомковъ Пруса, брата римскаго императора Августа. Затѣмъ идетъ родословiе русскихъ удѣльныхъ князей, царей казанскихъ, астраханскихъ, литовскихъ и опять русскихъ родовъ.

Русская Правда.

„Русская Правда" есть древнейший сборникъ разныхъ юридическихъ правилъ. Въ этомъ заключается вся ея важность. Извѣстно болѣе 50 списковъ Русской Правды. Они дошли къ намъ: 1) въ лѣтописяхъ, 2) въ юридическихъ книгахъ и 3) въ особыхъ сборникахъ юридическаго характера.

Лѣтописи суть сводныя погодныя записки, составлявшіяся въ разныхъ мѣстахъ. Между ними дошли къ намъ Новгородскія лѣтописи, въ которыхъ прежде всего и найденъ былъ списокъ Русской Правды. Онъ открытъ былъ историкомъ Татищевымъ въ рукописи конца XV в. Татищевъ достался съ этого памятника списокъ и представилъ его въ 1738 году въ Академію Наукъ. Этотъ списокъ былъ напечатанъ Шлецеромъ только въ 1767 году.

Списки Русской Правды не всѣ одинаковы: одни краткіе, другіе пространные. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ находятся и тѣ, и другіе. Русская Правда помѣщается въ Новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1016 и подъ 1019 годами, тотчасъ послѣ разсказа о борьбѣ Ярослава Владиміровича съ братомъ его Святополкомъ Окаяннымъ. Описавъ событія — побѣды и возвращеніе Ярослава въ Новгородъ, лѣтописецъ говоритъ, что, въ благодарность за содѣйствіе Новгородцевъ, Ярославъ захотѣлъ ихъ наградить „и нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ далъ по 10 гривенъ, смердамъ по гривнѣ, а Новгородцамъ

всемь по 10 гривенъ, и дамь имъ правду, и, написа уставъ, рече: по сему ходите и держите, якожде писахъ." События, предшествовавшія написанію этого памятника, записаны и въ другихъ лѣтописяхъ (напримѣръ, въ Лаврентьевской), но разсказа о томъ, что онъ данъ въ награду Новгородцамъ, въ нихъ не имѣется.

Кормчія книги - памятники не русскаго происхожденія. Онѣ возникли въ Византіи съ VI вѣка, для потребностей церковнаго управленія, и назывались номоканонами (νόμος - законъ, κανών - правило). Первый номоканонъ, составленный Іоанномъ Схоластикомъ въ 50 главахъ, содержитъ церковныя постановленія. Въ концѣ IX в. появился другой такой же сборникъ, приписываемый патріарху Фотію. Но это не есть трудъ одного Фотія: изъ предисловія видно, что первая часть этого сборника составлена неизвѣстнымъ лицомъ въ VII в., а вторая Фотіемъ. Первая часть состоитъ изъ 14 главъ.

До XII вѣка эти номоканоны обращались въ средѣ духовенства безъ всякихъ толкованій. Съ XII же канонисты стали ихъ толковать и вносить свои толкованія въ тексть: такови толкованія Іоанна Зонары, Ѳедора Вальсамона и Алексѣя Аристина. Къ такимъ церковнымъ сборникамъ стали присоединять чисто сборники императорскихъ постановленій, напримѣръ, эклогу Льва и Константина, которая главнымъ образомъ касается гражданскаго права (бракъ, приданое, наслѣдство и т. д.), а въ послѣдней главѣ содержитъ уголовное право.

При императорахъ-иконоборцахъ замѣчаются нѣкоторыя реформы въ области семейнаго и наслѣдственнаго права: возвышается значеніе женщины въ семьѣ, родителямъ дается право наслѣдованія послѣдѣтей прежде боковыхъ родственниковъ. Въ тоже время издаются новые законы о крестьянахъ. Реформы императоровъ иконоборцевъ въ области религіозной вызвали сильный протестъ населенія, особенно обнаружившійся въ средѣ женщинъ и въ духовенствѣ. Возникла борьба, приведшая къ отмѣнѣ многихъ нововведеній и чисто гражданскаго свойства. Результатомъ этого является новый сборникъ-прохиронъ Василія Македонянина, извѣстный у насъ подъ именемъ „Градскихъ законовъ" и представляющійся возвращеніемъ къ Юстиніанову законодательству. Въ немъ измѣнены постановленія гражданскаго права; уголовные же законы остались безъ измѣненія.

Съ принятіемъ христіанства, въ Россію были перенесены и номоканоны. Павловъ думаетъ, что уже съ самаго начала у насъ были въ употребленіи переводы обоихъ номоканоновъ, но безъ толкованій. Въ концѣ XIII в. митрополитъ Кириллъ выписалъ изъ Сербіи номоканонъ съ толкованіями. Номоканоны были у насъ и на греческомъ языкѣ, и въ переводѣ. Эти памятники называются у насъ обыкновенно кормчими книгами. Такое названіе ихъ легко объясняется имѣющимися въ нѣкоторыхъ изъ нихъ миніатюрными изображеніями, представляющими Христа среди моря,

обуреваемаго волнами.

Существуютъ два извода (редакціи) кормчихъ книгъ: 1) Софійскій и 2) Рязанскій. Типъ перваго представляетъ кормчая, написанная въ 1282 г. при Новгородскомъ архіепископѣ Климентѣ и хранящаяся въ Московской Синодальной Библіотекѣ; типомъ втораго служитъ кормчая, написанная въ 1284 г. при Рязанскомъ архіепископѣ Іосифѣ и хранящаяся въ Публичной Библіотекѣ. Сборники эти различны между собою. Первый по языку тяжелѣе, а по составу сложнѣе втораго. Рязанскій содержитъ въ себѣ только постановленія византійскія; въ Софійскомъ же находятся и русскія постановленія, между которыми помѣщенъ и списокъ Русской Правды. Этотъ списокъ самый древнѣйшій и есть одинъ изъ лучшихъ. Онъ былъ напечатанъ въ 1815 году въ Москвѣ „Обществомъ Любителей исторіи и древностей" въ 1-мъ томѣ „Русскихъ Достопамятностей". Это одно изъ лучшихъ изданій Русской Правды. ~~здѣсь~~ Но изданіе это въ настоящее время совершенно недоступно. Профессоръ Московскаго университета Мрочекъ-Дроздовскій въ 1885 году сдѣлалъ новое изданіе этого списка во 2-мъ выпускѣ его „Изслѣдованій о Русской Правдѣ".

Наконецъ, имѣются сборники, заключающіе въ себѣ нѣкоторый подборъ статей юридическаго характера — иногда только свѣтскихъ, а иногда и церковныхъ (извлеченія изъ законовъ Моисея, изъ Новеллъ Юстиніана). Между такими статьями сборники эти иногда содержатъ и Русскую Правду. Такіе

сборники часто называются „Мерилом праведным". Один из списков Русской Правды, находящийся в подобном сборнике, для нас очень важен. Это - рукопись Муссина - Пушкина или просто Пушкинский список, изданный в 1846 году Дубенским во II-м томе Русских Достопамятностей. Время происхождения этого списка спорно: Калайдович относит его к XIII веку, а Строев и Калачев к концу XIV. Пушкинская рукопись представляет своего рода хрестоматию, пополняющую чтение некоторых статей Русской Правды по Синодальному и другим спискам ед. Дубенский присоединил к своему изданию примечания или объяснительный словарь, облегчающий чтение рукописи. Издание это теперь также недоступно. Мрочек-Дроздовский к Синодальному списку приложил и словарь Дубенского, с своими дополнениями.

Калачев издал Русскую Правду по четырем спискам: 1) академическому, краткому, конца XV века, 2) Троицкому, пространному, конца XIV века, 3) Карамзинскому, также пространному, XV века, и 4) кн. Оболенского, подобранному краткого, второй половины XVII века. Здесь Русская Правда разделена на статьи. Из этих списков Академический и Карамзинский извлечены из летописей, а Троицкий и Оболенский из юридических книг. Первые два списка перепечатаны Владимирским-Будановым в „Хрестоматии по истории русского права", с его примечаниями, составляющими особенное достоинство последнего

го издания.

Калачову принадлежит еще большое сводное издание Русской Правды, это - его магистерская диссертация: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды". Здѣсь онъ отступилъ отъ натуральнаго порядка оригинальныхъ текстовъ. Онъ задался цѣлью представить полный текстъ Русской Правды въ юридическомъ отношеніи, для чего въ этомъ изданіи привелъ въ систематическій порядокъ статьи отдѣльныхъ списковъ.

Мысль о системѣ сама по себѣ очень заманчива, но систематическое изданіе Русской Правды едва ли возможно. Что такое система? Раздѣленіе юридическихъ нормъ по ихъ видамъ и родамъ: отдѣленіе государственнаго права отъ административнаго, гражданскаго отъ уголовнаго и т.д. Сводя въ такую систему правовыя нормы древняго времени, мы, естественно, придаемъ имъ современную намъ оболочку. Да это и невсегда возможно. Одна и та же статья Русской Правды, иногда, относится и къ уголовному и къ процессу и пр.

Калачовъ раздѣлилъ всѣ статьи Русской Правды по содержанію на 4 раздѣла и напечаталъ отдѣльно „понятія и статьи, относящіяся: 1) къ государственному праву, 2) гражданскому, 3) уголовному и 4) судопроизводству. При соединеніи въ одно цѣлое краткихъ и пространныхъ списковъ получилось гораздо болѣе статей, чѣмъ въ какомъ-либо отдѣльномъ спискѣ Русской Правды. (Это правильно) Въ отдѣлъ

„понятій и статей, относящихся къ государственному праву" вошли всего три статьи. Первая изъ нихъ (90 ст. Троиц. сп.) говоритъ: „А се уроци городнику: закладаюче городню куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ и за вологу и за мяса и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони, імати же ему донелѣ городъ срубять, а солоду одину дадять 10 луконъ." Вторая статья (91 ст. того же списка) читается: „А се мостнику уроци: помостивше мостъ, взяти отъ 10 локотъ по ногатѣ; аже починить моста ветхаго, то колико городнѣ починить, то взяти ему по кунѣ отъ городнѣ, а мостнику самому ѣхати со отрокомь на дву коню, 4 лукна овса на недѣлю, а ѣсть что можеть." Наконецъ, третья и послѣдняя статья (134 ст. Кар. сп.) говоритъ „о городскихъ мостехъ", т. е. мостовыхъ. Очевидно, что въ этихъ трехъ статьяхъ нѣтъ ничего, относящагося къ государственному праву. Между тѣмъ то, что есть въ Русской Правдѣ относящагося къ государственному праву, Калачевымъ не включено въ первый отдѣлъ его систематическаго изложенія Правды, и — очень понятно потому, что этого выдѣлить было нельзя, такъ какъ понятія государственнаго права входятъ въ статьи, относящіяся къ другимъ областямъ права; тамъ мы находимъ указанія по право князя судить, издавать уставы; также нормы о разныхъ

Литогр. А. Грубовой, Петерб. Ст. Больш. пр. № 23.

состояніяхъ людей, опредѣляющія положеніе княжаго мужа, смерда, закупа, и т. п. Такимъ же образомъ въ отдѣлъ „понятій и статей, относящихся къ судопроизводству" Калачевымъ внесены статьи, говорящія, вмѣстѣ съ тѣмъ, о наказаніяхъ, и потому касающіяся уголовнаго права, напр. 2 ст. Акад. списка: „Или будеть кровавъ или синь надъ раженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аще не будеть на немъ знаменіа никотораго же, толи пріидеть видокъ; аще ли не можеть, ту тому конець. Оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мъзда."

Итакъ, искуственность классификаціи статей составляетъ слабую сторону этого изданія. Достоинство же его состоитъ въ полнотѣ текста Русской Правды. Въ основаніе изданія положенъ древнѣйшій списокъ Синодальный, и, затѣмъ, къ нему присоединено множество варіантовъ изъ всѣхъ 50 списковъ.

Мрочекъ-Дроздовскій, перепечатавъ Синодальный и Академическій списки и провѣривъ ихъ съ оригиналами, напечатанъ еще новый списокъ — Бѣляевскій, который не былъ въ виду Калачева.

Для ознакомленія со списками Русской Правды, необходимо разсортировать ихъ по группамъ. Надъ дѣленіемъ ихъ на группы давно работаютъ. Первую попытку въ этомъ отношеніи сдѣлалъ профессоръ Дерптскаго

университета Тобизенъ въ 1844 году; онъ раздѣлилъ всѣ списки Русской Правды на двѣ фамиліи: къ первой фамиліи отнесъ списки краткіе (напр., Академическій), а ко второй – пространные (напр., Синодальный, Троицкій, Карамзинскій). Обѣ фамиліи различаются объемами: краткіе списки заключаютъ въ себѣ не болѣе 43 статей, а пространные – отъ 105 до 135 статей. Калачевъ не присоединился къ дѣленію Тобина. Онъ дѣлитъ списки Русской Правды на четыре фамиліи, полагая въ основу дѣленія не различіе списковъ, а различіе памятниковъ, въ коихъ найдены списки. Къ первой фамиліи онъ относитъ списки древнѣйшихъ лѣтописей (Новгородской и Ростовской), ко второй – списки Кормчихъ и близко подходящихся къ нимъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Мерила праведнаго", къ третьей – списки позднѣйшихъ новгородскихъ временниковъ, и, наконецъ, къ четвертой – списки позднѣйшихъ сборниковъ юридическаго характера, весьма различнаго содержанія. Фамиліи Калачевъ дѣлитъ на семейства. Такое дѣленіе списковъ на 4 фамиліи нельзя признать удачнымъ, такъ какъ тексты списковъ 2-й фамиліи, по заявленію самого Калачева, не представляютъ существеннаго различія отъ списковъ 3-й и 4-й фамиліи. Часто въ разнородныхъ памятникахъ находятся списки однородные, и наоборотъ.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ дѣленій –

Тобина и Калачева – слѣдуетъ придти къ заключенію, что первое дѣленіе ближе подходитъ къ истинѣ, но его надо дополнить еще третьей фамиліей. Такимъ образомъ, всѣ списки Русской Правды можно раздѣлить на слѣдующія три фамиліи редакціи: 1) списки краткіе, древнѣйшіе, образецъ – Академическій списокъ, 2) списки пространные, болѣе поздніе, какъ-то: Синодальный, Карамзинскій, Троицкій и 3) списки по объему средніе, по времени – позднѣйшіе, образецъ – списокъ князя Оболенскаго. Списки второй фамиліи многочисленные другихъ; они находятся и въ лѣтописяхъ, и въ хронографахъ, и въ „Маргаритахъ праведныхъ"; ихъ всего извѣстно 42 списка. Списковъ первой фамиліи немного; они находятся только въ лѣтописяхъ; ихъ извѣстно не болѣе шести. Еще менѣе списковъ третьей фамиліи; Калачовъ видѣлъ всего только два: Оболенскій и Толстовскій.

Что касается внѣшняго вида списковъ 1-й фамиліи, то они имѣютъ краткое заглавіе: „Правда Русская," а затѣмъ идутъ статьи безъ всякихъ заголовковъ и текстъ написанъ сплошь. Онъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части слѣдующими словами: „Правда уставлена Русскои земли, сда ся совокупи Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Косняч-ко, Перенѣгъ, Никифоръ, Кыянинъ, Чудинъ, Микула." Первая часть, состоящая изъ 17 статей, есть древнѣйшая, а вторая – изъ 26 статей, позднѣйшая.

Что касается второй части Академи-

ческаго списка, то слѣдуетъ замѣтить, что не вся она составлена за одинъ разъ и вновь и не все, заключающееся въ ней, есть результатъ совѣщанія сыновей Ярослава. Такъ, въ 21 статьѣ говорится: „.... а конюхъ старыи у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци." Изъ этого видно, что статья эта есть отдѣльное судебное рѣшеніе Изяслава, а не совокупное постановленіе трехъ князей. Далѣе, 28 статья читается: „Аще же пріидеть кровавъ мужь любо синь, то не искати ему послуха." Эта статья есть не болѣе, какъ повтореніе, только нѣсколько въ иной редакціи, начало 2 ст., гдѣ говорится: „Или будеть кровавъ или синь надъ разсенъ, то не искати ему видока человѣку тому." Статья 38я повторяетъ статью 20ю, но съ нѣкоторыми, надо думать, позднѣйшими дополненіями. Въ 20 статьѣ читаемъ: „А же убіють огнищанина у клѣти, или у коня, или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто; а тогже поконъ и тивуницу." Здѣсь месть собственника по отношенію къ нарушителю его права ничѣмъ не ограничена. Между тѣмъ 38я статья говоритъ: „Аще убьють татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то той убитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли убьють, а люди будуть видѣли связанъ, то платити въ немь." Такимъ образомъ 38 статья вноситъ нѣкоторое ограни-

чение права мести; здесь дозволяется убить вора только ночью. Это новая мысль, неизвестная статьям 20 и 21. Откуда же явилось это ограничение? По византийскому праву вора также можно было убить, но лишь в том случае, если его нельзя было поймать без опасности для хозяина дома. Это уже не месть, а необходимая оборона. В Моисеевых законах также есть нечто подобное: вора уже нельзя убить, „аще взыдет солнце на нь," т.е. если его осветит солнце. Итак, надо думать, что ограничение, выраженное 38 статьею, перешло к нам из византийского законодательства, и потому эта статья должна была возникнуть позднее, чем 20 и 21. В конце предпоследней, 42-й, статьи, определяющей доходы вирника („А се поклонь вирный" надо читать: „А се поконъ вирный"), сказано: „То ти уроки Ярославль! Все это заставляет утверждать, что вторую, добавочную часть списка нельзя рассматривать, как нечто цельное, выразившееся в уставе трех князей, и что она есть не более, как собрание отдельных постановлений, относящихся ко весьма различным временам.

Списки 2-й редакции, т.е. пространные, отличаются от списков 1-й редакции прежде всего самым заглавием, которое пространное заглавие последних и в котором упоминается имя князя: „Суд Ярославль Владимирич. Правда Русская" или „Устав великого князя Ярослава Владимировича о судех. Суд-

о душегубствѣ. Правда Русская." Затѣмъ, во всѣхъ спискахъ 2й фамиліи встрѣчаются въ текстѣ особые заголовки. Эти заголовки составлены изъ первыхъ словъ слѣдующихъ за ними статей. Напр. Заголовокъ: А же свержетъ виру. Статья: А и же свержетъ виру и т.д. Иногда такой заголовокъ относится только къ первой слѣдующей за нимъ статьѣ; такъ, заголовокъ: „О ремественникѣ и о ремественницѣ" стоитъ предъ тремя статьями — 12, 13 и 14й, изъ коихъ только первая говоритъ о ремесленникѣ и ремесленницѣ, вторая же — о смердьемъ холопѣ и рабѣ, а третья — о кормилицѣ. По размѣру списка 2й фамиліи болѣе, чѣмъ вдвое, списковъ 1 фамиліи (отъ 105 до 135 статей).

Что касается времени составленія списковъ 2й фамиліи, то, хотя они и найдены въ болѣе раннихъ рукописяхъ (отъ XIII вѣка), чѣмъ списки 1й фамиліи (XV вѣка), въ нихъ самихъ находятся указанія на ихъ позднѣйшее происхожденіе. Такъ, напримѣръ, въ 7 статьѣ Троицкаго списка перечисляются тѣже самые доходы вирники, что и въ 42 статьѣ Академическаго списка, но о Ярославѣ здѣсь говорится уже въ прошедшемъ времени: „А се покони вирнии были при Ярославѣ." Точно также во 2 статьѣ (Тр. и Карамз. сп.) говорится: „По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ"..... Итакъ, уже въ самомъ началѣ списка упоминается о съѣздѣ сыновей Ярослава послѣ смерти его. Слѣдовательно,

статья эта написана после 1054 года, приблизительно - около 1060 года, и самый списокъ долженъ быть более поздняго происхожденія, чемъ списки 1й фамиліи, которыя, по всей вероятности, говорятъ о съезде сыновей Ярослава еще при его жизни.

Какъ списки первой фамиліи образовались не сразу во всемъ своемъ составе, такъ равно и списки второй фамиліи составлялись не вдругъ, но въ теченіи довольно продолжительнаго времени. На это указываютъ помещенныя въ последнихъ спискахъ постановленія великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха (48 ст. Троиц. сп.; въ ст. Карамз. сп.)

Доказательства большей древности списковъ 1й фамиліи можно видеть еще и въ самомъ содержаніи статей. Такъ, изъ сравненія 1й ст. Русской Правды техъ и другихъ списковъ оказывается, что по первымъ спискамъ за убійство всякаго человека полагается 40 гривенъ, а по вторымъ - за княжаго мужа 80 гривенъ, а за простаго - 40 гривенъ. Выдѣленіе княжескихъ мужей въ отдельную группу есть, конечно, явленіе сравнительно позднейшее, а потому оно и неизвестно списку древнейшему. Древность списковъ первой фамиліи подтверждается еще и тѣмъ, что въ нихъ, и особенно въ первой ихъ половине, гораздо более говорится о мести, чемъ въ спискахъ второй фамиліи. Такъ, постановленія о мести содержатся въ четырехъ статьяхъ Акаде-

мического списка: 1, 2, 3 и 5-я, между тѣмъ какъ въ Троицкомъ спискѣ о мести говорятъ только двѣ статьи – 1 и 20, соотвѣтствующія 1 и 3 статьямъ Академическаго списка. Древность первой половины Академическаго списка Русской Правды видна также изъ выраженія „скотъ", употребленнаго въ 14 статьѣ въ смыслѣ денегъ; въ позднѣйшихъ спискахъ этого выраженія нѣтъ, и деньги вездѣ называются „кунами."

Списки второй фамиліи не всѣ между собою совпадаютъ. Всего болѣе особенностей представляетъ списокъ Карамзинскій. Онъ отличается отъ Синодальнаго, Пушкинскаго, Троицкаго и другихъ пространныхъ списковъ бо́льшимъ количествомъ статей. Въ немъ 135 статей, между тѣмъ какъ въ Карамзинскомъ изъ остальныхъ списковъ 2-я фамиліи не болѣе 115 статей. Но изъ 20 статей, составляющихъ разницу, только одна статья имѣетъ юридическій характеръ; это – 18 ст. Карамз. списка, говорящая: „А судовымъ кунамъ росту нѣтъ," т. е. спорныя деньги, о которыхъ идетъ судъ, не подлежатъ процентному нарощенію. Остальныя же 19 статей Карамзинскаго списка, которыхъ нѣтъ въ другихъ пространныхъ спискахъ, хотя и имѣютъ бо́льшее значеніе, но не юридическое; это – статьи 49–65, надъ которыми стоятъ слѣдующіе заголовки: „О ѣ-

цахъ, „о козахъ," „о свиниахъ" и т. п. Итакъ, по сущности юридическаго матеріала, между Карамзинскимъ спискомъ и прочими списками 2й фамиліи разницы очень мало.

Познакомившись съ особенностями списковъ первыхъ двухъ фамилій Русской Правды, сдѣлаемъ тоже самое со списками третьей фамиліи. По объему своему эти списки занимаютъ среднее мѣсто; они нѣсколько полнѣе списковъ первой фамиліи и значительно короче списковъ второй. Начальный заголовокъ у нихъ такой же краткій, какъ въ первой редакціи: „Правда Русская"; въ текстѣ имѣются заголовки, какъ и во второй редакціи. Но въ немъ не упоминаются имена князей. Это послѣднее заставляетъ думать, что списки третьей фамиліи болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ списки первыхъ двухъ редакцій, что они составлялись въ то время, когда уже изгладилась память о томъ, какими князьями сдѣланы извѣстныя постановленія.

На болѣе позднее возникновеніе списковъ третьей фамиліи указываютъ и статьи, опредѣляющія размѣръ виры. Въ древнѣйшихъ спискахъ встрѣчаемъ частныя опредѣленія: за княжа мужа 80 гривенъ, за купца 40 и т. д. Въ спискахъ 3й фамиліи эти перечисленія обобщены: „полужити за голову 80 гривенъ, либо разсудити по мужи смотря."

Составленіе списковъ первой редакціи, можно отнести ко временамъ Ярослава I, т.е. къ первой половинѣ XI вѣка. Это доказывается заключительными словами предпослѣдней статьи, говорящей о вирныхъ поконахъ: „То ти урокъ Ярославль." Что касается списковъ второй редакціи, то начало ихъ составленія должно отнести ко времени, слѣдующему тотчасъ за смертью Ярослава I, т.е. къ началу второй половины XI вѣка; на это указываютъ слова 2 статьи: „По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его" и т.д. Съѣздъ же князей, о которомъ упомянуто въ спискахъ 1й редакціи, по всей вѣроятности имѣлъ мѣсто еще при жизни Ярослава.

Имѣющійся въ срединѣ этихъ списковъ заголовокъ и статья, упоминающая о Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ (48 ст. Тр. сп., 66 ст. Кар. сп.), умершемъ въ 1125 году, указываютъ на то, что редакція списковъ второй фамиліи не была еще завершена при этомъ князѣ. Слѣдовательно, конецъ составленія ихъ надо относить ко второй половинѣ XII вѣка. Наконецъ, составленіе списковъ третьей редакціи, несодержащихъ упоминанія о князьяхъ, слѣдуетъ относить къ XIII вѣку.

Сравнивая списки по содержанію, мы находимъ, что 1 статья во всѣхъ спискахъ остается на своемъ мѣстѣ, а затѣмъ статьи второй фамиліи соста-

влены и расположены совершенно самостоятельно отъ статей первой фамиліи. На списки третьей фамиліи нельзя смотрѣть, какъ на простое сокращеніе списковъ второй фамиліи. Первыя три статьи ихъ почти совершенно соотвѣтствуютъ первымъ тремъ статьямъ первой редакціи. 8 и 9я соотвѣтствуютъ 11й и 13й. Все же остальное подходитъ къ статьямъ второй редакціи, но съ весьма большими сокращеніями. Эти сокращенія произошли не случайно, а сдѣланы, кажется, намѣренно, что́ доказывается тѣмъ, что пропущены цѣлые институты: напримѣръ, статьи о закупахъ. Самый древнѣйшій и краткій списокъ имѣетъ такія статьи, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ другихъ редакціяхъ: 17, 18 и 20 статьи. Это доказываетъ, что подробные списки не суть простое распространеніе краткихъ.

Въ таблицѣ, приложенной къ изданію Калачова, есть нѣкоторыя неточности. Такъ въ ней показано, что 2й статьи Акад. списка недостаетъ въ остальныхъ (Тр., Кар., Обол. и Синод.). Между тѣмъ она есть въ нихъ, именно: 2 3 статья по Троиц. сп. Точно также 2 статья Оболен. списка, соотвѣтствующая 2 статьѣ Акад. списка, въ таблицѣ сопоставлена только съ 28й статьей Акад. списка, составляющей повтореніе первыхъ словъ 2 ст. этого списка.

Какой системы следуютъ отдѣльные списки Русской Правды? Съ нашей точки зрѣнія вопросу о системѣ древнихъ памятниковъ нельзя придавать большаго значенія. Въ расположеніи статей Русской Правды по древнѣйшему списку можно замѣтить нѣкоторый порядокъ. Такъ сначала идетъ статья объ убійствѣ, потомъ перечисляются преступленія менѣе тяжкія: противъ тѣлесной неприкосновенности, обиды дѣйствіемъ, имущественныя преступленія. Но матеріальное право не отдѣлено отъ процессуальнаго. Что объ убійствѣ говорится прежде, чѣмъ о побояхъ, это вполнѣ естественно, но въ этомъ еще нельзя видѣть системы.

Между тѣмъ есть ученые, которые стараются доказать существованіе строгой системы въ Русской Правдѣ. Къ такимъ крайнимъ систематикамъ принадлежитъ профессоръ Московскаго университета Мрочекъ-Дроздовскій. Находя строгую систему въ расположеніи статей Академическаго списка, онъ говоритъ, что тотъ же система проходитъ и во всѣхъ остальныхъ спискахъ.

Въ первой, древнѣйшей части Академическаго списка Мрочекъ-Дроздовскій видитъ слѣдующую систему: 1 статья говоритъ объ убійствѣ, во 2-9 статьяхъ изложены менѣе тяжкія уголовныя преступленія, оскорбленія дѣйствіемъ; 10 и 11 статьи говорятъ о нарушеніяхъ права собственности и, наконецъ, 12-15 статьи процессуальныя.

Такимъ образомъ, получаются четыре группы, расположенныя въ послѣдовательномъ порядкѣ. Но въ первой части Академическаго списка имѣются еще двѣ статьи, не введенныя Мр.-Дроздовскимъ въ эту систему. Это-16 и 17 статьи. Первая изъ нихъ по содержанію должна быть отнесена ко второй, а послѣдняя къ третьей группѣ; между тѣмъ обѣ онѣ стоятъ послѣ четвертой и потому нарушаютъ систему. Кромѣ того, начало 2-й статьи, включенной Мр.-Дроздовскимъ во вторую группу, относится къ числу статей процессуальныхъ. Усматривая смыслъ Мр.-Дроздовскимъ системы требуетъ помѣщенія послѣ 1-й статьи не 2-й, а 5-й, которая по важности упоминаемаго въ ней права нарушенія (отнятія члена) должна бы была слѣдовать прямо за убійствомъ.

Мрочекъ-Дроздовскій видитъ туже систему и во второй части Академическаго списка. Вторая часть списка составлена по его мнѣнію въ три пріема и заключаетъ въ себѣ три добавленія къ первой части; первое добавленіе состоитъ изъ 18-27 статей, второе-изъ 28-30 статей, а съ 31 ст. до конца идетъ третье добавленіе. Если взять каждое добавленіе отдѣльно, говоритъ Мр.-Дроздовскій, то увидимъ туже систему, что и въ первой части: въ началѣ каждаго добавленія говорится о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, затѣмъ о преступленіяхъ менѣе важныхъ и въ концѣ объ имущественъ-

ныхъ правонарушеніяхъ. Но такое дѣленіе второй части списка на три куска, для доказательства системы, совершенно произвольно и потому не можетъ быть принято.

Мрочекъ-Дроздовскій видитъ тутъ же систему и въ Троицкомъ спискѣ. Но и это неправильно. Пространные списки еще менѣе краткихъ отвѣчаютъ требованіямъ системы.

Въ отношеніи содержанія между списками разныхъ фамилій Русской Правды замѣчается значительное различіе. Содержаніе списковъ первой редакціи, какъ древнѣйшей изъ всѣхъ, такъ и статей позднѣйшихъ, исключительно уголовное. Въ спискахъ же второй фамиліи, на ряду со статьями уголовнаго характера, встрѣчаются и статьи, относящіяся къ гражданскому праву. Таковы статьи о договорахъ займа, поклажи, о закупахъ, о наслѣдствѣ, опекѣ и о холопствѣ. Такимъ образомъ, списки второй редакціи по содержанію оказываются гораздо полнѣе списковъ первой. Что касается списковъ третьей фамиліи, то въ нихъ содержатся статьи какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго права, но съ большими сокращеніями противъ списковъ 2-й редакціи: такъ, напр., выпущены всѣ статьи о закупахъ.

Что правильнѣе,-смотрѣть ли на Русскую Правду, какъ на оффиціальный памятникъ законодательства, или счи-

тать ее работою частнаго лица? Изслѣдователи начали останавливаться на этомъ вопросѣ съ самаго того времени, какъ только сдѣлалась извѣстна Русская Правда. Шлёцеръ высказалъ взглядъ на Русскую Правду, какъ на памятникъ законодательства. Того же мнѣнія Карамзинъ, Погодинъ, Чеховайскій, считающіе древнѣйшую часть Русской Правды законодательствомъ Ярослава, а позднѣйшія - законодательствомъ сыновей его и Владиміра Мономаха. Другіе же ученые считаютъ Русскую Правду трудомъ частнаго лица. Такого мнѣнія баронъ Розенкампфъ, Полевой, Мороскинъ и Калачовъ. Но и мнѣнія есть приверженцы перваго взгляда (Ланге).

Прямыхъ доказательствъ въ пользу того или другаго мнѣнія нѣтъ, и разсматривающій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только предположительно. Первое мнѣніе основывается на свидѣтельствѣ (подъ 1016 или подъ 1019 г.), лѣтописца, разсказывающаго о томъ, что, будто бы Рус. Пр. дана Ярославомъ въ награду Новгородцамъ. Но содержаніе памятника не соотвѣтствуетъ такому извѣстію: въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ награды. Кромѣ того, послѣ упомянутаго лѣтописнаго извѣстія помѣщена Русская Правда въ первой редакціи, во второй части которой упоминаются сыновья Ярослава и имъ приписываются нѣкоторыя зако-

дующія затѣмъ статьи. А между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ въ это время еще и на свѣтъ не родился. Наконецъ, самая форма изложенія Русской Правды не соотвѣтствуетъ предположенію объ оффиціальномъ ея происхожденіи памятнику. Такъ выраженія „совкупившеся", „отложиша", „уставиша", употребленныя въ третьемъ лицѣ, указываютъ на разсказъ посторонняго лица. На это же указываютъ и слова 48 ст. Тр. сп.: „Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь.... и уставили до третьяго рѣза." Болѣе вѣроятно, что Русская Правда не оффиціальное изданіе, а частный трудъ. Что касается источниковъ Русской Правды, то прежде всего надо сказать, что нѣкоторые ученые отвергаютъ отечественное происхожденіе ея; они думаютъ, что въ ней содержится не русское, а иноземное право. Такъ, Шлёцеръ держится того мнѣнія, что содержаніемъ для Русской Правды послужило шведское и датское право; Эверсъ же, оспаривая Шлёцера на томъ основаніи, что шведскіе и датскіе законы собраны позже Русской Правды, утверждаетъ, что въ нее вошло германское право (франковъ салическихъ). Наконецъ, Погодинъ считаетъ Русскую Правду заимствованіемъ норманскаго права. Въ основаніе такого мнѣнія Погодинъ беретъ сходство древнихъ нормъ права русскаго и скандинавскаго. Но причина сходства въ данномъ слу-

чать заключается не въ заимствованіи, а въ одинаковости условій быта, порождающей сходство обычаевъ у народовъ, никогда не бывшихъ въ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Такъ, напримѣръ, месть и выкупъ существовали одинаково у многихъ народовъ, но вовсе не были заимствованы однимъ у другого. Тоже самое замѣчается и въ области гражданскаго права, напр., въ брачныхъ обычаяхъ (похищеніе невѣсты). Поэтому неосновательно считаютъ месть обычаемъ исключительно скандинавскимъ: славяне еще и теперь мстятъ. Итакъ, сходство нормъ права еще не даетъ научныхъ основаній къ заключенію о заимствованіи.

Что же вошло въ Русскую Правду? Хотя, какъ мы видѣли, Русская Правда въ цѣломъ и не есть уставъ, но несомнѣнно, что составитель ея зналъ княжескіе уставы, и нѣкоторые изъ нихъ вошли въ составъ Русской Правды. Такъ, 42 ст. Акад. сп. и соотвѣтствующая ей 7 ст. Троиц. о вирныхъ покосахъ есть несомнѣнно уставъ. Точно также 16 ст. Акад. списка и соотвѣтствующая ей 58 ст. Троицк. списка, объ ударѣ холопомъ свободнаго мужа, тоже содержитъ въ себѣ княжескій уставъ. Въ послѣдней (58 ст. Тр. сп.) статьѣ говорится: „А се аще холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромы, а господинъ его не выдастъ, то

платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ аче и кдѣ налѣзеть ударенъи тъ своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити и; но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ!" Выраженіе „бити и розвязавше" можно понимать двояко: 1) просто - раздѣть и бить; 2) у Даніила Заточника есть выраженіе „бити развязавши на саняхъ;" отсюда можно толковать и такъ: бить, растянувши на саняхъ, привязавъ къ санямъ. Далѣе, 2 статья Троицкаго списка также представляетъ княжескій уставъ. Наконецъ, 48 статья Троицкаго списка есть уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ. Вотъ, уставы, занесенные въ Русскую Правду ея составителемъ.

Вторымъ и весьма обильнымъ источникомъ Русской Правды является судебная практика. Въ древнее время право развивалось не путемъ законодательства, а путемъ судебной практики, и строгаго отдѣленія законодательной дѣятельности отъ судебной въ старину не было. Князья уставляли правила на отдѣльные случаи при рѣшеніи дѣлъ. Это не былъ собственно уставъ, а просто судебное рѣшеніе. Характеръ такого судебнаго рѣшенія имѣетъ 21 статья Академическаго списка. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о 29 статьѣ того же списка: „А иже

крадеть любо конъ, любо волы, или клѣть, да аще будеть единъ кралъ, то гривну и тридесятъ рѣзанъ платити ему; или ихъ будеть 18, то по трі гривнѣ и по 30 рѣзанъ платиті мужеви." Почему статья говоритъ о 18 ворахъ? По всей вѣроятности это случай судебной практики. Наконецъ, 1 статья Русской Правды также должна быть отнесена къ числу статей, имѣющихъ въ своемъ основаніи отдѣльныя судебныя рѣшенія. Она говоритъ: „Убьеть мужъ мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца; любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мстя, то 40 гривенъ за голову: аще будеть русинъ, любо гридінъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои будеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань." Месть и выкупъ, конечно, явленія обычнаго права; но перечисленіе отдѣльныхъ видовъ лицъ, конечно, есть слѣды судебной практики. Здѣсь слѣдуетъ разъяснить нѣкоторыя выраженія. Подъ „братомъ чадомъ" надо разумѣть племянника отъ брата. „Не будеть кто мстя," т.е. не будетъ желающихъ мстить. Слова „гридинъ", „гридьба" встрѣчаются какъ въ Русской Правдѣ, такъ и въ лѣтописяхъ. Ярославъ I роздалъ гридямъ въ Новгородѣ тысячу гривенъ; значитъ гридинаемная дружина. Срезневскій считаетъ это слово славянскимъ (хару-

танскимъ): „грида" — громада, толпа, княжеская дружина. Другіе производятъ его отъ шведскаго „gred" — мечъ. Гриди стоятъ въ связи съ словомъ „гридница" — комната. Все это понятно и легко можетъ быть соглашено. Гридни суть приближенные къ князю воины, получающіе отъ него жалованье и живущіе вмѣстѣ съ нимъ, въ его гридницѣ.

Слово „ябетникъ" въ древнихъ памятникахъ встрѣчается очень рѣдко. Въ Русской Правдѣ оно попадается всего одинъ разъ, именно — только въ 1 статьѣ Академическаго списка. Изъ лѣтописей оно встрѣчается въ первой Новгородской, гдѣ подъ 1218 годомъ сказано: „бирицъ ябетницъ", т.е. биричь ябедника. Въ позднѣйшихъ же памятникахъ слово „ябедникъ" встрѣчается очень часто; въ памятникахъ XVI вѣка оно употребляется въ смыслѣ преступника. Такъ, въ одной судной грамотѣ сказано: „смотрѣть накрѣпко.... чтобы воровъ, ябедниковъ, подписчиковъ... не было". По статьѣ втораго Судебника „искать не по животамъ (т.е. больше, чѣмъ слѣдуетъ), считается „ябедничествомъ". Слово „ѧбетникъ" производятъ отъ нѣмецкаго ambtmann (ambt — ѧбед, а „никъ" — окончаніе); это будетъ, слѣдовательно, должностное лицо. Но какъ наименованіе должностнаго лица перешло въ наименованіе преступ-

ника? Примѣромъ того, что наименованіе чиновника можетъ со временемъ обратиться въ позорную кличку, является слово „фискалъ." Какого рода обязанности лежали на amtmann'ѣ — сказать трудно; да этотъ вопросъ и не особенно важенъ, такъ какъ древніе чины не имѣли спеціальныхъ обязанностей. Сборъ доходовъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ относится къ его обязанностямъ, а отсюда и могли возникать тѣ злоупотребленія, которыя впослѣдствіи и придали ябеднику тотъ оттѣнокъ, съ которымъ онъ встрѣчается въ памятникѣ позднѣйшаго времени.

Далѣе, читаемъ въ 1 статьѣ Акад. сп.: „любо мечникъ." Слово „мечникъ" означаетъ воина и не нуждается въ объясненіи. Но затѣмъ идетъ: „аще изъгои будеть." Этимологія слова „изгой" весьма спорна. Калачовъ производилъ это слово отъ „гоить", употребляемаго въ Сибири въ смыслѣ: жить, кормить. Слѣдовательно „изгой" означаетъ отрѣшеннаго отъ жизни, отъ семьи. Другіе же (Микутскій) производятъ это слово отъ латышскаго izgois — вышедшій. Противники родовой теоріи, не допуская у насъ сильной родовой жизни, говорили, что изгой есть выброшенный изъ общины. Въ одной рукописи XV вѣка говорится: „изгойство есть непрестанныя слезы, неугасаемый огнь — безконечная бѣда". По

Русской Правдѣ положеніе изгоя не такъ печально.

Въ первой статьѣ Акад. сп. за убійство изгоя полагается такой же платежъ, что и за убійство другихъ лицъ. Кто именно были изгоями? Новгородскому князю Всеволоду, жившему въ началѣ XII вѣка, приписывается церковный уставъ, въ которомъ перечисляются нѣкоторыя лица, состоявшія въ вѣдѣніи церкви и подъ судомъ епископа: попъ, попадья, дѣячковы, „задушные люди" (завѣщанные монастырю), „изгои трои". Итакъ, три вида изгоевъ отнесены къ вѣдомству церкви, а именно: 1) „поповъ сынъ, грамоты неумѣющій," 2) „холопъ, изъ холопства выкупившійся," 3) „купецъ задолжавшій." Что же общаго у этихъ трехъ разрядовъ лицъ? Сынъ попа, неумѣющій грамоты — не можетъ продолжать дѣятельности отца, а потому, какъ выбившійся изъ колеи, лицо жалкое; купецъ въ неоплатныхъ долгахъ такоже; надо думать, что и холопъ, выкупившійся изъ холопства, находился тоже не въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ изгои, подлежавшіе вѣдѣнію церкви, это-лица, вышедшія изъ своей среды, а потому и нуждающіяся въ особой защитѣ, которую и получали отъ церкви. Дальше, въ грамотѣ говорится: „и четвертое изгойство, аще князь осиротѣетъ." Можетъ быть, были еще

и другіе виды изгойства, кромѣ перечисленныхъ. Во всякомъ случаѣ изгои были бѣдные люди, нуждавшіеся въ покровительствѣ.

Сдѣлавъ эти частныя замѣчанія, посмотримъ, что такое въ цѣломъ представляетъ статья Акад. списка. Калачовъ считаетъ ее собраніемъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній, и съ этимъ нельзя не согласиться. Характерно въ этой статьѣ то, что здѣсь за убійство всякаго лица, будь это княжескій человѣкъ или бѣдный человѣкъ, изгой, плата взимается одинаковая – 40 гривенъ. Плата эта, конечно, идетъ въ пользу обиженнаго, не погрѣмавшаго мстить.

Но такое равенство платы было только при Ярославѣ I. Послѣ же него плата за нѣкоторыхъ лицъ повышается, что видно изъ 18. статьи Акад. сп., говорящей: „Аще убьютъ огнищанина въ обиду, то платити дань 80 гривенъ убійцѣ, а людемъ не надобѣ; а въ подъздѣланомъ княжи 80 гривенъ." Что же такое огнищанинъ"? Ростиславъ Ростиславовичъ, желая примирить Новгородцевъ съ своимъ сыномъ Святославомъ, призываетъ „на порядъ огнищанъ, гридней и всѣхъ купцовъ." Новгородцы, выступившіе на помощь своему князю, такъже перечисляются въ томъ же порядкѣ: „огнищане, гриди, всѣ куцы." Такая послѣдовательность въ перечисленіи показываетъ, что огнищане, какъ и бояре вносились

считались выше воиновъ и купцовъ, были лучшими людьми: они поставлены на первомъ мѣстѣ. По этимологіи слово „огнищанинъ" стоитъ въ связи съ словомъ „огнище", указывающимъ на огонь, на домашній очагъ. Слѣдовательно, огнищанинъ — такой человѣкъ, у котораго есть свой очагъ, свой домъ, свои боги, это — домовладыка.

Въ 1 статьѣ пространныхъ списковъ плата за убійство уже разнообразится: за княжескаго мужа или тіуна полагается 80 гривенъ, а за прочихъ лицъ остается прежняя плата въ 40 гривенъ. Кромѣ того, здѣсь, вмѣсто „ябетника" стоитъ „тивунъ княжь и тивунъ бояреск."

Мы сказали, что, кромѣ обычнаго права и судебной практики, однимъ изъ важныхъ источниковъ Русской Правды являются княжескіе уставы и что къ числу такихъ уставовъ относятся 42 ст. Акад. и 7 ст. Троиц. списковъ, говорящія о вирныхъ поконахъ. Теперь постараемся подробнѣе разсмотрѣть эти статьи. 42 ст. Акад. сп. читается: „А се поклонъ вирныи: вирнику взяти 7 вѣдоръ солоду на недѣлю, тъже овенъ, любо полотъ, или двѣ ногатѣ; а въ среду рѣзану, въ три же сыры, въ пятницу такоже; а хлѣба по кольку мугуть ясти и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и сути имъ на ротъ колько могуть зобати; а вирнику 60 гривенъ и 10 рѣ-

занъ и 12 вѣверицы, а передѣ гривна: или ся пригоди въ говѣніе рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ: тъ всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю; а борошна колько мугуть изъясти. До недѣли же виро зберуть вирницы. То ти урокъ Ярославль." Изъ этой статьи видно, что вирникъ (вѣроятно, чиновникъ, судившій и собиравшій „виру," т.е. штрафъ въ пользу князя) получалъ вознагражденіе какъ натурой, такъ и деньгами. Здѣсь сначала указано продовольствіе вирника и его лошадей, а затѣмъ и положенная ему плата. Но все это здѣсь до крайности перепутано и можетъ быть разъяснено только при помощи 7 ст. Троиц. списка. Статья эта говоритъ: „А се покони вирнии были при Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ, любо полоть, любо 2 ногатѣ; а въ середу куна, же сыръ, а въ пятницу такоже; а куръ по двою ему на день; а хлѣбовъ 7 на недѣлю; а пшена 7 уборковъ, а гороху 7 уборковъ; а соли 7 голважень: то то вирнику со отрокомь; а кони 4, конемъ на ротъ сути овесъ; вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкшии, а съсадная гривна." Изъ этой статьи видно, что вирникъ бралъ 8 гривенъ отъ 40 гривенъ, слѣдов. 16 гривенъ съ 80 гривенъ, т.е. плата вирнику составляла 20% штрафа, идущаго князю. Въ 42 ст. Акад. списка 60 гривенъ стоитъ,

вѣроятно, по ошибкѣ. Кому шли 10 рѣзанъ и 12 вѣверицъ — не сказано, и это остается неяснымъ. Вѣроятно, это — 10 кунъ перекладныхъ и 12 вѣкшей, которыя, по 7 ст. Тр. списка, получаетъ метельникъ, т.е. мечникъ, сопровождавшій вирника (отъ словацкаго „метелица" — мечъ.). Также неясно въ 42 ст. Акад. сп. выраженіе: „а передѣ гривна"; по 7 же статьѣ Троиц. сп. это — „ссадная гривна", которую вирникъ получаетъ прежде всего, т.е. какъ только пріѣдетъ. Слово „борошно", употребленное въ 42 статьѣ Акад. списка, означаетъ пшеничный хлѣбъ. Для вирники полагается недѣльный срокъ, въ который онъ долженъ все обсудить, собрать и уѣхать; это, вѣроятно, для облегченія мѣстныхъ жителей, для которыхъ содержаніе вирника составляло тягость. Число лошадей вирника также ограничено: ему положено 4 коня.

2 статья Троицкаго списка также взята изъ княжескихъ уставовъ. Она находится во всѣхъ пространныхъ спискахъ и читается такъ: „По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати; а іно все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша." Изъ этой статьи видно, что князья разсуждали

о порядкѣ суда и, замѣтивъ, что Ярославъ за убійство предавалъ смертной казни, отмѣнила послѣднюю, опредѣливъ за убійство денежный штрафъ, во всемъ же прочемъ подтвердилъ порядокъ, существовавшій при Ярославѣ. Многіе думаютъ, что здѣсь говорится объ отмѣнѣ мести, но профессоръ Дерптскаго университета Нейманъ первый высказалъ мнѣніе, что подъ „убіеніемъ" здѣсь слѣдуетъ разумѣть не месть, а смертную казнь. Мнѣніе это должно признать вполнѣ справедливымъ, и вотъ почему. У насъ въ древности, на ряду съ местью, существовали и казни, перешедшія къ намъ изъ Византіи. Такъ, есть указанія, что еще при Владимірѣ Святомъ была попытка введенія смертной казни. Во 2 ст. Троицкаго списка выражено общее постановленіе князей объ отмѣнѣ смертной казни. Спеціальною статьею въ этомъ же смыслѣ является 58 статья того же списка, говорящая: „А се аже холопъ ударить свободна мужа, а оубѣжить въ хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмь аче и кдѣ налѣзеть ударенъи тъ своего истьця, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ." Итакъ, пока рабъ, уда-

ривший свободнаго человѣка, скрывается въ домѣ своего господина, съ нимъ ничего нельзя сдѣлать, и только хозяинъ его платитъ штрафъ. Но какъ только обиженный поймаетъ гдѣ-либо этого раба, то по законодательству Ярослава, его слѣдуетъ убить. Сомнительно, чтобы Ярославъ, христіанинъ и просвѣщенный князь, могъ допустить здѣсь, убійство со стороны потерпѣвшаго. Здѣсь, надо думать, говорится о смертной казни, введенной Ярославомъ и, по всей вѣроятности, не однихъ только рабовъ. Съѣздъ князей, о которомъ говоритъ 2я статья Тр. списка, происходилъ вскорѣ послѣ смерти Ярослава, что видно изъ начальныхъ словъ ея: „По Ярославѣ паки совкупившеся сынове его," т.е. вскорѣ послѣ 1054 года. Между тѣмъ мы имѣемъ извѣстіе о примѣненіи мести въ 1070 году: это-расправа Яна Вышатича съ волхвами, которая, конечно, была бы немыслима, если бы месть была уже отмѣнена.

48 ст. Троиц. списка также произошла изъ княжескаго устава, что видно какъ изъ стоящаго предъ ней заголовка: „Оуставъ Володимѣрь Всеволодовича," такъ и изъ самой статьи: „Володимѣрь Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь ..... и оуставили до третьяго рѣза, оже емлеть въ треть куны; оже кто возметь два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возметь

три рѣзы, то иста ему не взяти." Въ старину, какъ и теперь, очень злоупотребляли процентами, ростовщичество было сильно распространено Церковь и князья принимали противъ этого мѣры. Самую высшую изъ такихъ мѣръ и выражаетъ 48 статья. 46 статья не представляетъ еще никакихъ ограниченія для процентовъ. Въ ней сказано: „Аже кто даетъ куны въ рѣзъ, или наставъ въ медъ, или жито въ прісопъ, то послухи ему ставити: како ся будеть рядилъ, такоже ему имати." Слѣдующія же двѣ статьи уже представляютъ ограниченія. Именно, 47 ст. говоритъ: „О мѣсячныи рѣзъ, оже за мало, то імати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть, а мѣсячныи рѣзъ погренути," т.е. за годъ нельзя брать мѣсячные проценты, а только третные; по третямъ года. Владиміръ Мономахъ пошелъ еще далѣе. По 48 статьѣ, можно брать только два раза третные проценты, кто же возметъ въ третій разъ такіе проценты, тотъ лишается капитала. Наконецъ, въ 49 статьѣ разрѣшается брать по 10 кунъ на гривну въ годъ, что составляетъ 20%. Такимъ образомъ, были проценты мѣсячные, третные и годовые; первые, надо думать, были самые большіе, но и вторые также значительны: два раза взятые, они рав-

нячить капиталу.

Есть еще источникъ, послуживший матеріаломъ для Русской Правды. Это византійское право, на вліяніе котораго указываютъ многія статьи. По 93 ст. Трапез. сп. малолѣтнія дѣти, въ случаѣ вступленія ихъ матери въ новый бракъ, отдаются вмѣстѣ съ ихъ долею и прочимъ имуществомъ въ опеку ближайшему родственнику, который, когда они придутъ въ совершеннолѣтіе, долженъ возвратить имъ принятые капиталъ и имущество съ приплодомъ „отъ чегядии и скота", а то, что пріобрѣталъ на этотъ капиталъ собственными трудами, могъ взять себѣ въ вознагражденіе. 94 ст. говоритъ: „Аче же и отчимъ приметъ дѣти съ задницею, то такоже есть рядъ, а дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сыновi." Первая половина этой статьи, кончающаяся словомъ „рядъ", послѣ котораго слѣдовало бы стоять точкѣ, служитъ продолженіемъ предыдущей статьи, а вторая половина должна составлять отдѣльную статью, по которой долю отца безъ дѣлежа идетъ младшему сыну: очень интересное явленіе, наблюдаемое и теперь въ поморскихъ уѣздахъ. Въ 93 статьѣ только одно правило русскаго происхожденія, это- вознагражденіе опекуна; всѣ остальныя правила, устано-

вленныя въ этой статьѣ суть слѣды византійскаго права, по которому мать, при вступленіи въ новый бракъ, должна была заявить объ этомъ; тогда къ дѣтямъ и къ имуществу ихъ назначался опекунъ, которымъ не могъ быть отчимъ. Если же мать не заявитъ о выходѣ своемъ замужъ, и отчимъ, управляя движимымъ имѣніемъ, растратитъ его, то, по византійскому праву, онъ отвѣчаетъ, какъ опекунъ. Только въ такомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать первую половину 94 статьи. Опекуномъ же отчимъ никакъ не могъ быть; это слѣдуетъ изъ 93-й статьи.

2019377430